

Алексѣй Харузинъ.

СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ

(КИРГИЗСКАЯ БУКЕЕВСКАЯ ОРДА).

СТРАНИЧКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИГИ

съ 13 фототипными таблицами.

МОСКВА.

Типографія А. А. Левенсонъ. Петровка, Рахмановскій пер.

1888.

Оглавление текста.

Стр.

I.

Столица песковъ.

Волга.—Владиміровка.—Буднисть.—Станція.—Въ степи.—Пески.—Пріѣздъ въ Ханскую Ставку.—Исторія Букеевской орды.—Букеевская орда.—Столица песковъ.—Жизнь въ Ставкѣ.—Ночь въ Ставкѣ.—Избіеніе собакъ.—Тюрьма.—Арестанты. 3

II.

Энскурсіи въ „плосной“ и „барханной“ степяхъ.

Чулакъ-куна.—Агедиль.—Верблюды и лѣсь.—Неудавшаяся охота.—Утебаевъ.—Уштерэкъ.—Пески.—Охота среди бархановъ.—„Семь сестеръ“.—Оазись.—Хаки.—Могила хана.—Балка.—Охота на тушканчика. 34

III.

Поѣздка на „второй оврагъ“. Утэшъ-Гали.

Дорога.—Жаркій день.—Усталость и жажда.—Кибитка киргиза.—Дойка скота.—Киргизка.—Утэшъ-гали.—Степной дождь.—Джума-гали.—Кибитка.—Киргизъ и Татаринь.—Киргизская семья.—„Кхазакъ“.—Сословность у киргизовъ.—Вражда родовъ.—Плотина.—Ауль.—Татаринь въ киргизской степи. 65

IV.

Муратсай. Малая Богдо.

Дорога.—Оазисъ.—Искусственный бассейнъ въ степи.—
 Балка.—Мнимая опасность.—Киргизъ-зоологъ.—Молитва
 киргиза.—Ночь въ степи.—Тревога въ степи.—Горькая
 рѣчка.—„Овражекъ“.—Въ степи.—Наши проводники.—
 Встрѣча.—Скорпионъ и тарантуль.—Сказанія калмыковъ
 и киргизовъ о горѣ, Большая Богдо.—Шайтанъ.—Ночь.—
 Утро.—Гора въ степи.—Большая змѣя.—Могила кирги-
 за.—Отѣздъ. 98

V.

Степь Нарынъ и степь Акирма.

Ѣзда въ степи.—Отѣздъ.—Станція въ степи Нарынъ.—
 Дождь и Джума-гали.—Перекликается степь.—Дорога
 и приѣздъ въ Казанку.—Татаринъ.—Ново-Казанка.—Во-
 да въ степи.—Страхъ Джума-гали.—Лодка въ степи.—
 ✓ Зброшеннй поселокъ и кладбище.—Степь Акирма.—
 Русь среди орды.—Бородинскій постъ.—Приемъ у Сул-
 тана.—Яковъ.—Дѣйствіе кумыса.—Скачка у киргизовъ.—
 Верховая ѣзда.—Послѣднія версты. 127

VI.

Баскунчанъ. Чапчачи.

Тяжелый день для Джума-гали.—Выѣздъ изъ Ставки.—
 ✓ Несчастіе Джума-гали.—Баскунчакскій поселокъ.—Но-
 вый міръ для киргиза.—Соляное озеро.—Опять степь.—
 Гроза.—Чапчачи.—Каменная соль.—Ущелье въ степи.—
 Пещера.—Волга 154

VII.

На дельтѣ Волги.

Низовья Волги.— Астрахань.— Жизнь въ Астрахани.—
 Нравы и типы Астрахани.— Отплытіе къ морю.— Малень-
 кая непріятность.— Ночлегъ на рѣкѣ.— Черепаха.— Даль-
 нѣйшій путь.— Каспій.— На берегу у Киргизовъ.— Охо-
 та на пеликановъ.— Кочевье калмыковъ.— Тинакскія ле-
 чебныя грязи.— Домой. 170

Оглавленіе

фототипныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ Шереромъ и Набгольцомъ
 съ фотографіи А. Харузина.

Молодая киргизка и киргизъ-старикъ	къ	21
Двѣ киргизки на верблюдѣ	„	40
Киргизская зимовка	„	50
Балка въ степи.	„	65
Типы киргизокъ	„	72
Киргизскій ауль	„	94
Простая кибитка	„	106
Типы киргизовъ	„	120
Переѣздъ черезъ степь	„	128
Типы киргизовъ	„	137
Богатая кибитка	„	143
Соляная стѣна	„	165
На дельтѣ Волги	„	184

I.

Столица песковъ.

Волга.—Владиміровка.—Буддистъ.—Станція.—Въ степи.—Пески.—Пріѣздъ въ Ханскую Ставку.—Исторія Букеевской орды.—Букеевская орда.—Столица песковъ.—Жизнь въ Ставкѣ.—Ночь въ Ставкѣ.—Избіеніе собакъ.—Тюрьма.—Арестанты.

... Громадная масса воды—то широкими волнами перекатывается она, то тихо, но съ страшной силой течетъ среди равнинъ. Разливъ еще не кончился въ низовьяхъ Волги, еще затоплены большая часть береговъ и острова; мели исчезли; тамъ, гдѣ былъ яръ, теперь онъ не виденъ. Волга разлилась въ ширь, по плоской равнинѣ: вода мутная, желтобурая; тутъ и тамъ изъ подъ воды торчатъ одинокія деревья, мѣстами даже цѣлыя рощи; корни деревьевъ подмываются и массами смываются они; цѣлыя глыбы глинистой почвы отрываются и уносятся могучимъ потокомъ. Берега получаютъ новый рельефъ; срываются острова, образуются новые; громадная масса илу и песку уносятся внизъ до моря и отлагаются тамъ: образуются мели, острова, и море Каспійское все больше и больше уступаетъ

мѣсто Волгѣ, а дельта ея, и безъ того дѣлящаяся на сотни рукавовъ, дробится еще и еще больше и, незамѣтно превратившаяся сама въ море воды, сливается съ моремъ соленымъ въ одно

*

Но вотъ, отошли въ даль крутые берега, уже давно скрылись лѣса и луга—потянулась справа и слѣва степь

Вдвое сильнѣе зашумѣли колеса нашего парохода; онъ повернулся, грузно ударился о деревянную крышу пристани брошенный „легкой“; на пристани раздались крики:

„Лови, держи, притягивай!“

Навалился пароходъ на пловучую пристань, *) она покачнулась, покачнулся пароходъ, еще раза два ударилъ колесами,—и мы стали.

Мы были у пристани Владиміровки **); въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея находится Владиміровка — деревня, уже издали видная—съ массою вѣтряныхъ мельницъ.

Мужикъ въ потертомъ армячкѣ, стоя у своей телѣги, вызвался свезти насъ на почтовую станцію въ деревню. Утромъ былъ дождь, — и безъ того плохая дорога, стала еще хуже; колеса глубоко

*) Чтобы пристани во время разлива Волги не затоплялись, дѣлаются онѣ пловучими и способными подыматься и опускаться, соотвѣтственно поднятію и опаденію уровня воды.

***) Лежитъ немного выше Чернаго Яра на Волгѣ.

врѣзывались въ глинистую почву, и намъ невольно приходилось соблюдать равновѣсіе, чтобы неупасть.

Мы переѣхали Ахтубу, и вотъ потянулась ровная степь. Несмотря на недавній дождь, она имѣла жалкій, пересохшій видъ. Ежеминутно, чуть ли не изъ подъ колесъ, бросались стремглавъ суслики; они какъ-то опроретью отскакивали въ сторону и бросались внизъ головой въ свои норки.

— „Эка, у насъ ихъ развелось,—страсть“!—замѣтилъ нашъ мужикъ, — „собирались извести ихъ, да живучи и ужь больно проворны, каналы, всѣхъ не изведешь“.

Между тѣмъ, сталь накрапывать дождь и, минутъ черезъ 10, значительно усилился.

— „Вамъ бы, господа, обождать дождичекъ, а то вѣдь промокнете, до деревни-то версты еще 3 будетъ, а лошаденка-то у меня плохенькая, когда еще дотащитъ“!

Въ сторонѣ стоялъ домикъ; мы подѣхали къ нему; радушно принялъ насъ хозяинъ, мѣстный врачъ, и ввелъ въ горницу.

Онъ былъ калмыкъ, типичный калмыкъ: смуглое лицо, черные волосы; широкая переносица была какъ бы вдавлена; онъ былъ изъ образованныхъ калмыковъ и носилъ европейское платье.

— „Присядьте, господа“,—сказалъ онъ намъ, когда мы вошли въ горницу.

„Вы откуда, куда ѣдете,—на долго?“—переходя съ одного вопроса на другой, спрашивалъ онъ.

И, узнавъ онъ насъ, что мы ѣдемъ въ Киргизскую степь, добавилъ:

„Такъ вы, значить, къ киргизамъ, вотъ я вамъ сейчасъ покажу хорошаго киргиза“. — „Аймембетъ!“—крикнулъ онъ, подойдя къ двери.

Въ комнату вошелъ человекъ невысокаго роста; онъ имѣлъ апатичный видъ, желтый цвѣтъ лица; длинные, черные, тонкіе усы спускались вдоль рта внизъ; борода рѣдкая, черная. Лицо его, казалось, никогда не оживлялось улыбкой.

— „Дай намъ чаю“,—сказалъ ему хозяинъ.

Киргизъ приподнялъ верхнюю губу, какъ будто собираясь что-то сказать, но она опять опустилась; онъ моргнулъ, и, медленно повернувшись, вышелъ вонъ.

— „Смышленный малый“,--замѣтилъ хозяинъ послѣ ухода киргиза;—„только магометанинъ; они всѣ какъ татары. Нѣтъ, магометанская вѣра мнѣ не нравится: какъ можно вѣрить въ Магомета, въ магометанскій рай? По моему двѣ вѣры и есть, къ которымъ можно принадлежать: христіанство и буддизмъ“.

Онъ сталъ говорить о величїи буддїйской религїи.

— „Конечно, только необразованный можетъ вѣрить въ различные молитвенные барабаны, въ боговъ и тому подобное, но это не есть настоящій буддизмъ; настоящій буддизмъ есть великая идея, и очень похожъ на христіанство. Христосъ и

Будда говорятъ собственно одно и то-же—о любви къ ближнимъ, о смиреніи, о кротости. Я очень уважаю ученіе Христа, и, хотя я и буддистъ и ярый буддистъ, но Евангеліе у меня всегда подъ рукой“. Онъ показалъ на маленькое Евангеліе, лежавшее на столѣ.

Чего ты, матушка Русь, не вмѣщаешь въ себѣ! и буддизмъ, и магометанство, и православіе, сотни народностей, сотни мѣстныхъ обычаевъ, тысячи разныхъ мыслей и идей—и все это рядомъ одно съ другимъ, все это уживается безъ ненависти, сливаясь стройно въ одно цѣлое. Взглянешь на карту: разнородными цвѣтами окрашена Русь, но еще раснороднѣе, еще болѣе чуждо другъ-другу то, что вмѣщаетъ она въ дѣйствительности, составляя при томъ одно неразрывное цѣлое.

Дождь прошелъ и мы собрались ѣхать въ деревню.

— „Будете проѣзжать вторично, не забудьте захватить ко мнѣ“,—крикнулъ намъ любезно хозяинъ.....

— „Въ эту пору-то дождичекъ ничего, даже хорошо, а то у насъ ужъ больно жарко, такъ иной разъ запалить солнце, что не знаешь, куда и дѣться“,—говоритъ намъ нашъ мужичекъ, подергивая возжами и подгоняя слегка кнутомъ лошадь.

— „Вонъ они опять послѣ дождя пошли“,—добавилъ онъ, показывая на бѣжавшаго суслика.

Дѣйствительно, съ проясненіемъ погоды, суслики вновь оживились, бѣгали и скакали по степи, доро-

жа золотымъ временемъ и спѣша еще до захода солнца натаскать себѣ въ нору корма.

На почтовой станціи встрѣтила насъ хозяйка. — „Можетъ, чаю напьетесь, а то и ночуете у насъ; что вамъ спѣшить, вона солнце-то какъ низко“,—говорила она пріятнымъ голосомъ.

Но мы оставаться не хотѣли: мы были рады, что выбрались наконецъ изъ города, и стремились подалее отъ всего, что намъ могло напоминать о немъ.

А Владиміровка совсѣмъ не привлекательна; дѣйствительно, большая деревня съ сѣрыми домами; пыльная или грязная улица—все то же, все то же.

А впереди насъ степь; она словно манила, словно звала насъ къ себѣ. Мы дѣйствительно спѣшили увидаться съ нею глазъ на глазъ, словно намъ суждено было пробить въ ней лишь мигъ одинъ.

Ямщики торопились запречь лошадей. Къ намъ подошелъ хозяинъ, толстый мужикъ съ окладистой черной бородой, съ добродушнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергичнымъ лицомъ.

— „Ну-съ, теперь сейчасъ будетъ тройка готова“.—Замѣтилъ онъ.—„Деньги здѣсь заплатите? у насъ полагается за всю дорогу сразу“—добавилъ онъ, немного погодя...

Не прошло и 20 минутъ, какъ мы были уже среди степи, оставивъ позади Владиміровку.

Солнце было уже низко; слегка вечерѣло; суслики стали встрѣчаться рѣже. Передъ нами раз-

вернулась чудная степь, безмолвная въ своей простой красотѣ. Владиміровка уже скрылась совсѣмъ изъ виду. Мы, какъ корабль, среди безбрежнаго, зеркальнаго моря, ѣхали въ нашей повозкѣ среди ровной и тихой степи. Ей, казалось, не будетъ конца. Воздухъ, послѣ дождя, былъ особенно чистъ и пріятенъ; мягко ласкалъ онъ лицо; только изрѣдка наплывали струи холоднаго вѣтра—отголоски дальняго сѣвера и остатки уступившей зимы. Голубымъ туманомъ была затянута даль: тѣмъ пріятельнѣе, тѣмъ заманчивѣе казалась она; будто сокровища, будто сокровенныя тайны хранила она за собой, и хотѣлось мчаться, вѣчно мчаться впередъ безъ оглядки, безъ усталости, куда-то далеко, далеко...

Изрѣдка попадались намъ орлы; они величаво сидѣли на столбахъ телеграфа; не глядя на насъ, показывали они свои рѣзкіе профили и, какъ будто, не обращали на насъ вниманія; но стоило только приблизиться къ нимъ на нѣсколько саженей, какъ они, сначала присѣвъ и вытянувъ шею, взмахивали крыльями и низко, низко перелетали дорогу.

Хотя не поздно, но было уже темно, когда мы подѣхали къ воротамъ станціи; ихъ отворила женщина. Держа фонарь высоко надъ головой, она, щурясь и моргая, глядѣла на насъ.

Мы рѣшили ночевать здѣсь, чтобы на слѣдующій день рано утромъ ѣхать дальше.

Въ низкой и тѣсной комнатѣ, съ вымазанными глиною стѣнами, пахло сыростью и было душно;

слѣлалось еще душнѣе, когда принесли намъ самоваръ.

Я вышелъ въ степь; она уже спала.

Небесный сводъ, темно-синій, почти черный, былъ устѣянъ звѣздами; близко отъ горизонта виднѣлся узкій серпъ мѣсяца, проливавшій слабый, зеленоватый свѣтъ на степь. Она спала; легкой, ароматичный воздухъ парилъ надъ ней; откуда-то изъ недостижимой дали доносились легкіе звуки: они то медленно замирали, то, слегка звеня, тихо, тихо раздавались вновь; было что-то таинственное, непонятное среди этой тиши, среди этого полумрака,—чувствовалось словно чье-то невидимое присутствіе. Изрѣдка легкими волнами надвигались потоки воздуха, тоже медленно, словно сонные, словно нехотя, проносясь по этой сонной равнинѣ...

*

Солнце еще не взошло, когда мы съ товарищемъ были уже на ногахъ; наскоро напившись чаю, вышли мы въ ожиданіи лошадей въ степь.

Все, что казалось наканунѣ, во мракѣ, таинственнымъ, лежало передъ нашими глазами съ нѣмой простотой; степь кругомъ, даль въ туманѣ, тутъ и тамъ кибитки киргизовъ. Зарозовѣлъ, заалѣлъ востокъ, и вдругъ выкатилось изъ-за горизонта яркое солнце; взблеснули лучи, обѣжали ближайшіе и дальніе предметы; все заиграло при утреннемъ свѣтѣ, затѣмъ засіяло спокойно и радостно

подъ равномерными лучами подыавшагося солнца. Степь оживилась: козы, бараны потянулись стадами; верблюды встали съ земли и направились къ колодцамъ; поднялись кóшмы *) кибитокъ и вышелъ киргизъ. Проснулось и въ воздухѣ все: ласточки, пѣночки перепархивали и потряхивали крыльями, пробудившись отъ ночнаго покоя. Вѣялъ настойчиво, безъ перерыва, суровый утренній вѣтеръ, какъ будто вступаая съ лучами солнца въ борьбу...

— Съ постепеннымъ наступленіемъ дня, мало по малу, терялась эта прохлада, и южный день вступалъ въ свои права. Мимо насъ мелькали съ неизмѣннымъ постоянствомъ телеграфные столбы, мы пробѣгали версты и десятки верстъ, одну станцію за другой. Минулъ полдень; наступила жара; степь словно закурилась; на горизонтѣ показались миражи: пропадая, и появляясь вновь, они оживляли и разнообразили картину.

Наконецъ, мы на послѣдней станціи; 85 верстъ уже сдѣланы; остается еще 25. Станція эта называется „Горькой рѣчкой“, по имени горько-соленой рѣчки, протекающей верстахъ въ трехъ отъ станціи. Теперь послѣдняя тройка, послѣдній переѣздъ и затѣмъ — Ханская ставка, (или Рынь-Пески) ближайшая цѣль нашего путешествія; потянулись бѣлые солончаки; показались, ослѣпляющія глазъ, со-

*) Бѣлый войлокъ, которымъ покрываются кибитки.

ленья лужи, окруженныя растеніями кроваваго цвѣта; въ дали что-то желтѣлось.

— „Что это, ямщикъ“?

— „А это, баринъ, и есть самые Рынь-Пески *), т.-е. просто пески, тамъ и Ханская Ставка въ пескахъ въ самыхъ лежитъ; теперича пески протянулись далеко, на нѣсколько верстъ“.

Скоро мы поровнялись съ этими песками. Ямщикъ попридержалъ лошадей—начиналась тяжелая дорога. Вокругъ насъ торчали песчаные бугры со скудной растительностью; мѣстами эти бугры сливались, образуя песчаные холмы; въ сторонѣ показалось среди песка что-то въ видѣ бесѣдки. Ямщикъ объяснилъ, что это могила хана.

— „Тутъ ханы жили прежде: у киргизовъ свое правленіе было; ну, а потомъ велѣно ханамъ не быть, и послѣдняго хана похоронили здѣсь; какъ онъ жилъ въ Рынь-Пескахъ, такъ и похоронили его въ пескѣ“.

Мы поднялись на песчаный бугоръ, и передъ нами открылась Ханская Ставка. Цѣлый рядъ деревянныхъ сѣренъкихъ домовъ—растительности никакой; виднѣлась церковь съ зеленой крышей; выдавались нѣсколько домовъ изъ общаго, невзрач-

*) Степь эта называется собственно Нарынь, что значитъ на калмыцкомъ языкѣ „узкій песокъ“ (Паласъ, III т.). Русскіе сдѣлали изъ слова Нарынь Рынь-Пески; этимъ словомъ называется не только вся восточная песчаная часть киргизской степи, но и сама Ханская Ставка.

наго уровня. Вся Ставка казалась душной, пыльной, непривлекательной. Такъ хотѣлось вернуться назадъ въ степь, на свободу; усталость словно прошла, лишь бы не въ это душное, знойное, неуютное мѣсто...

Проѣзжа япо улицѣ Ставки, мы привлекали всеобщее вниманіе: тутъ и тамъ высывались головы любопытныхъ; многіе останавливались, чтобы поглядѣть намъ вслѣдъ. Провинція—захолустье. Много татаръ, много киргизовъ; мальчишки, дѣвченки разныхъ племенъ, народностей и возрастовъ; на улицахъ глубокій песокъ.

Мы остановились на почтовой станціи, но въ виду того, что мы были намѣрены расположиться въ Ставкѣ на болѣе или менѣе долгое время, мы сейчасъ же приняли мѣры для найма квартиры.

Полицейскій Леонтій, уже раза три возвращался съ извѣстіемъ, что квартиры свободной нѣтъ; но, должно быть, на него сильно подѣйствовалъ своей неожиданностью нашъ пріѣздъ, такъ какъ онъ, несмотря на свою, повидимому, неподвижную натуру, и не взирая на сильную жару, побѣжалъ снова, загребая ногами песокъ, и на этотъ разъ съ добрымъ результатомъ вернулся назадъ: квартира была найдена.

— „Нашель-съ“,—сказалъ онъ, становясь на вытяжку, обливаясь потомъ, и съ трудомъ переводя духъ,—„тутъ не подалече, у татарина Хассана“.

Квартира, дѣйствительно, была въ двухъ шагахъ

отъ станціи. Мы вошли во дворъ; вокругъ крылечка были посажены турецкіе бобы и повелика; у порога стоялъ татаринъ—хозяинъ, онъ былъ слегка выпивши. Пошатываясь, ввелъ онъ насъ въ довольно чистую комнату; мы сговорились касательно цѣны.

Хассанъ вышелъ; ушелъ и Леонтій—мы остались одни. Вотъ мы и на мѣстѣ. Наша комната не велика и не мала; рядомъ съ нею маленькая, темная комната. Черезъ тонкую стѣну слышенъ разговоръ нашихъ сосѣдей: мужской и женскій голосъ, изрѣдка слышенъ плачь ребенка. Три окна—во дворъ; два—на улицу. На дворѣ собрались мальчишки рускіе, татары и киргизы; на улицѣ пусто, много песку: онъ лежитъ легкими волнами, а сбоку подымается большой бугоръ; на немъ глиняный домъ съ плоской крышей; у его двери прислонилась женщина въ красномъ платьѣ и бѣлой чадрѣ. Изрѣдка проходятъ молча киргизы, изрѣдка выступаетъ верблюды—слышатся голоса...

— Прошло, быть можетъ, не болѣе получаса, какъ дверь въ нашу комнату отворилась и вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина, невысокаго роста, плотно сложенный, съ густой окладистой бородой.—Онъ представился.

— „Я очень, очень радъ“,—говорилъ В. А.— „на долго-ли вы къ намъ? У насъ положительно съ тоски погибнуть можно, вѣдь, здѣсь Эеіопія“....

— „Вотъ и прекрасно“,—сказалъ послѣ нѣкото-

раго разговора В. А., — „мы съ завтрашняго же дня начнемъ наши экскурсіи по степи, а теперь, милости прошу, ко мнѣ чай пить“.

Было уже поздно, когда мы вернулись домой. Чувствовалась сильная усталость; мы легли на незатѣйливыя кровати. Въ полузабытїи, передъ сномъ, рисовались картины и впечатлѣнія за послѣднія сутки: Волга, Владиміровка, степь, ночь въ степи, утро, длинная дорога, опять степь, Ставка, Леонтій и Хассанъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе...

* * *

Ханская Ставка—столица Киргизской-Букеевской орды. Эта орда называется внутреннею, въ отличіе отъ орды большой, средней и малой азіатскихъ, лежащихъ за Ураломъ. Земля этой внутренней орды граничитъ на сѣверѣ и западѣ съ губерніей Астраханской; на сѣверо-востокѣ съ Самарской губерніей; на востокѣ—съ землею войска Уральскаго, а на югѣ ограничена Каспійскимъ моремъ. Но киргизы этой орды живутъ и внѣ ея, въ прилежащихъ къ своимъ землямъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, много киргизовъ работаетъ на Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ, часть живетъ въ землѣ войска Уральскаго и, наконецъ, арендуютъ земли Кундровскихъ татаръ, живущихъ въ Красноярскомъ уѣздѣ, Астраханской губерніи. Орда эта происхожденія новаго. До конца прошлаго столѣтія кочевали здѣсь калмыки, но эти послѣдніе дви-

нулись въ 1771 году къ границамъ Китайскимъ, и земли послѣ нихъ остались свободными. Въ это время были въ средне-азиатскихъ киргизскихъ ордахъ смуты, вызванныя главнымъ образомъ престолонаслѣдіемъ. Умеръ ханъ Нурали (ханствовавшій отъ 1749—1786 г.); за нимъ быстро послѣдовали Ирали-ханъ, Ишимъ-ханъ и ханъ Айчувакъ (1797). Послѣдній былъ уже старикъ, малоэнергичный и слабохарактерный, такъ что всѣ дѣла были въ рукахъ „Ханскаго совѣта,“ во главѣ котораго стоялъ султанъ Букей, сынъ Нурали-хана. Букей, неудачно добивавшійся ханства въ Азіи, хотѣлъ попытать свое счастье въ другомъ мѣстѣ; оттого сталъ онъ ходатайствовать передъ Императоромъ Павломъ I о позволеніи перейти по сю сторону р. Урала. Ему разрѣшили съ оговоркой, что „султанъ Букей можетъ пользоваться землей съ *приверженными* ему киргизами“. Какъ говорятъ, съ нимъ перешло болѣе 7000 кибитокъ. Это произошло въ 1801 г. До 1812 года оставался Букей просто султаномъ, и лишь въ этомъ году былъ онъ пожалованъ титуломъ хана. Послѣ смерти Букея управлялъ короткое время ордой братъ его Шигаи, а затѣмъ сынъ Букея—Джангиръ *). Ханство Джан-

*) Совѣтникъ временнаго совѣта по управленію внутреннею Киргизскою ордю В. А. Плющевскій—Плющикъ, любезно отвѣчая на мои вопросы, съ которыми я обращался къ нему уже по пріѣздѣ моемъ въ Москву, пишетъ мнѣ слѣдующее: „Разспрашивая для васъ про хановъ, я узналъ, что Ставочный

гира ознаменовалось тѣмъ, что сдѣланы были первые шаги къ осѣдлости орды, а именно со стороны самого хана **). Скоро его примѣру по-

мулла (уже старикъ), болѣе всѣхъ знаетъ, и потому привожу здѣсь его слова“. Вотъ, что рассказываетъ мулла: „Въ Зауральской ордѣ былъ нѣкогда ханъ Нуралій, у него было 30 сыновей и 40 дочерей. Изъ сыновей его, Букей и Шигай (Сгай) перешли по сю сторону Урала. Букей кочевалъ у Каспійскаго моря,—когда онъ умеръ, я не помню—и похороненъ у Каспійскаго моря, близъ села Джигитъ. Букей ханствовалъ сначала въ Зауральской ордѣ“. Послѣднія слова муллы, т. е. касательно ханства Букея въ Азіи, не подтверждаются:—известно только то, что Букей былъ предсѣдателемъ „Ханскаго совѣта“. (Матерьялы для географіи и статистики Россіи—СПБ. — 1865 г.). Мулла рассказываетъ далѣе: „У Букея было три сына—Адель, умеръ въ 1877 году, похороненъ на урочищѣ Шунгаѣ; Менли-гирей умеръ въ 1870 году; Джангиръ—сѣлъ на ханскій престолъ (тахтъ) въ 1824 году. Послѣ смерти хана Джангира былъ ханомъ его сынъ Сахибъ-гирей, но онъ умеръ въ 1849 г. Другіе сыновья Джангира: Губайдула (Губашъ)—Чингизъ-ханъ—Свиты Его Величества генераль-майоръ—живетъ въ Уфѣ, Ибрагимъ (умеръ), Ахметъ-гирей (живъ), Зулкарлейль, Исмагиль, Искендиръ, Сейдъ-гирей, Бахти-гирей. Дочь Джангира Халича умерла и похоронена въ Крыму“.

**) Ханъ Джангиръ оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ между прочимъ говоритъ о началѣ осѣдлой жизни своей орды слѣдующими словами: „Примѣръ, который я подаю къ домообзаведенію и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ устройству домовъ и землянокъ. Простые киргизы мало по малу начали устраивать свои землянки. Стремленіе къ такимъ постройкамъ развилось такъ быстро, что я самъ изумленъ былъ многочисленностью землянокъ: число ихъ въ степи далеко заходило за тысячу“. (Оч. Заурал. степи и Буксев. орды. Изд. Солдатенкова. 1859 г.).

слѣдовали приближенные къ нему султаны и бѣи *), а затѣмъ и вся орда. Попытки къ осѣдлой жизни выразились въ томъ, что киргизы стали жить въ кибиткахъ только лѣтомъ, а для зимы начали себѣ строить глиняные дома. Такимъ образомъ возникла Ханская Ставка. Въ 1845 г. умеръ ханъ Джангиръ; послѣ него ханствовалъ сынъ его Сахибъ-Гирей, (ум. въ 1849 г.). Остальные сыновья Джангира должны были отказаться отъ ханства, получивъ надѣлы земли въ губерніяхъ російскихъ. Послѣ этого внутренняя орда утратила свою самостоятельность. Былъ устроенъ такъ называемый „временной совѣтъ по управленію Киргизской ордой“, который существуетъ и до сихъ поръ съ предсѣдателемъ и двумя совѣтниками во главѣ. Вся степь раздѣлена на „части“ **), во главѣ которыхъ стоятъ правители, а „части“ дѣлятся на старшинства со старшинами.

Вотъ вкратцѣ несложная исторія Букеевской

*) Султаны, родственники и потомки хановъ; Бѣи—киргизскіе судьи; и тѣ и другіе составляли привилегированное сословіе.

**) Киргизская Букеевская степь дѣлится на пять частей и два округа: Нарынская, Таловская, Таргунская, Калмыцкая, Камышъ - Самарская, первый и второй приморскіе округа. Части и округа дѣлятся на старшинства, которыхъ въ ордѣ 84. Въ каждомъ старшинствѣ есть выборный старшина. Въ каждой части есть Правитель, его Помощникъ, нѣсколько Депутатовъ и Вѣстовые. (Сообщено мнѣ В. А. Плющевскимъ-Плющикомъ).

орды. Несмотря на свою сравнительную близость къ нашимъ центрамъ, она мало извѣстна. Между тѣмъ какъ Азіатскія Киргизскія орды уже издавна привлекали многочисленныхъ путешественниковъ, эта маленькая отрасль великаго Киргизскаго племени оставалась какъ бы забытой ***). Только окраины ея, и то благодаря такимъ интереснымъ мѣстамъ въ геологическомъ отношеніи, какъ Баскунчакъ и Чапчачи, привлекали неоднократно научныхъ изслѣдователей, и были постоянно посѣщаемы многочисленными туристами. Между прочимъ, Букеевская орда, отдѣлившись вотъ уже 86 лѣтъ тому назадъ отъ своихъ родныхъ земель, стала въ совершенно иныя, для нея новыя, условія, попала подъ вліяніе новыхъ агентовъ и успѣла выработать своеобразную фізіономію. Правда, киргизы Букеевской орды утратили много хорошаго изъ своего прежняго быта: упала родовой бытъ, распалась семья, народъ обѣднѣлъ; но этотъ же киргизъ сдѣлался (хотя только отчасти) осѣдлымъ, приспособился къ новымъ условіямъ жизни.

*

Ханская Ставка есть нѣчто особенное,—это не губернский и не уѣздный городъ; но вѣдь киргиз-

***) Не говоря о Палласѣ и Гмелинѣ, которые были здѣсь (между 1769—73 г. еще до поселенія киргизовъ), слѣдуетъ упомянуть какъ путешественниковъ начала и середины нынѣшняго столѣтія: Эверсмана, Карелина, Гёбеля, Клауса и др.

ская степь и не губернія, и не уѣздъ. Но Ханская Ставка и не поселокъ, и не посадъ, и не село, и не деревня, потому что у нея есть свой полицеймейстеръ, есть „Совѣтъ“ съ „предсѣдателемъ“ и двумя „совѣтниками.“ Однимъ словомъ, Ханская Ставка есть нѣчто само по себѣ. Говорятъ, что Ханская Ставка сдѣлается чѣмъ-то опредѣленнымъ, что Совѣтъ по управленію называется „временнымъ;“ не можетъ, молъ, дѣйстви-тельно „временной Совѣтъ“ существовать вѣчно. Но пока онъ благополучно существуетъ съ 1845 года—слѣдовательно, 42 года, и, если ничего не случится, Богъ дастъ—просуществуетъ еще очень долго. Мнѣ передавали что изъ киргизской степи хотятъ сдѣлать губернію, но тутъ явился очень серіозный вопросъ касательно уѣздныхъ городовъ: не можетъ, молъ, существовать губернія безъ уѣздовъ; ну, а уѣздные города надо строить, что конечно, дѣло не легкое; да это-то, молъ, еще не бѣда, но вѣдь въ городѣ долженъ же кто-нибудь жить, даже если онъ и уѣздный; ну а кому, молъ, охота жить въ жарѣ среди песковъ безъ всякой надобности.

Хотѣли, —передавали мнѣ,—утвердить теперешнее управленіе и „временной Совѣтъ“ переименовать въ „постоянный,“ но это не сейчасъ; а пока, молъ, рѣшено оставить совѣтъ „временнымъ“, по крайней мѣрѣ до его 50-ти лѣтняго юбилея.

Ханская Ставка состоитъ изъ двухъ пересѣкаю-

щихся улицъ и цѣлаго ряда переулковъ. Дома деревянные, не исключая и зданія „Совѣта“; всѣ дома маленькіе, сѣренькіе, грязненькіе; нѣкоторые изъ нихъ повыше, иные пониже, а еще иные и совсѣмъ малы; есть и масса глиняныхъ домовъ восточнаго типа, съ плоскими крышами,—это дома татарскіе.

На одной изъ улицъ, а именно на Базарной, много лавочекъ, частью татарскихъ, частью русскихъ; киргизы не торгуютъ. Татары торгуютъ преимущественно краснымъ товаромъ, а русскіе спиртными напитками, тоже краснымъ товаромъ, и затѣмъ двое или трое имѣютъ лавочки неопредѣленнаго характера: въ нихъ продаются кондитерскіе товары, бумажные, желѣзные, портновскіе и т. п.—однимъ словомъ, все, не исключая даже московскаго варенья и кокардъ для чиновническихъ шапокъ.

Населена Ханская Ставка татарами, занимающимися главнымъ образомъ торговлей; но между ними есть и ремесленники; далѣе русскими,—они преимущественно чиновники „Совѣта“ и купцы; наконецъ киргизами: они частью служатъ въ качествѣ писарей въ „Совѣтѣ“, частью въ качествѣ прислугъ, а частью работниками-поденщиками и т. д.—однимъ словомъ, занимаютъ мѣсто второстепенное. Итакъ, народонаселеніе Ставки состоитъ изъ православныхъ и магометанъ-сунитовъ. Для православныхъ имѣется церковь, она маленькая,

деревянная, окрашена въ коричневый цвѣтъ съ зеленой крышей. При церкви имѣется, или собственно имѣлся, садъ, но деревья теперь всѣ пересохли и торчатъ большими метлами, побрякивая сухими сучьями. Для магометанъ существуетъ мечеть. Такой мечети нѣтъ нигдѣ, я увѣренъ въ этомъ. Она построена въ дорическомъ стилѣ и напоминаетъ греческій храмъ. Она изъ дерева, такъ какъ камня въ степи нѣтъ; выстроена она еще во времена Хана, который пожелалъ имѣть въ своей столицѣ мечеть „по европейски“, а чтобы она все-таки, не смотря на свой „европейскій“ видъ, была похожа на мечеть, то велѣно было пристроить на крышѣ турецкій минаретъ; впрочемъ, его уже теперь нѣтъ, но его сняли не для того, чтобы уничтожить дисгармонію, а просто потому, что онъ перегнилъ и грозилъ передавить „правовѣрныхъ“ во время моленья. Помимо вышеупомянутыхъ жителей имѣется въ Ставкѣ еще „полсотня“ казаковъ астраханскаго войска; она оберегаетъ тюрьму, хотя никто изъ заключенныхъ киргизовъ никогда не дѣлалъ попытки бѣжать; впрочемъ, объ этомъ нѣсколько ниже. Прежде имѣлась здѣсь „сотня“ казаковъ, но потомъ нашли присутствіе ея лишнимъ. Держалась она раньше на случай возмущенія киргизовъ, конечно, моль, возмутятся киргизы не оттого, что имъ живется плохо—напротивъ, имъ живется прекрасно: ихъ не стѣсняетъ никто, живутъ они себѣ на государственной землѣ (собственной они не

имѣютъ, такъ какъ имъ дано было право только „пользоваться“ землей *) и пользуются всѣмъ, что можетъ дать степь; въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и языкѣ родномъ ихъ тоже не стѣсняють; ну, а все-таки, молъ, на кочевниковъ положиться нельзя, все-таки, молъ какъ-будто, дикій народъ; въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ чертъ не шутить — сыръ боръ загорается отъ искры. Но въ послѣдствіи нашли, что орда, молъ, возмутиться не можетъ, и отослали „полсотни“ въ Астрахань. Да зачѣмъ ей и возмущаться, если она всей душой любитъ Россію, готова, молъ, животъ свой положить за нее, и готова вѣру принять православную, и готова языкъ свой забыть нечестивый. Дѣйствительно, никто изъ киргизовъ эту готовность на дѣлѣ не выразалъ и даже по-русски ничего не понимаетъ, но это, молъ, уже по общему виду замѣтно.

Утромъ сначала оживляется базаръ, открываются лавочки, начинается торговля. Пріѣзжаютъ изъ степи киргизы и киргизки съ кумысомъ; двигаются верблюды; двигаются киргизы, татары, русскіе — все пестро.

Но вотъ наступаетъ часъ службы; направляются

*) Не смотря на это, ханы раздавали своимъ любимцамъ земли. По уничтоженіи ханской власти были у киргизовъ отобранны дарственные записи какъ незаконныя, но киргизы и до сихъ поръ считаютъ нѣкоторые районы земли за свою собственность, чѣмъ обуславливаются безконечные споры и тяжбы. (Сообщено мнѣ В. А. Плющевскимъ — Плющикомъ).

чиновники въ Совѣтъ; глубоко погружаются ихъ ноги въ песокъ, такъ какъ песокъ лежитъ по всѣмъ улицамъ; тѣло перегибается впередъ, шагается тяжело.

Наступаетъ день, тяжелый и душный; закрываются всѣ ставни и улицы стихаютъ словно вымершія. Только мальчишки, безъ различія національностей, пренебрегая по молодости лѣтъ зноемъ, играютъ въ мячикъ, забрасываютъ другъ-друга пескомъ—благо его много—гузять другъ друга по спинѣ.

Какъ только солнце сядетъ и исчезнутъ тѣни домовъ, — на улицахъ Ставки начинается оживленіе. Оно ничуть не похоже ни на столичное, ни на гулянье, бывающее въ нашихъ южныхъ, провинціальныхъ городахъ. Чиновники совѣта, частью на ряду со своими супругами, частью одни, медленно двигаются, загребая загнутыми вверхъ носками сапогъ песокъ, по „главной“ улицѣ. „Главная“ улица это та, которая лежитъ перпендикулярно Базарной и ведетъ къ „главной площади“. На послѣдней находится домъ „предсѣдателя Совѣта“, зданіе „Совѣта“, домъ полицеймейстера и тюрьма; однимъ словомъ, официальная площадь, какъ ей слѣдуетъ быть. „Главная“ улица, быть можетъ, и имѣетъ названіе, но дощечка не прибита, да и сами жители ее не называютъ какимъ нибудь именемъ, а говорятъ обыкновенно такъ: — „я живу на главной улицѣ“.

или „подите по той улицѣ, которая ведетъ туда, знаете, гдѣ площадь, гдѣ домъ предсѣдателя“.

Итакъ, вечеромъ начинается гулянье; вотъ, слушающій, заложивши руки за спину, шагаетъ рядомъ съ барышней, двигаясь больше бокомъ; вотъ, „Ванька“, пользуясь прохладой, оттаскалъ „Аб-трехмара“ за ухо, а тамъ бѣжитъ удалая дѣвочка-хохлушка съ тебетейкой, а за ней татарченокъ, конфузясь обнаженной головы, гонится за оскорбительницей; но она, почувствовавъ врага близко, забросила тебетейку на крышу и скрылась за угломъ.

Садъ, лежащій у церкви на главной улицѣ, почти не посѣщается; жители предпочитаютъ топтать песокъ и подымать столбы пыли.

— „Да что въ саду толку-то“,—говорили мнѣ,— „деревья пересохли, торчатъ какія то розги“. (Какъ будто, на главной улицѣ есть деревья). Дѣйствительно, садъ представляетъ грустную картину: всѣ деревья высохли: на нихъ нѣтъ ни листка; два полузаросшихъ прудика, двѣ, три дорожки, вотъ и все; а все-таки лучше, чѣмъ на улицѣ: есть по-крайней мѣрѣ свѣжая, сочная трава. Нѣкогда садъ представлялъ иную картину; деревья были въ соку, пруды чисты, дорожки посыпаны пескомъ и лавочки не косились на бокъ. Но это было давно: это было тогда, когда Ханская Ставка „умѣла жить“, когда Совѣтъ сильно заботился о „цивилизациі“ киргизовъ, и видѣлъ все благо цивилизаціи

въ пародіи на столичную жизнь, позволялъ выписывать цирки, танцовщицъ и наѣздницъ, когда среди киргизскихъ песковъ выпивались десятки бутылокъ шампанскаго, плодился развратъ и народонаселеніе снабжалось городскими болѣзнями.

Теперь, съ перемѣной состава „Совѣта“, стихло все; кончилось „просвѣщеніе“ киргизовъ; въ Ставкѣ заведенъ строгій порядокъ; никто не вспоминаетъ о прошломъ. Всѣ пишутъ ревностно бумаги, отсылаютъ ихъ, куда слѣдуетъ; округа сданы въ руки начальниковъ округовъ — киргизовъ, еле говорящихъ даже по русски. Татаринъ возведенъ для киргиза въ авторитеты, которому онъ слѣдуютъ, утрачивая свою національность и ни мало не воспринимая вліяніе Русскихъ.

Ночью стихаетъ все вновь; кой-гдѣ виднѣется свѣтъ, выходящій слабой струей изъ скважины ставни; изрѣдка слышенъ громкій говоръ и пѣніе холостой компаніи, засидѣвшейся за стаканомъ вина послѣ „20-го числа“, или раздается немилосердное пицанье скрипки, или хриплый звукъ гармоніи; на улицѣ пусто, людей не видать, но зато появляются стаи собакъ. И откуда они берутся въ ночь — положительно непонятно: днемъ ни одной, а ночью масса, да хоть-бы за воротами, а то на самой улицѣ. Въ этомъ отношеніи похожа Ставка на Константинополь, который, какъ извѣстно, изобилуетъ собаками, но разница та, что константинопольскіе собаки никого не трогаютъ, а собаки

Ставки кусают всѣхъ, приче́мъ онѣ обладаютъ очень дурной привычко́й подкрадываться не лая: внезапно укусятъ, отскочатъ, и потомъ уже лае́мъ заявляютъ о своемъ присутствіи. Мѣстные жители совѣтуютъ ночью при ходьбѣ отмахиваться палкой, чтобы держать собакъ на приличномъ разстояніи. Впрочемъ, все это относится больше къ прошлому: теперь собакъ почти нѣтъ, существуютъ лишь тѣ, имя и хозяинъ которыхъ всѣмъ извѣстны: первое — для того, чтобы въ случаѣ нападенія, её можно бы было окликнуть, а второе — чтобы знать, съ кого взыскать. Теперь, какъ я уже сказалъ, собакъ мало, — случилось это слѣдующимъ образомъ: въ былое время собаки кусали простыхъ смертныхъ, которымъ невольно приходилось сносить обиду. Конечно, укусить собака здоровая, то поболитъ, поболитъ, да и заживетъ, но укусить бѣшенная (а Ханская Ставка, въ этомъ отношеніи, исключенія не представляетъ, тамъ собаки также бѣсятся), то приходится умирать молча на мѣстѣ. Вскорѣ, послѣ моего пріѣзда, укусила собака лицо, власть имущее, сначала въ руку, а затѣмъ въ ногу. Она была тотчасъ же убита, и на слѣдующій день была произведена экспертиза двумя ветеринарами и нѣсколькими „уважаемыми“ лицами: не бѣшенная-ли она, — она была признана за здоровую. Но все-таки всѣ были рады, что ее убили; этого мало, долженъ былъ за такую нечаянность поплатиться весь собачій родъ Ставки, и пошло избіеніе „друга

человѣчества“. Избіеніе производилось систематически и торжественно: собакъ били по одиночкѣ; впереди шель полицейскій Леонтій, за нимъ два киргиза волокли обреченную на смерть жертву; за ними слѣдовало два, три киргиза съ разнообразными, некультурными орудіями, бѣжала куча мальчишекъ съ криками радости, и шествіе замыкалось опять полицейскимъ. Вся эта толпа выходила въ степь, гдѣ среди песковъ производили казнь. Поспѣшными шагами возвращались палачи, славливали еще собаку, чтобы также торжественно вывести и ее на мѣсто убіенія. Такимъ образомъ, было въ первый день избито 18 собакъ.

*

На другой же день своего пріѣзда зашелъ я къ предсѣдателю Совѣта, сообщилъ ему о своей антропологической задачѣ и просилъ его содѣйствовать мнѣ начать работу съ слѣдующаго дня надъ арестантами. Онъ любезно согласился оказать мнѣ содѣйствіе.

Не могу обойти молчаніемъ, что во все время своего пребыванія въ Киргизской степи было мнѣ оказано со стороны И. Н. Хвостова, предсѣдателя временнаго Совѣта, любезнѣйшее содѣйствіе при моихъ поѣздкахъ и работахъ. Ему и его совѣтнику В. А. Плющевскому—Плющику я обязанъ достиженіемъ своихъ цѣлей, и считаю долгомъ вы-

сказать тутъ имъ мою искреннюю и глубокую благодарность.

— Тюрьма—зданіе маленькое, одноэтажное; сказать, изъ какого матеріала она сдѣлана,—трудно; какъ будто изъ необожженныхъ кирпичей, а какъ будто и изъ кизика *); во всякомъ случаѣ, зданіе крайне непрочное, но прочности и не требуется, такъ какъ ни одинъ киргизъ не дѣлаетъ попытокъ убѣжать изъ тюрьмы. Кто подумаетъ, что тюрьма въ Ставкѣ (подобно тюрьмамъ вообще) служитъ наказаніемъ, тотъ очень ошибается. Тюрьму въ Ставкѣ во всякомъ случаѣ надо отнести къ заведеніямъ благотворительнымъ. Киргизу—величайшее наслажденіе лежать, спать и ѣсть; всѣмъ этимъ пользуется онъ вдоволь. Даже пріятное общество собрата, которымъ такъ дорожить киргизъ, имѣетъ онъ въ тюрьмѣ. Киргизы сами сознаютъ бесполезность тюрьмы; такъ, не разъ слышалъ я жалобу со стороны степенныхъ киргизовъ,—которымъ неоднократно приходилось страдать отъ сосѣдей воровъ,—на тюрьму: „цлетью надо бить конокрада и больно бить, а не въ тюрьму сажать“, говорили они.

Приходъ мой въ тюрьму возбудилъ любопытство среди арестантовъ; ихъ любопытство возросло, когда былъ поставленъ столъ со стуломъ, и они у меня замѣтили антропологическіе инструменты.

*) Сушеный, прессованный навозъ.

Роль писца долженъ былъ исполнять младшій смотритель тюрьмы Бабошкинъ—отставной солдатъ, уже старикъ, съ добрымъ и смышленнымъ русскимъ лицомъ. Помогать мнѣ при измѣрениі долженъ былъ старшій смотритель—Павель. Я попросилъ оставить лишь одного киргиза, а остальныхъ удалить. Когда это было объявлено арестантамъ, ихъ лица вытянулись и приняли грустно-серьезное выраженіе.

— „Ну, пошли, пошли, говорятъ вамъ, пошли“, — повторялъ Бабошкинъ, — „пусть одинъ останется, ты что ли, Давлетъ“!

Давлетъ поспѣшилъ юркнуть въ дверь, но мощная рука Павла вернула его.

— „Стой, говорятъ тебѣ, чего испугался, небось не рѣзать будутъ, садись что-ли, эка дылда выросла“!

— „Да колпакъ то свой сними“!—прибавилъ послѣ короткаго молчанія Павель, указывая на зеленую тебетейку киргиза.

— „Да и рубаху, живѣй, живѣй,—ну такъ что-ли, ну садись“!

Давлетъ робко опустился на табуретку.

Пока Бабошкинъ чинилъ карандашъ, я сталъ наблюдать за Давлетомъ. Это былъ человекъ очень высокаго роста, съ длинными мускулистыми руками. Большая голова, черные, жесткіе, коротко остриженные волосы, широкія скулы, рѣдкая, черная борода. На лицѣ его выражалась тупая грусть;

беспомощно опущенныя на колѣни руки придавали его сгорбившейся фигурѣ жалостливый видъ. Какими-то судьбами и за что-то суждено было ему первому подвергнуться антропологическимъ измѣреніямъ; онъ бросилъ тревожный взглядъ на инструменты и умоляющій взглядъ на меня. Мнѣ стало его жалко.....

— „Ну, убирайся“, — сказалъ грубо Павелъ Давлету, когда измѣренія были кончены, — „рубаху-то и тамъ небось надѣть можно, да зови скорѣе Куанчадэ“.

Прошла минута, другая, а Куанчадэ не являлся. „Эхъ Господи“, — вскрикнулъ Павелъ, — „вѣдь каждаго надо волочить“!

Черезъ нѣсколько секундъ я услышалъ за дверью голосъ Павла: „ну не задерживай, чего уперся-то“!

Дверь распахнулась, и Куанчадэ, ободренный тумачомъ моего слишкомъ ревностнаго помощника, влетѣлъ въ комнату.

— „Вотъ, ваше благородіе“, — сказалъ Павелъ, — „брата своего роднаго убилъ: должно быть въ Сибирь пойдеть“.

Я взглянулъ на арестанта, и мнѣ стало невольно смѣшно: передо мной стоялъ приземистый, кривоногій киргизъ; голова его была гладко выбрита, рѣдкіе усы спускались черезъ углы рта внизъ, еле замѣтная борода торчала на подбородкѣ. Лицо его имѣло такой плаксивый и притомъ такой кроткій

видъ, что я невольно спросилъ: „какъ брата убилъ“!?!...

— „Да вотъ, они косили вмѣстѣ“,—отвѣтилъ мнѣ Бабошкинъ,—„да изъ за чего-то повздорили, этотъ ему, значить, косою-то по горлу и рѣзни; безпутный народъ, что и говорить“!

Этотъ и еще два послѣдующихъ дня были, благодаря измѣреніямъ, знаменательными для обывателей тюрьмы,—ихъ покой былъ нарушенъ. Въ обыкновенные дни все идетъ своимъ чередомъ, тихо и мирно. Киргизы-арестанты лежатъ, спятъ, болтаютъ; казаки, стерегущіе ихъ, не мѣшаютъ имъ. Между ними и арестантами завязываются даже иногда интимныя и, такъ сказать, дружескія отношенія. Такъ, рассказывали мнѣ, случается, что казакъ на порогѣ двери засыпаетъ, и если киргизъ-арестантъ увидитъ, что идетъ смотритель, то онъ добродушно будитъ казака, предупреждая его, что „начальство идетъ“.

Одинъ изъ арестантовъ исполняетъ роль водовоза, или собственно водоноса; почему-то выборъ палъ на калѣку, котораго, мнѣ кажется, слѣдовало бы болѣе, чѣмъ другихъ, пощадить, тѣмъ болѣе, что хотя колодезь и не далеко отстоитъ отъ тюрьмы, путь въ жару черезъ песокъ и съ двумя ведрами воды сильно обременяетъ работника.

Песокъ въ Ставкѣ всему дѣлу помѣха: легче проѣхать много верстъ верхомъ, чѣмъ въ жару нѣсколько разъ пройти по улицѣ Ставки. Мѣстами

этотъ песокъ составляетъ серьезное неудобство; помимо того, что онъ покрываетъ всѣ улицы, но онъ еще заноситъ заборы, даже дома, собираясь цѣлыми буграми; сгрести ихъ никто не думаетъ, да это было бы и бесполезно, такъ какъ недѣли черезъ 2, 3 повторилось бы тоже самое, а между тѣмъ перемѣнившійся вѣтеръ всегда можетъ снести бугоръ къ забору или къ окнамъ сосѣда.

II.

Эскурсии въ „плоской“ и „барханной“ степяхъ.

Чулакъ-куна.—Агедиль. — Верблюды и лѣсъ. — Неудавшаяся охота.—Утебаевъ.—Уштерекъ.—Пески.—Охота среди бархановъ.—„Семь сестеръ“. — Оазисъ. — Хаки. — Могила хана.— Балка.—Охота на тушканчика.

Живя въ Ханской Ставкѣ, дѣлали мы ежедневно экскурсіи въ степь *). Эти поѣздки, смотря по отдаленности мѣстностей и интересу, который онѣ представляли, отнимали у насъ больше или меньше времени. Иной разъ уѣзжали мы на нѣсколько часовъ, если это была охота недалеко отъ Ставки, а иной разъ на одни или нѣсколько сутокъ.

„Компанія собирается на охоту. Поѣдемте“,—сказалъ В. А., входя какъ-то разъ къ намъ въ комнату,—„только поскорѣе, всѣ уже готовы, лошадей вамъ сейчасъ приведутъ, я заказалъ“.

*) Сама Ставка лежитъ въ пескахъ на ихъ западной окраинѣ. Далѣе, на западъ, лежитъ уже „плоская“ степь, ровная, гладкая, глинистая. Степь песчаная (или степь Нарынъ), занимающая всю восточную часть Киргизской степи, называется, въ отличіе отъ „плоской“ или „гладкой“,—„бугорчатой“ или „борханой“ степью.

Товарищъ мой и я не заставили себя ждать: сѣтки, пинцеты и ружья были мигомъ готовы, и минутъ черезъ десять сидѣли мы уже на лошадяхъ.

У воротъ верхомъ ждали насъ В. А. и П. К. Мы медленно тронулись по направленію къ озеру Чулакъ-Кума, лежащему въ 12 верстахъ отъ Ставки.

По дорогѣ догналъ насъ Агедиль, киргизъ 16 лѣтъ, служившій у В. А., и еще какой-то охотникъ. На послѣднемъ была надѣта куртка рыжаго цвѣта, перехваченная въ поясѣ бичевкой; брюки его отъ верховой ѣзды высоко поднялись, и оторвавшійся отъ картуза козырекъ билъ его по лбу. Послѣ выѣзда изъ Ставки начались тотчасъ же пески, и мы придержали лошадей, чтобъ ихъ не утомить при самомъ началѣ.

„Бой, Бой, Боинька мой, Бой“, — повторялъ изрѣдка В. А., глядя по шеѣ свою лошадь.

Мы ѣхали молча: барханы, эти однообразные песчаные бугры, на всѣхъ наводили какое-то уныніе; всѣ погрузились въ самихъ себя; никому не хотѣлось дѣлиться своими мыслями. Былъ четвертый часъ дня; солнце уже замѣтно склонялось къ западу, но его лучи еще сильно палили лицо. Наканунѣ и утромъ былъ дождь, и песокъ, не успѣвшій еще пересохнуть, лежалъ плотнымъ слоемъ.

Но вотъ, мы поднялись на большой барханъ и увидали вдругъ передъ собой могилу Хана, — ко-

нецъ пескамъ. Теперь уже вплоть до озера пойдет ровная, гладкая степь.

Мы какъ-то невольно встрепенулись, подобрали поводья, — еще нѣсколько саженой песками и, ударивъ лошадей плетями, мы помчались уже рысью. Степь на этотъ разъ была какъ-то особенно хороша: нѣсколько дней дождя оживили её; легкой и пріятный запахъ стоялъ въ воздухѣ; кое-гдѣ были видны лужи — остатки дождя. Не прошло и получаса, какъ мы были у озера.

Озеро Чулакъ-Куна, доходившее, какъ говорятъ, нѣкогда до Ставки, вслѣдствіе вырубки лѣса и многолѣтней засухи, значительно сократилось въ своемъ объемѣ *). Но и теперь еще занимаетъ оно довольно большую площадь со своими многочисленными отрогами. Берега, а частью и само озеро поросло камышемъ; вода озера слегка солоноватая. Сотни мартышекъ (чаекъ), куликовъ, утокъ и другихъ птицъ пріютились здѣсь. Но судьба не пожелала благоприятствовать имъ: жители Ханской Ставки уже давно подмѣтили бога-

*) Во всѣхъ степяхъ Арало-Каспійской области количество испаряющейся влаги значительно превышаетъ количество атмосферныхъ осадковъ; вслѣдствіе этого сухость степи увеличивается. Мы теперь далеко не встрѣчаемъ того богатства растительности, о которой пишутъ прежніе путешественники. Гёбель, напр., (1834 г.), говоритъ, что Ставка Хана Джангира (мѣсто теперешней Ханской Ставки) лежитъ на болотѣ, которое простирается на 6 версть вокругъ.

тый уголокъ и вотъ уже весной, пользуясь свободными правами степи, какъ простые смертные, такъ и лица, власть имущія, пренебрегая законами объ охотѣ, вооружившись, кто чѣмъ можетъ, дѣлаютъ набѣги на это озеро: кто бьетъ птицъ изъ ружья, кто ихъ подшибаетъ камешкомъ, а кто просто, въ погонѣ за легкой добычей, собираетъ яйца; но всѣ возвращаются довольные и обремененные добычей съ торжествующими лицами во свояси. Птица здѣсь пуганая; но не это одно затрудняетъ здѣсь охоту: отсутствіе собакъ и значительная глубина озера усложняютъ дѣло.

Мы разошлись въ разныя стороны, чтобы не мѣшать другъ-другу. Я пошелъ съ Агедиломъ. Среди скудной растительности натолкнулись мы на довольно богатый и пышный коверъ цвѣтовъ; наши сѣтки заработали съ удвоенной энергіей, но добыча въ концѣ-концовъ была не велика: при громадномъ количествѣ особей было всего только нѣсколько видовъ жуковъ, два, три вида мухъ и столько же паучковъ. В. А., у котораго Агедиль уже два года былъ въ услуженіи, приучилъ своего киргиза къ энтомологическимъ экскурсіямъ до того, что онъ перещеголялъ въ искусствѣ собиранія насѣкомыхъ своего хозяина, и могъ бы поспорить съ любымъ любителемъ энтомологіи. Сачекъ онъ употреблялъ почти исключительно при верховой ѣздѣ, когда онъ, пустивши лошадь рысью, косилъ сачкомъ луга. Спѣшившись, ловилъ онъ насѣ-

комыхъ, большею частью рукой: присѣвши на корточки въ траву, онъ шурилъ глаза и высматривалъ насѣкомыхъ, затѣмъ, подмѣтивши то или другое на стеблѣ растенія, онъ мгновенно схватывалъ его рукой, не давая никогда маху.

Зато не мало и гордился онъ своимъ знаніемъ среди своихъ собратьевъ:

— „Это что“?—спрашивалъ онъ какого-нибудь киргиза, подавая ему какую-нибудь козявку.

— „Таранъ“,—(паукъ),—отвѣчалъ тотъ.

„Нѣтъ, не таранъ, а Clopus“, *)—съ гордостью замѣчалъ Агедиль,—„я зоологъ, а ты дуракъ“,—добавлялъ онъ. Киргизъ сконфуженный, глядя съ уваженіемъ на Агедила, отходилъ въ сторону.

Агедиль до того пристрастился къ энтомологіи, что въ концѣ-концовъ свелъ всю свою службу у В. А. на собираніе насѣкомыхъ. Если не предвидѣлось утромъ экскурсіи, то ему дѣла не было до остальной работы по дому: онъ тогда спалъ почти цѣлый день; но зато оживлялся вновь, когда велѣно было ему сѣдлатъ лошадей для экскурсіи.

Разъ, на одной изъ экскурсій, увидалъ я его лежащаго на землѣ и пристально на что-то смотрящаго.

— „Что ты нашелъ, Агедиль“?

— „Смотрю, нѣтъ-ли въ дырѣ тарана“? **).

*) Жукъ изъ семейства долгоносиковь.

**) Таранъ значитъ паукъ вообще, и въ частности тарантуль.

Оказалось, что онъ дѣйствительно низко наклонился надъ норкой тарантула и смотрѣлъ въ нее.

Я не могъ понять, какъ возможно увидеть тарантула въ глубинѣ его норы.

— „Да что же ты можешь увидеть“?

— „Да вотъ, баринъ, если блестятъ глаза въ норѣ, то, значитъ, и таранъ тамъ сидитъ“.

Это былъ, дѣйствительно, остроумный, хотя далеко не безопасный способъ отыскивать тарантуловъ, такъ какъ тарантулы обыкновенно внезапно выпрыгиваютъ изъ своей норы и въ такомъ случаѣ могутъ укусить въ лицо, а между тѣмъ укушеніе тарантула въ киргизской степи считается смертельнымъ.

Въ другой разъ, это было недалеко отъ Ставки, увидалъ я, какъ Агедиль влѣзалъ на дерево съ сачкомъ въ рукѣ. Я его окликнулъ.

— „Тише баринъ“,—замѣтилъ онъ.

Я понять не могъ, что могло побудить Агедила влѣзать такъ осторожно на дерево. Но потомъ я увидалъ среди вѣтокъ верхушки сидящаго Удада *).

Агедиль размахнулся сачкомъ, и едва успѣлъ Удадь поднять крылья, какъ онъ уже былъ пойманъ.

Вечеръ догоралъ; крики птицъ стали утихать, съ противоположной стороны озера доносились до насъ рѣдкіе выстрѣлы; легкій туманъ заволокъ

*) Птица.

камышъ на озерѣ. Я сѣлъ съ Агедиломъ на лошадей и позвалъ одного изъ прїѣхавшихъ съ нами киргизовъ, Юсупали, ѣхать съ нами. Лошади, чуя обратный путь, понесли насъ бодрой рысью. Уже сильно смеркалось, когда передъ нами зажелтѣли пески; я прїостановилъ лошадь. Агедиль и Юсупали поровнялись со мной, и мы поѣхали шагомъ.

Изъ за песчанаго бугра показался верблюдъ; онъ, медленно перекачиваясь изъ стороны въ сторону, выступалъ намъ навстрѣчу.

— „А что лошади не боятся верблюда“?—спросилъ я Агедила, вспоминая, что въ Арменіи (гдѣ верблюды рѣдки) лошади ихъ очень боятся.

— „Нѣтъ“,—отвѣтилъ онъ,—„а у васъ боятся“?

— „Да у насъ верблюдовъ нѣтъ“,—замѣтилъ я.

— „Какъ, нѣтъ“?—удивленно спросилъ Агедиль.

— „Нѣтъ, нѣту,—да у насъ и песку такого нѣтъ, какъ у васъ“.

— „И песку нѣтъ“?—Агедиль засмѣялся.

— „У насъ за песокъ деньги платятъ“—замѣтилъ я.

Агедиль залился смѣхомъ.

— „Вотъ, баринъ, чудно,—что же у васъ есть“?

— „А у насъ лѣса есть“.

— „Батъка говорилъ - и у насъ лѣсъ былъ, да голодъ былъ и срубили его, только на той сторонѣ немного деревъ осталось“,—добавилъ онъ, махнувъ рукой влѣво.

— „А тебѣ хотѣлось бы видѣть лѣсъ“?—спросилъ я его.

— „Ахъ, какъ бы хотѣлось, вотъ какъ хотѣлось“.

— „Да ты почему знаешь, что такое лѣсъ“?

— „Мнѣ мой баринъ рассказывалъ и картину показалъ: такая хорошая картина, такъ бы и пошелъ въ лѣсъ,—очень хотѣлось видѣть лѣсъ“.

— „Лѣсъ у насъ при ханѣ былъ“,—сказалъ угрюмо Юсупали,—„при ханѣ и озеро Чумакъ-куна до Ставки доходило, при ханѣ много лучше было“.

Юсупали былъ уже старикъ; его длинная, но рѣдкая борода была совсѣмъ сѣда. Онъ смотрѣлъ сумрачно и говорилъ серьезно съ легкой печалью въ голосѣ.

— „Что же, при ханѣ лучше было“?

— „Порядку больше: висѣлица всегда стояла готовая,—если кто провинился мало, того плетью били, а кто укралъ, или убилъ, того вѣшать велѣлъ ханъ, и порядокъ большой былъ, не то—что теперь“.

— „А когда лѣса вырубали“?

— „Голодъ былъ, баринъ, такой голодъ, что и сказать нельзя, киргизы всѣ хворали и умирали; ихъ и не хоронили, а просто бросали въ степь; кости въ третьемъ году еще лежали верстъ 15 отъ Ставки; такъ и называли всѣ „голодное кладбище“; такой голодъ былъ: киргизъ и верблюды все помирало; тогда и рубили лѣсъ, давали листья верблюду, а кору сами ѣли“...

Старикъ замолкъ, опустивъ грустно голову на грудь; замолкъ и Агедиль...

* * *

Въ виду трудности охоты на Чулакъ-куна, рѣшились мы поѣхать туда большой компаніей, чтобы заразъ перестрѣлять какъ можно больше птицъ, и уже весь слѣдующій день посвятить на выдѣлываніе чучель.

— „Господа, я васъ увѣряю, что выдетъ хорошо“,—говорилъ намъ В. А.—„Народу въ Ставкѣ много и всѣ съ удовольствіемъ согласятся, только чтобы былъ порохъ и дробь; я уже говорилъ съ нѣкоторыми. Мы оцѣнимъ все озеро и въ десять ружей перебьемъ всякихъ птицъ достаточно“.

Собралось всего 6 человекъ; кромѣ меня съ товарищемъ и В. А., былъ Агедиль съ ружьями, К. и еще охотникъ.

Тая такіе кровавые замыслы, выѣхали мы въ одинъ прекрасный день верхомъ изъ Ставки. Лошади были хорошія, и не прошло и часа, какъ мы были уже на мѣстѣ. Остановившись у одной полуразвалившейся зимовки, отдали мы нашихъ лошадей на руки сопутствовавшему насъ киргизу, сами же условились касательно обхода озера. Обойти все озеро было трудно въ виду уже довольно поздняго часа, но мы надѣялись охватить большую часть его. К., охотникъ и мой товарищъ двинулись въ одну сторону, а В. А., Аге-

дилъ и я въ другую, приче́мъ, между тѣмъ какъ Агедилъ долженъ былъ идти нѣсколько поодаль отъ озера, мы съ В. А. шли прямо вдоль самой воды.

Топкая грязь и камышъ затрудняли шагъ, и мы двигались медленно впередъ. Какъ на зло: ни одной утки, ни одного кулика; и куда они пропали? Бывало, цѣлыя стаи, а сегодня, хоть шаромъ покати — ничего...

— Вдругъ изъ-за камыша поднялась чайка; мы оба съ В. А. прицѣлились, почти одновременно раздался наши выстрѣлы, но чайка, раза три взмахнувъ быстро крыльями, круто повернула и полетѣла въ противоположную отъ насъ сторону. Мы выбрались черезъ камышъ къ водѣ; здѣсь мирно плавала группа утокъ, раздался выстрѣлъ В. А., — утки усиленно забили крыльями по водѣ и скрылись въ камышѣ...

Раздался выстрѣлъ съ стороны Агедила: мы оглянулись и увидали грузно-падающаго на землю луня (хищникъ изъ семейства коршуновъ); онъ былъ убитъ на поваль. Я увидаль пѣночку среди травы; несмотря на топкое мѣсто, я силился подойти къ ней и, чтобы лучше выстрѣлить, сталъ на колѣни. Но мои ноги затонули, и я, потерявъ равновѣсiе, упалъ въ иль. — Охота намъ окончательно не давалась. Мы съ В. А. начинали волноваться и сильно досадовать, тѣмъ болѣе, что съ противоположной стороны, со стороны моего то-

варища, ежеминутно раздавались дружные выстрѣлы одинъ за другимъ...

Изъ травы взлетѣлъ черный жаворонокъ; онъ повился слегка въ воздухъ и сѣлъ снова неподалеку отъ меня. В. А. удалился въ сторону, а мое ружье было заряжено очень крупной дробью. Проходя дальше, я не встрѣчалъ ни одной птицы. Мы сошлись снова съ В. А. и, обогнувъ одинъ изъ отроговъ озера, встрѣтили Агедила.

— „Что, Агедиль, много настрѣлялъ?“—спросилъ его В. А.

— „Нѣтъ, баринъ, одну только, много крови течеть!“

Застрѣленный имъ лунь былъ сильно попорченъ—его голова повисла на разбитой шеѣ; одно крыло сломано, перья были залиты кровью.

— „Да чѣмъ-же ты стрѣлялъ?“—спросилъ его В. А.

— „А я, баринъ, положилъ большую горсть пороху и много дроби, чтобы лучше попало“.

Ружье у Агедила было замѣчательно и мало походило на современное ружье; оно напоминало скорѣе произведение стародавняго времени. Застрѣленный имъ лунь не годился для чучелы: онъ былъ окончательно попорченъ.

Мы перешли въ бродъ отрогъ и очутились на лужайкѣ. Рѣзкимъ крикомъ пронизывая воздухъ, пролетѣли двѣ мартышки (чайки). Я выстрѣлилъ, одна изъ нихъ, слегка раненая, упала на землю и

стала биться; другая описала дугу и стала, издавая пронзительный крикъ, кружиться надъ раненой сестрой; но раздался выстрѣль В. А., и она упала безъ признаковъ жизни рядомъ съ своей подругой. Послѣ этого постигъ насъ цѣлый рядъ новыхъ неудачъ, такъ что вся наша добыча заключалась въ двухъ убитыхъ мартышкахъ. А между тѣмъ надо было возвращаться къ лошадямъ. Мы предпочли съ В. А. идти болѣе длиннымъ путемъ, но по твердой почвѣ, чѣмъ прямо и по болоту. Почва была солончаковая; низкія растенія были краснаго цвѣта; степь казалась залитой кровью... *).

Мы дали условленный сигналъ (выстрѣлили три раза изъ револьвера) и намъ на встрѣчу выѣхалъ киргизъ съ нашими лошадьми. Своихъ спутниковъ мы застали сидящими у зимовки, — и они окончили свою охоту.

„Ну какъ, удачно“? — уже издали и въ одинъ голосъ крикнули имъ мы съ В. А.

„Да что — три утки, да двѣ мартышки, больше ничего“.

Намъ всѣмъ было досадно. Но этимъ дѣло не кончилось: на возвратномъ пути молодая лошадь моего товарища не слушалась поводыевъ: она постоянно подпрыгивала, изъ рыси переходила въ

*) Растенія, растущія на солончаковой почвѣ, какъ сольникъ (*Salicornia*), солянка (*Salsola*) и др., принимаютъ лѣтомъ желтый, розовый, ярко красный и фіолетовый цвѣта.

галошъ и въ концѣ-концовъ бросилась вскачь подъ прямымъ угломъ отъ дороги въ степь. Результатомъ всего этого было то, что птицы, привязанныя за головы къ сѣдлу, оторвались—туловище было потеряно и остались на веревкахъ лишь головы. Изъ задуманнаго предпріятія ничего не вышло, благодаря сотнямъ случайностей. Мы вернулись раздосадованные, довезя до дому только двухъ чайекъ.....

* * *

Какъ-то къ вечеру зашелъ я къ П.; онъ сидѣлъ у окна:

— „А я поджидаю Утебаева: онъ отпросился у меня на охоту, да что-то не ѣдетъ“.—Замѣтилъ онъ.

— „Нѣтъ, посмотрите, что это за народъ“,— вскрикнулъ онъ послѣ маленькой паузы—„последнюю зелень вырываютъ“.

Дѣйствительно, какой-то киргизъ старался изъ всѣхъ силъ вырывать съ корнемъ выросшую полынь. Это было единственное мѣсто въ Ставкѣ, гдѣ виднѣлась трава, привившаяся благодаря какимъ то неуловимымъ, но благопріятнымъ для нея условіямъ, отъ занесенныхъ вѣтромъ сѣмянъ,—и вотъ по чьему-то мудрому распоряженію уничтожалась и эта зелень, вѣроятно, для того, что не хотѣли дозволить на „официальной площади такого безпорядка“.

На улицѣ послышался шумъ; у крыльца остановились два верховыхъ киргиза, одинъ изъ нихъ уже старикъ высокаго роста съ довольно правильными чертами (лица) и добродушнымъ выраженіемъ, другой былъ Утебаевъ; они вернулись съ охоты. Утебаевъ былъ брюнетъ невысокаго роста съ выдающимися скулами и черными глазами; обыкновенно, имѣли они у него сонливый видъ, но въ минуту оживленія они блестѣли недобрымъ огнемъ; онъ отличался безшабашнымъ и буйнымъ нравомъ. Вращаясь много среди русскихъ, онъ хорошо научился говорить на нашемъ языкѣ.

— „А, здравствуй, Утебаевъ“,—сказалъ П., когда киргизы вошли въ комнату. На Утебаевѣ былъ его охотничій костюмъ: розовые полосатые шальвары спускались до низу и были у ступни плотно перехвачены веревкой; на ногахъ поршни. Красная русская рубаха была запрятана въ шальвары; черные, какъ смоль, волосы и борода были всклокочены; съ ногъ до головы былъ онъ забрызганъ грязью.

„Вотъ“,—проговорилъ онъ, сваливая кучу застрѣленной птицы,—„много далось“.

Дѣйствительно, добыча была громадная, масса утокъ, разныхъ куликовъ и чаекъ.

— „Да я бы больше принесъ, да вотъ Андрей себѣ отобралъ, да и я кой-что оставилъ себѣ съ этимъ киргизомъ“,—добавилъ онъ, указывая на рядомъ стоящаго высокаго киргиза.

Тоть, выпрямясь во весь ростъ, съ благородной осанкой, добродушно улыбался.

— „Ну, выпейте водки, нате вамъ“, — сказалъ П., подавая каждому по рюмкѣ.

„Хе, хе, благодарю, хе, хе“, — сказалъ высокій киргизъ, медленно выпивъ рюмку.

— „Спасибо, еще рюмочку нельзя-ли“? — проговорилъ Утебаевъ, однимъ глоткомъ проглотивъ большую рюмку.

П. подаль ему еще рюмку. Глаза Утебаева заискрились и злобно засверкали, — водка на него подействовала: онъ былъ слабъ на вино.

— „И какая же была гроза — страсть. Ночь, темно, да какъ сверкнетъ молнія, да какъ ударить громъ — просто, словно земля трескается. Мы укрылись въ камышь, но все-таки промокли до костей. А Андрей все крестится и говорить: „Господи, спаси насъ грѣшныхъ“. — Утебаевъ ухмыльнулся. — „А я ему и говорю: что ты Бога своего зовешь, вѣдь и я могу Магомета звать, всѣ соберутся: такая возня подымется, самъ то не обрадуешься“.

Утебаевъ, какъ говорится, ни въ Бога ни въ черта не вѣрилъ, и такое кощунство, которое произносилъ онъ, услышать изъ устъ Магометанина не легко.

Киргизы вообще мало религіозны; они считаются магометанами, но имъ дѣла мало до Магомета, такъ же какъ и до его Бога, и вся вѣра

ихъ въ высшее существо сводится почти только къ страху передъ Шайтаномъ. Въ степи мечетей почти нѣтъ, а если и есть, то онѣ выстроены подъ вліяніемъ близко живущихъ татаръ; притомъ онѣ посѣщаются киргизами мало.

П. отвелъ меня въ сторону и сказалъ тихо:

— „Вотъ кто можетъ вамъ оказать услугу касательно раскопки могилъ. Утебаевъ сорви голова: онъ роднаго брата зарѣжетъ.

Я разъяснилъ Утебаеву, въ чемъ дѣло.

— „Да вамъ съ мясомъ голова-то киргизская нужна?

Я пояснилъ ему, что мнѣ надо черепа, только непременно киргизскіе, и прибавилъ, что лучше разрывать уже забытыя могилы.

— „А это, сколько угодно. Вотъ если-бы вы захотѣли татарскія, это было бы мудрено: они хоронятъ своихъ на кладбищѣ, а киргизы-то просто въ степи. Да тутъ ихъ въ песокъ сколько угодно“.

Мы сговорились съ нимъ идти въ слѣдующую ночь.

— „Ночью лучше, а то вѣдь днемъ киргизъ то всюду шныряетъ; ну а ночью то народу мало въ степи, да мы фонарь зажгемъ: киргизъ поѣдетъ—увидитъ свѣтъ на могилѣ, подумаетъ, что душа и удеретъ“.

* * *

Какъ то разъ В. А. предложилъ поѣхать на

охоту за 7 верстѣ отъ Ставки къ Уштерэкѣ. Тамъ должна была охота быть оригинальной. Дѣло въ томъ, что на большое разстояніе тянутся пески; кое-гдѣ, маленькими группами по два, по три дерева, растутъ тополя. Мы рассчитывали встрѣтить здѣсь хищниковъ и куропатокъ. На довольно большомъ пространствѣ вокругъ Ставки былъ нѣкогда лѣсъ. Но частью многолѣтнія засухи, частью рука человѣка, а частью быть можетъ и надвигающіеся барханы (песчаные бугры) сначала сильно сократили его въ объемѣ, а теперь почти совсѣмъ уничтожили. Лишь маленькими, какъ я уже упомянулъ выше, группами стоятъ тополя, сисясь противостоятъ невздамъ судьбы. Но не пройдетъ, быть можетъ, и десяти лѣтъ, какъ пески одолѣютъ одинокихъ борцовъ: стволы пересохнутъ, рухнутъ, надвинутся новыя волны песчанаго моря и затопятъ даже послѣдніе слѣды лѣса.

Только въ двухъ, недалеко отъ Ставки лежащихъ, мѣстахъ сохранились Богъ вѣсть какими судьбами—ну относясь снисходительно—рощицы; это: „Семь сестеръ“ и Уштерэкѣ. На Уштерэкѣ десятка два деревьевъ, разбросанныхъ тутъ и тамъ; скудная, но болѣе сочная, чѣмъ на пескахъ, трава—вотъ и все. Тутъ то, въ надеждѣ укрыться отъ зимнихъ вьюговъ, настроили киргизы свои глиняныя зимовки; ихъ 5, 6 не больше, но онѣ выстроены такъ, что каждая служить убѣжищемъ для двухъ или даже трехъ семействъ; тутъ

же и деревянная мечеть. Зимовка*), по киргизски кустау, представляет низкій, покрытый плоской крышей домъ; онъ огороженъ стѣной изъ камыша и кизика; въ окна зимой вставляются рамы, а лѣтомъ окна пусты, пусты и сами дома: въ нихъ лѣтомъ никто не живетъ. Весной, какъ только пробивается первая трава, оставляетъ киргизъ свое кустау и идетъ съ семьей и стадами въ степь. Тутъ, занявъ разъ опредѣленное мѣсто, онъ рѣдко оставляетъ его и живетъ все лѣто, а если и оставляетъ, то только для того, чтобы перекочевать на близъ лежащее и болѣе удобное, въ какомъ бы то ни было отношеніи, мѣсто.

Въ степи остается онъ цѣлое лѣто и часть осени, и лишь съ наступленіемъ холодовъ поднимаются кибитки и двигается киргизъ къ зимовкамъ. Последнія выстраиваются либо въ котловинахъ бархановъ, либо строятся просто въ открытой степи, или среди камыша. Наибольшая часть тѣснится вокругъ такихъ центровъ, какъ Ставка и Ново-Казанка.

Но зимовки имѣютъ не всѣ киргизы: нѣкоторые, конечно наиболѣе бѣдные, зимуютъ въ кибиткахъ, обреченные на холодъ и стужу.

Киргизъ Букеевской орды не есть типичный кочевникъ, а, если можно такъ выразиться, — полукочевникъ, т. е. на рубежѣ сдѣлаться осѣдлымъ.

*) См. рисунокъ.

Интересно, какъ разсказываютъ сами киргизы Букевцы о перемѣнѣ кочеваго быта на полуосѣдлый.

Они разсказываютъ, что одинъ изъ хановъ женился на киргизкѣ, выросшей въ образованномъ обществѣ; пребываніе въ кибиткѣ зимою показалось ей слишкомъ тяжелымъ, и она стала настаивать на постройкѣ дома; ханъ уступилъ ея просьбамъ и выстроилъ домъ; его примѣру послѣдовали султаны, а затѣмъ и остальные киргизы *).

Уштерэкъ составляетъ оазисъ среди степи. Не разъ укрываясь отъ нестерпимаго зноя, находили мы среди тѣни его тополей пріятный и освѣжающій отдыхъ. Насколько хорошее впечатлѣніе производитъ Уштерэкъ, настолько грустны и унылы окружающіе его пески. Здѣсь пески недавняго образованія **). Пески вообще занимаютъ нынѣ

*) Орда дѣлится на роды, роды на отдѣленія, а послѣднія на подьотдѣленія. Это дѣленіе имѣло въ стародавнее время большое значеніе, такъ какъ роды враждовали между собой. Роды первые утратили свое значеніе, такъ что киргизы кочевали отдѣленіями или подьотдѣленіями. Кочуя маленькими группами по степи и облюбовавъ себѣ то или другое удобное для скота мѣсто, старались киргизы сохранить его за собой, не покидали это мѣсто, строили себѣ зимовки и смотрѣли на эти, ими занятыя мѣста какъ на собственность общества, отдѣленія. (Собщено мнѣ В. А. Плющевскимъ—Плющкомъ).

**) Гебель, бывшій въ этихъ мѣстахъ въ 1834 году, передаетъ, что между тѣмъ, какъ болотистая почва простиралась на 6 верстъ вокругъ Ставки, пески сравнительно далеко отстояли отъ нея. Теперь же пески окружили Ставку, и „пловская“ (свободная отъ песковъ) степь лежитъ minimum въ 5 верстахъ отъ нея.

большую часть киргизской Букеевской степи: они тянутся вплоть до Камышь Самарскихъ озеръ на востокъ и до самаго Каспійскаго моря на югъ. Во многихъ мѣстахъ они уже покрылись своеобразной растительностью, весной очень богатой, но тамъ, гдѣ растенія еще не успѣли закрѣпить пески, послѣдніе находятся въ непрерывномъ движеніи. Лежатъ они не ровнымъ слоємъ, а большими, даже подчасъ громадными буграми („барханами“). Движутся они по направленію господствующихъ вѣтровъ; одна сторона, а именно навѣтренная, отлога, другая крута. Песокъ, наносимый вѣтромъ, набѣгаетъ волнами на барханъ, доходитъ до его вершины, которая, такимъ образомъ, постепенно возвышаясь, надвигается надъ обрывомъ и наконецъ обрушивается, обремененная своей собственною тяжестью. Вершина бархана тогда округляется, чтобы новымъ приливомъ песку возвыситься вновь; рядомъ возникаютъ новые барханы, растущіе съ каждымъ днемъ. Порою несущійся ураганомъ вѣтеръ выдуваетъ воронкообразныя углубленія, образуя, такимъ, образомъ песчаныя котловины. Самыя разнообразныя формы принимаютъ эти барханы подъ вліяніемъ подчасъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Такъ, песчинки, наносимыя вѣтромъ на высокую и растущую пучками траву, застываются у основанія стеблей, набѣгаютъ новыя песчинки и образуется бугорокъ, онъ растетъ конусообразно все больше и выше и получается

песчаный конусъ, на вершинѣ котораго торчатъ колосья злаковъ и т. д. Какъ уже сказано, сотни формъ, сотни самыхъ оригинальныхъ и причудливыхъ измѣненій происходятъ отъ различныхъ и часто случайныхъ причинъ. Пески, завладѣвшіе большею частью степи, отвоевываютъ себѣ ежегодно все новый и новый районъ. Гдѣ надвинулись пески, гибнетъ растительность, но это лишь на время,—проходятъ года, и на пескахъ возникаетъ флора, но флора уже песчаныхъ бугровъ; исчезаетъ кавыль и джусанъ (полынь), придающіе такой унылый видъ „плоской“ степи, но появляются разноцвѣтные тюльпаны и ирисы; разнообразныя мотыльковые и губоцвѣтныя украшаютъ на первый взглядъ неспособныя ни къ какому произрастанію пески *). Но все это лишь весной, лѣтомъ иная картина: тамъ, гдѣ есть растительность, она выгораетъ и получаетъ грязнозеленый оттѣнокъ; торчатъ тутъ и тамъ клочками желтѣющійся молочай (*Euphorbia*), а тамъ, гдѣ ея нѣтъ, тамъ ослѣпляютъ глаза голые пески. Спустившись въ знойный день въ песчаную котловину, переживаешь тяжелыя минуты: ни малѣйшаго дуновенія вѣтра,

*) Это зависитъ оттого, что дождевая и снѣговая вода легко просачивается въ рыхломъ пескѣ и не можетъ уже испаряться, а между тѣмъ, лежащая внизу песка глинистая почва не позволяетъ водѣ проникать далеко вглубь, такъ что пески содержатъ въ себѣ большое количество влаги, что и способствуетъ произрастанію многочисленныхъ растений.

страшная жара и удушливая атмосфера; ноги почти до колѣна погружаются въ раскаленный песокъ и, еле переступая и задыхаясь, медленно передвигаешься впередъ....

Всего только 7 верстъ отъ Ставки Уштерэкъ. Несмотря на то, что дорога шла песками, поѣхали мы рысью, не боясь утомить лошадей. Ихъ мы оставили въ тѣни тополей у мечети, сами же вооружились ружьями и разошлись по различнымъ направленіямъ. Уговоръ былъ — далеко не расходиться. Дѣйствительно, въ пескахъ оріентироваться чрезвычайно трудно: барханы такъ всё другъ на друга похожи, что они примѣтой служить не могутъ, а одиноко стоящіе тополя еще болѣе осложняютъ дѣло. Бѣда еще та, что заразъ нельзя обзрѣть большой районъ — вѣчно передъ глазами торчитъ тотъ или другой барханъ и загораживаетъ горизонтъ. Если теперь принять въ соображеніе, какъ трудно идти пѣшкомъ по песчанымъ буграмъ, то становится понятнымъ, что заблудиться среди бархановъ не трудно и подчасъ опасно. Можно пропасть безъ вѣсти, тѣмъ болѣе, что уже чрезъ нѣсколько часовъ слѣдъ заносится новыми волнами песку; можно умереть отъ жажды въ двухъ шагахъ отъ кибитки, если она тутъ же рядомъ за барханомъ.

Справа и слѣва, въ большемъ или меньшемъ разстояніи, раздавались выстрѣлы, охота была удачна, и мы скоро, каждый со своей добычей, сошлись у ме-

чети. Не было только В. А. Оттого мы съѣли всѣ на лошадей, захватили его лошадь и поѣхали искать его. Агедиль показалъ намъ направленіе, откуда донесся его послѣдній выстрѣль. Пслышались явственные крики В. А., но направленіе, откуда они шли, вполне точно опредѣлить было трудно; даже Агедиль сталъ въ тупикъ.

Вдругъ увидали мы слѣды въ песокъ.

— „Нѣтъ, это не его шаги“, — замѣтилъ Агедиль.

— „Почему ты думаешь“?

— „Да этотъ человѣкъ тутъ утромъ ходилъ, это видно“.

Я невольно поразился наблюдательности степнаго человѣка. Наконецъ, В. А. показался на вершинѣ бархана; мы поторопили лошадей и поѣхали къ нему....

* * *

Подобно Уштерэкъ, и „Семь сестеръ“ представляютъ оазисъ среди песковъ. Это мѣсто лежитъ не болѣе, какъ въ 5—6 верстахъ отъ Ставки, въ противоположномъ отъ Уштерэка направленіи, и получило свое названіе отъ 7 могучихъ тополей—остатка лѣса. Но этихъ семи тополей уже нѣтъ—они срублены; лишь тутъ и тамъ сохранились еще значительныя группы болѣе молодыхъ деревьевъ. Какъ у Уштерэка, такъ и тутъ разбросаны въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ киргизскія кустау или эжмовки; сами чернѣющіяся, вет-

хія, съ черными, пустыми окнами, производять онѣ впечатлѣніе заброшенныхъ домовъ; онѣ дѣйствительно заброшены лѣтомъ, въ нихъ не бываеъ никто, и лишь летучія мыши, единственные обитатели ихъ, укрываются послѣ двухъ, трехъ-часоваго полета, на цѣлыя сутки.

Не доѣзжая еще до остатковъ лѣса, натолкнулись мы на группу кибитокъ — это лѣтній лазаретъ. Тутъ содержатся не серьезно больные, пользуясь уходомъ врача и фельдшера и болѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ тотъ, который паритъ надъ Ставкой.

И тутъ, у „Семи Сестеръ“, среди деревьевъ, можно встрѣтить, какъ и у Уштерэка, не мало скворцовъ, хищниковъ и пташекъ; оттого мы неоднократно посѣщали это мѣсто. Какъ-то разъ, охотясь и экскурсируя среди песковъ, окружающихъ эти деревья и переходя съ бархана на барханъ, то въ погонѣ за быстрой ящерицей, то за птицей — спустился я въ довольно глубокую котловину; въ ней вѣяло прохладой. Почва заросла сочной и свѣжей травой; кусты и деревья, стоявшіе злѣсь, имѣли также свѣжій видъ; сырая почва свидѣтельствовала объ обилии воды. Дѣйствительно, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, были два колодца; въ одномъ изъ нихъ плавало цѣлое семейство лягушекъ и головастиковъ — все это заставляло на время забыть и окружающіе пески и зыбкую раскаленную почву подъ ногами. Это былъ остатокъ ху-

муса, который занималъ, на ряду съ лѣсомъ, нѣкогда, значительное пространство; кругомъ возникли барханы. Далеко обнеся этотъ оазисъ песками, уже отвоевали они себѣ на многія версты мѣсто, но оазисъ этотъ остался до сихъ поръ невредимъ. Окружающіе ли его кустарники или другія какія причины оберегли эту котловину отъ губящихъ все живое песковъ, но она до сихъ поръ зелена и свѣжа и говоритъ объ отдаленномъ не-возвратно потерянномъ прошломъ.

Мнѣ было какъ то особенно трудно мириться съ песками, послѣ того какъ я оставилъ этотъ оазисъ; песокъ, не смотря на то, что былъ уже вечеръ, былъ еще горячъ; отъ него парило какой-то особенной удушливостью; заходящее солнце озаряло барханы и клочками растущіе на нихъ кустарники, яркимъ блескомъ и они далеко, далеко, будто литые изъ золота, и пересыпанные малахитомъ, свѣтились кругомъ...

* * *

Верстахъ въ 8—10 отъ Ставки на югъ лежать соленыя грязи Хаки; онѣ занимаютъ огромную площадь и тянутся отъ Ставки на юго-востокъ верстъ на 80. Эти грязи горько-соленыя и представляютъ ничто иное, какъ большое скопленіе тѣхъ грязей, которыя въ маломъ количествѣ встрѣчаются въ степныхъ балкахъ, или просто разбросаны по всей степи. Поверхность ихъ покрыта

неглубокой водой. По своимъ краямъ, когда вѣтеръ дуетъ съ берега, эти грязи свободны отъ воды, и пересыхаютъ, покрываясь тонкой пленкой кристаллической соли; тутъ она нерѣдко затвердѣваетъ до того, что лошадь едва оставляетъ послѣ себя слѣды. Но такимъ затвердѣвшимъ мѣстамъ, представляющимъ ровную и гладкую поверхность, довѣряться нужно съ осторожностью, потому что можно нечаянно натолкнуться на такъ называемые „глазки“. „Глазками“ называются тѣ мѣста, гдѣ грязь дѣйствительно покрыта пленкой соли, но совершенно жидкая. Попавши на такой „глазокъ“, можно затонуть вмѣстѣ съ лошадей въ продолженіи какихъ-нибудь 5 минутъ на глазахъ своихъ спутниковъ безъ того, чтобы они были въ состояніи оказать какую-нибудь помощь. „Глазки“ не всегда отличимы по внѣшнему виду: иногда они сравниваются вполне съ окружающей ихъ твердой и безопасной почвой; но иногда они отличимы на глазъ: они представляютъ отлогое круглое углубленіе, на серединѣ котораго видна вода, діаметромъ отъ $\frac{1}{4}$ до 2 аршинъ и больше. Лучше брать съ собой киргиза, знающаго опасныя мѣста *).

Мы взяли Агедила. Уже издали была видна громадная площадь, покрытая водой; она, какъ зеркало,

*) Кромѣ „глазковъ“ („кузь“) встрѣчаются чрезвычайно топкія мѣста, такъ называемые „баткаки“, но они не такъ опасны въ виду того, что твердая соленая почва въ нихъ переходитъ постепенно.

была тиха и блестяла на солнцѣ. Тутъ и тамъ недалеко отъ края были разбросаны острова; они, значительно превышали уровень воды, выдѣляясь среди общей глади своимъ грязно-зеленымъ невзрачнымъ цвѣтомъ; среди острововъ торчали обросшія солончаковыми растеніями кочки, напоминающія нѣсколько торфяное болото. Эти кочки пылали благодаря солончаковымъ растеніямъ ярко-желтымъ и кроваво-краснымъ цвѣтомъ. Легкій вѣтеръ отъ воды нагонялъ ее на сухіе мѣста около берега. Вода текла струями по углубленнымъ мѣстамъ равнины, словно по желобкамъ, струи эти соединялись, расплывались, затопляли болѣе высокія мѣста. Вода текла тихо и вяло, словно гармонируя съ вялою и бѣдной природой, окружающею ее.

На возвратномъ пути остановились мы у ханской могилы; она лежитъ въ пескахъ, неподалеку отъ ихъ конца и перехода въ „плоскую“ степь. Тутъ находятся могилы самаго хана, нѣсколькихъ султановъ, далѣе масса могилъ, большею частью татарскихъ. Первое, что бросается въ глаза, это могила хана Джангира: она деревянная и представляетъ не то бесѣдку, не то, если такъ можно выразиться, въ данномъ случаѣ, часовню; рядомъ съ нею стоитъ деревянный, уже сильно наклонившійся вслѣдствіе своей ветхости, тонкій минаретъ. Рядомъ съ могилой хана находится могила, построенная изъ камня въ видѣ куба. Могила эта сына ли

Джангира, хана Сахибъ-гирея, или кого другаго—я узнать не могъ. Остальныя могилы представляютъ мало интереса—плита въ головахъ, меньшая плита въ ногахъ, исписанныя надписями изъ корана.

* * *

Мы заѣхали за В. А. и вмѣстѣ направились въ степь. Среди песковъ мы остановились. Во всѣхъ направленіяхъ тянулись непрерывно песчаные бугры, среди нихъ лишь мѣстами и клочками росла высокая, сухая трава; все же остальное было голо. Среди этой бѣдной растительности и жизни было мало: изрѣдка попадались жуки, кой-какіе паучки, тутъ же у дороги каталъ гигантскій новозный жукъ *) свой шаръ, на телеграфной проволоцѣ сидѣли ласточки. Мы выѣхали изъ песковъ; передъ нами была „плоская степь“—иная, но тоже бѣдная картина: низкорослая полынь, еще кой какія травы и больше ничего.

— „Заѣдемте на ближайшую балку“,—сказалъ В. А.,—„тамъ есть соленые бассейны, болоты, тамъ же и птицы; утокъ, куликовъ встрѣтимъ“.

Балка, къ которой мы подѣхали, была не глубока, но довольно широка. На ея днѣ была разбросана масса соленыхъ лужъ; частью стояли онѣ особнякомъ, а частью соединялись другъ съ дру-

*) *Ateuchus sacer* скатываетъ, какъ и другіе близкіе къ нему виды, шары изъ навоза, въ которыхъ откладываетъ свои яички.

гомъ маленькими ручьями. Вода въ нихъ прозрачна и лишь мѣстами покрыта зелеными и бурными водорослями. Почва вокругъ нихъ вся пропитана солью и состоитъ изъ черной, топкой грязи. Мы оставались здѣсь не долго, потому что было уже поздно. Солнце было близко отъ горизонта и лучи его уже потеряли свою силу. Западъ весь горѣлъ, какъ въ огнѣ, степь блестѣла серебромъ, а лужи отсвѣчивали красноватымъ блескомъ. Мы уже собирались уѣзжать, какъ съ противоположной стороны раздался крикъ козы; это была маленькая козочка, отбившаяся отъ стада; чувствуя приближеніе ночи, на нее очевидно напалъ страхъ и тоска по матери. Увидавъ насъ, она бросилась въ балку, перескочила ручеекъ, но завязла въ солевой лужѣ, вымазавшись въ зеленый цвѣтъ; не переставая кричать, подбѣжала она къ намъ. Мы отвели её къ ближайшей кибиткѣ.

Мы торопились захватить въ одну кибитку, хозяинъ который держалъ хорошихъ борзыхъ и могъ намъ оказать помощь при охотѣ на тушканчиковъ. Проѣзжая по степи, встрѣтили мы группу киргизовъ, которые, оставивъ свое прежнее мѣсто жительства, перекочевывали на другое мѣсто *). На одного верблюда была нагружена разобранная ки-

*) Картину перекочевыванія съ одного мѣста на другое встрѣчаешь въ киргизской степи не часто именно оттого, что киргизъ, занявъ весной мѣсто съ своей кибиткой, оставляетъ его лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

битка, ея остовъ и кошма, на другомъ сундукъ и кой-какія вещи; на немъ же сидѣла жена киргиза. Еще два верблюда, шедшіе рядомъ, везли дѣтей. Самъ хозяинъ-киргизъ ѣхалъ верхомъ на лошади, гоня стадо барановъ.

Солнце уже закатилось, когда мы подѣхали къ кибиткѣ. Тушканчики выходятъ изъ своихъ норъ только ночью, и тогда ихъ можно затравить борзыми собаками. Мы, съ помощью Агедила, объяснили хозяину кибитки о цѣли нашего пріѣзда; онъ объявилъ, что надо немного подождать, когда слегка стемнѣетъ. Между тѣмъ, мальчишки уже разбѣжались по степи, розыскивая норы тушканчиковъ.

Быстро надвигалась ночь, западъ еще алѣлъ, не успѣвши погаснуть, а степь уже покрылась пеленою мрака, кибитка и стоящіе рядомъ съ ней киргизы выдѣлялись на все еще свѣтломъ небѣ рѣзкими силуэтами; Венера, въ своемъ голубомъ блескѣ, какъ бы догоняя солнце, быстро склонялась къ западу; блеснулъ красный Арктуръ, слабо обрисовалась Большая Медвѣдица...

— „Тшканъ, тшканъ“, — закричалъ одинъ изъ удалившихся мальчиковъ“.

Хозяинъ спустилъ борзыхъ; онѣ съ мѣста сдѣлали нѣсколько короткихъ, быстрыхъ скачковъ и пустились во весь духъ, далеко вытянувъ острия морды, къ мальчикамъ; вихремъ промчались борзые

мимо насъ, и черезъ нѣсколько минутъ была добыча уже въ нашихъ рукахъ.

Киргизъ просилъ насъ остаться чай пить. Разговаривая и спрашивая хозяина о томъ и о семъ, мы не замѣтили, какъ прошло время; было уже поздно; изъ за горизонта показался красный полукругъ; прошло нѣсколько минутъ, и на небесномъ сводѣ появился мѣсяцъ; онъ былъ большой, красный. Я никогда и нигдѣ не видалъ луну съ болѣе ясно выраженнымъ лицомъ на дискѣ, чѣмъ этотъ разъ въ степи: полузакрытые глаза, плоскій носъ, улыбающійся, на-бокъ скошенный ротъ — она словно глядѣла на насъ съ добродушной улыбкой, радуясь своему появленію и будто думая: „это еще что, взойду выше, стану меньше, но озарю все пріятнымъ, зеленоватымъ свѣтомъ“. Дѣйствительно, постепенно теряя свою величину, она быстро подымалась по небесному своду, и не прошло и полчаса, какъ она уже сіяла во всей красотѣ...

Мы сѣли на лошадей и направились къ Ставкѣ. Въѣзжая въ пески и равняясь съ ханской могилой, я невольно оглянулся на нее. Могила хана Джангира рѣзко выдѣлялась среди печальныхъ бугровъ, рядомъ съ ней виднѣлся перекосившійся деревянный минаретъ. При лунномъ свѣтѣ это была прекрасная картина; что-то сказачное, что-то таинственное было въ этой одинокой могилѣ царя песковъ.

III.

Поѣздна на „второй оврагъ“. Утешъ-гали.

Дорога.—Жаркій день.—Усталость и жажда.—Кибитка киргиза.—Дойка скота.—Киргизка.—Утэшъ-гали.—Степной дождь.—Джума-гали.—Кибитка.—Киргизъ и татаринъ.—Киргизская семья.—„Кхазакъ“.—Сословность у киргизовъ.—Вражда родовъ.—Плотина.—Ауль.—Татаринъ въ киргизской степи.

Было прекрасное утро, когда мы собрались на „второй оврагъ“, лежащій верстахъ въ 30 отъ Ставки.

„Овраги“ или балки *) не рѣдко встрѣчаются въ „плоской“ степи. Не будучи особенно глубокими, тянутся они на многія версты—они суживаются, расширяются, вѣтвятся. На днѣ этихъ „овраговъ“ находятся небольшіе бассейны („лужи“); нѣкоторыя изъ нихъ съ прѣсной водой, но большинство съ соленой.

Со мной были В. А. и товарищъ мой; мы прихватили Агедила и еще одного киргиза, чтобы смотрѣть за лошадьми. Было еще раннее утро, но солнце давало себя знать, и день обѣщаль быть

*) См. рисунокъ.

очень жаркимъ. Послѣ утомительнаго и скучнаго пути по пескамъ, достигли мы „плоской“ степи, и лошади помчались рысью. Уже давно не было дождя—степь пересохла — на горизонтѣ ежеминутно показывались миражи: они то скрывались, то появлялись вновь, то, слившись вмѣстѣ, окружали весь горизонтъ.

Пріѣхавши къ мѣсту, сдали мы своихъ лошадей киргизу. Верстахъ въ десяти должна была быть кибитка, тамъ велѣли мы киргизу ждать насъ и приготовить самоваръ, чтобы, обошедши весь „оврагъ“, сойтись у кибитки. Пока же мы вооружились сѣтками и ружьями и пошли по „оврагу“ — кто занялся наземной, а кто водной фауной, а кто стрѣляніемъ птицъ.

Но скоро потеряли мы другъ-друга изъ виду, и я остался одинъ. Солнце перешло уже свою кульминаціонную точку и слегка клонилось къ горизонту—былъ второй часъ.

День былъ очень жаркій; солнце нещадно палило—затруднялось дыханье. Сначала я двигался бодримъ шагомъ,—на пути неоднократно насѣкомые останавливали мое вниманіе. Особенно интересовали меня соленые бассейны,—въ нихъ я находилъ, не смотря на сильный соляной растворъ, разныхъ рачковъ, жуковъ и личинокъ; но мало по малу жара давала себя знать,—я обливался потомъ, мое лицо горѣло, ноги, обремененныя высокими болотными сапогами, становились съ каждымъ ша-

гомъ все тяжелѣе. Я ждалъ конца „оврага“, но онъ все тянулся, дѣлая десятки изгибовъ. Началась топкая соляная грязь—меня мучила жажда. Жадные взоры бросалъ я на водяные бассейны, но они были соленые; между тѣмъ прозрачность воды, сочныя водяныя растенія и играющія на поверхности воды вертячки *), напоминая мнѣ прѣсные источники родныхъ мѣстъ, дѣлали ихъ приманчивыми и еще больше возбуждали жажду. Наконецъ, путь становился слишкомъ тяжелъ, и я поднялся изъ балки въ степь, въ надеждѣ увидать болѣе или менѣе близко лошадей: я зналъ, что къ сѣдламъ были привязаны фляги съ холоднымъ чаемъ, лучшимъ средствомъ для утоленія жажды. Но увы—ни лошадей, ни кибитки, ни спутниковъ; тутъ я понялъ, что я заблудился. Степь развернулась передо мною, какъ страшилище. Растенія пересохли — лишь клочками торчала малорослая полынь, придававшая степи голубой оттѣнокъ, тяжелый туманъ парилъ надъ нею; не смотря на просторъ, становилось жутко. Хоть бы капля воды омочила ссохшіяся губы, хоть бы отдаленная кибитка обнадеживала усталый взоръ,—ничего. Медленно и спотыкаясь, пошелъ я дальше, не теряя надежды натолкнуться на когонибудь изъ своихъ спутниковъ. Я вспомнилъ нашъ условный сигналъ—

*) Маленькіе жуки, быстро бѣгающіе по поверхности воды, описывая круги.

три быстрыхъ выстрѣла изъ револьвера—я выстрѣлилъ, подождавъ, повторилъ еще разъ сигналъ, но никакого отвѣта.

Я прошелъ еще верстъ пять; каждая сажень, каждый шагъ ложился чувствительной тяжестью на организмъ; вдругъ на нѣкоторомъ разстояніи изъ балки показались двѣ фигуры—это былъ мой товарищъ и Агедиль. Степной воздухъ имѣетъ свойство сильно увеличивать и искажать всѣ предметы, и спутники мои казались гигантами. Они еле переступали и, увидавъ меня, остановились. Я подошелъ къ нимъ: ихъ пересохшія губы, полуоткрытый ротъ показывали, что и они мучались.

— „Агедиль, не знаешь ли, гдѣ лошади“?—спросилъ я.

— „Да, баринъ, онѣ должны быть тамъ“,—махнулъ онъ въ сторону рукой.

Мы тихо и молча направились въ указанную сторону. Но лишь послѣ долгаго пути, зашедши за бугоръ, увидали мы лошадей. В. А. усталый, грузно и какъ-то опустившись, сидѣлъ въ сѣдлѣ; рядомъ съ нимъ киргизъ держалъ лошадей. Предполагаемой кибитки не оказалось; намъ предстояло отыскивать другую.

— „А, господа, наконецъ-то. Хотите чаю,—тутъ еще много есть, вамъ всѣмъ хватить“.

Пойметъ ли каждый, что въ такой моментъ значить глотокъ влаги? пойметъ ли всякій, какъ медленно, съ какимъ безконечнымъ наслажденіемъ

глотаешь эти божественныя капли. Тутъ забываешь міръ, тутъ готовъ прозакладывать все, готовъ насильно отнять у ближняго безцѣнное сокровище. Киргизъ утверждалъ, что по близости должна быть кибитка. Но не скоро, лишь пройдя не мало верстъ, увидали мы вдали силуэтъ кибитки. Мы послали впередъ киргиза, чтобы поставить самоваръ, который никогда не отсутствуетъ въ кибиткѣ Букеевскаго киргиза....

Можно ли описать то довольство, которое испытывали мы, лежа на землѣ, въ тѣни кибитки, съ сѣдлами въ головахъ и выпивая стаканъ за стаканомъ чаю!

Прошелъ, быть можетъ, часъ—мы утолили свою жажду и свой голодъ.

Теперь уже мы могли смотрѣть равнодушнымъ взглядомъ на окружавшіе насъ предметы. Справа отъ насъ стояла кибитка, въ тѣни которой мы расположились. Подумаешь: цѣлый домъ, полное хозяйство, надежное убѣжище для цѣлой семьи—полное ея богатство. А сама она такъ мала, такъ мала—бесѣдка, прихоть, капризъ для богатаго человѣка нашихъ странъ. Эта кибитка принадлежала бѣдному киргизу: на дряхломъ, замазанномъ, утратившемъ свой красный цвѣтъ, остовѣ были наброшены сѣрыя, почернѣвшія отъ копоти, пыли и вліянія атмосферы кошмы. Онѣ лишь отчасти исполняли свое назначеніе, укрывать обитателей кибитки отъ невзгодъ погоды: обиліе скважинъ и дыръ позво-

ляло врываться вѣтру, а во время дождя должны онѣ пропускать цѣлые потоки воды. Внутреннее устройство кибитки никогда не бываетъ замысловато, но въ данномъ случаѣ оно поражало своей скудностью. На полу, или собственно на землѣ, лежала разодранная кошма; на переднемъ мѣстѣ— противъ двери, валялись двѣ подушки съ сѣдель; вдоль стѣнъ сундукъ, еще сундукъ, кожаный мѣшокъ для кумыса, грязное одѣяло, кучка тряпья— вотъ все, если можно такъ выразиться, убранство этой кибитки. Діаметръ ея не превышалъ двухъ съ половиной сажени, и на такомъ-то клочкѣ, среди такой грязи, помѣщалось семейство, состоявшее изъ матери, сына съ женой и трехъ внуковъ. Какъ не процвѣтать тутъ, въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, разнообразнымъ кожнымъ болѣзнямъ, какъ не скашивать оспѣ цѣлыя семьи. При чемъ тутъ чистый степной воздухъ, когда киргизъ, кромѣ грязнаго тѣла, кромѣ почти немѣняемаго халата и рубахи, деннуетъ и ночуетъ среди зловонія и грязи. Многие, мало или совсѣмъ незнакомые съ жизнью кочевника, рисуютъ ее такъ: „степь, чистый, ароматный воздухъ, прохлада въ кибиткѣ, кумысъ, спокойное настроеніе духа... наилучшья гігіеническія условія— слѣдовательно, кочевникъ здоровъ, бодръ, живетъ долго... и т. д.“ Но никто не знаетъ, что, сидя въ кибиткѣ, уже черезъ пять минутъ тяготитъ ея воздухъ и что на нѣсколько шаговъ отъ кибитки чувствуешь

обоняніемъ ея близость. И если эпидеміи не свирѣпствуютъ такъ въ степи, какъ въ городѣ, то это объясняется скорѣе болѣе или менѣе большимъ разстояніемъ одной кибитки отъ другой,— а умрутъ десять, двадцать, кто объ этомъ узнаеть, кто на это обратитъ вниманіе? *)

Солнце садилось; киргизка лѣтъ 11-ти пригнала маленькое стадо козъ и овецъ для дойки. Ей на встрѣчу вышла мать; на ней было надѣто платье изъ бѣлаго съ голубыми цвѣтами ситца, а на головѣ повязанъ бѣлый платокъ; она поймала нѣсколько козъ, связала ихъ веревкой мордами другъ къ другу, затѣмъ стала ихъ по очереди доить. Обошедши весь рядъ, состоявшій изъ 12-ти козъ, она перешла опять къ первой и прошла весь рядъ вторично. Въ это же время ея дочь занята была овцами, но дѣло давалось ей плохо. Плохо связанные овцы постоянно выбивались изъ ряда и не давались доиться.

“) Мѣстные жители утверждаютъ, будто киргизъ Букеевской орды вымираетъ. Цифровыя же данныя показываютъ противоположное. Извѣстно, что съ Букеемъ перешли [изъ Азіи слишкомъ 7000 кибитокъ, (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ до 10,000). Гёбель со словъ хана Джангира говоритъ, что въ ордѣ 16,500 кибитокъ и 189,300 кочующихъ киргизовъ. В. А. Плющевскій-Плющикъ любезно сообщилъ мнѣ данныя 1885 г., по которымъ оказывается, что въ ордѣ, 42,948 кибитокъ и 233,938 киргизовъ обоого пола. Такъ что ясно, что населеніе въ Букеевской ордѣ—отъ прилива ли новыхъ кочевниковъ изъ Азіи, или нѣтъ,—но несомнѣнно увеличивается.

„Нэ, нэ“,—повторяла она, но овцы, чувствуя неопытную руку и дѣтскій голосъ, не слушались ее. Въ довершеніе всего подошелъ молодой верблюженокъ и окончательно испортилъ дѣло: двѣ овцы освободили свои головы изъ петель веревки и шарахнулись въ сторону; дѣвочка потянулась было за ними, но остальные овцы рванулись въ другую сторону; дѣвочка упала, и весь рядъ разстроился. Тогда мать, уже окончившая свою работу съ козами, слегка пожуривъ ее, пришла къ ней на помощь, и дѣло пошло, какъ слѣдуетъ....

Послышался топотъ лошадей: къ кибиткѣ подъѣхала пожилая женщина верхомъ, сидя на сѣдлѣ помужски—это была мать и глава семейства. Ея загорѣлое лицо, складка верхней вѣки, плоскій носъ—придавали ей видъ калмычки. Она соскочила съ лошади и казалась очень взволнованной: бросила поводъ внучкѣ, порывистымъ движеніемъ сорвала верхній платокъ *), окутывавшій ей шею и отчасти лицо и голову, и съ жаромъ стала что-то объяснять своему сыну. Послѣдній, усѣвшись на землѣ рядомъ съ нашими киргизами и сладостно

*) Кромѣ обыкновенныхъ головныхъ платковъ—„жаулакъ“ и „кимишекъ“ (на рис. изображена киргизка въ жаулакѣ) при ѣздѣ въ степи киргизки обвертываютъ, защищаясь отъ жары, голову, шею и лицо другимъ платкомъ—этотъ обыкновенно снимается тотчасъ по пріѣздѣ въ кибитку. Снять же жаулакъ или кимишекъ при постороннемъ лицѣ считается позорнымъ.

пившій чай, изрѣдка причмокивая губами и роняя отдѣльныя слова, очевидно былъ очень недоволенъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ объясненіемъ, которое выводило его изъ пріятнаго кейфа;—онъ отнялъ на мгновеніе блюдечко отъ губъ и что-то отвѣтилъ матери. Отвѣтъ этотъ очевидно пришелся не по душѣ киргизкѣ: она развела руками, затѣмъ, съ удвоеннымъ жаромъ, стала говорить. Но сынъ ея, не видя скорого конца такого объясненія, принялся снова за чай. Киргизка махнула на него рукой и подошла ко мнѣ—я придалъ своему лицу сочувственный видъ, и рѣчь ея полилась съ удвоенной силой. Крикъ ея разбудилъ моего товарища и В. А.

В. А. вскочилъ.—„Э, да это киргизка бранится“, сказалъ онъ голосомъ привычнаго человѣка,—„поѣдемте, господа“.

Дѣйствительно, было уже поздно: тѣни стали понемногу исчезать и все освѣтилось вечернимъ полутонемъ; блеснули на небѣ Арктуръ, Вега, Атаиръ, а Венера пылала во всей своей красотѣ.....

*

Намъ оставалось не болѣе 18 верстъ до Ставки, когда подѣхалъ ко мнѣ В. А.

„Я бы предложилъ заѣхать къ Утэшъ-гали, его аулъ не болѣе версты въ сторону“.

„Кто это?“—спросилъ я.

„Атаньязовъ—богатый, вліятельный киргизъ, на-

чальникъ *) Байбактынскаго рода“,—добавилъ В. А.

Мы круто повернули влѣво лошадей, и передь нами зачернѣлся ауль Атаньязова.

„Балумбай, скачи впередь, предупреди Утэшъ-гали“,—крикнулъ В. А. одному изъ нашихъ киргизовъ.

И Балумбай, или, какъ его называли русскіе въ Ставкѣ, Балумбашка, помчался стрѣлой.

Утэшъ-гали насъ встрѣтилъ на крыльцѣ своего глинянаго дома.

„Мылости просымъ, я оченъ радъ“,—сказалъ онъ, „простытэ, у мэня по стѣпному, просто“—добавилъ онъ, выговаривая, какъ вообще на востокѣ, „и“ какъ „ы“ и „е“ какъ „э“.

Онъ насъ повелъ въ просторную горницу, уставленную вѣнскими стульями.

„Да не хотитэ-ли вы закусытъ чэго нибудь, я сэйчасъ“...

Мы поблагодарили и отказались.

„Ну, чаю, какъ же, безъ чаю нельзя“...

В. А. шепнулъ мнѣ, что отъ чаю отказаться нельзя—мы поблагодарили и согласились.

*) Собственно „начальникомъ“ Утэшъ-гали назвать нельзя. Роды уже давно утратили свое первоначальное значеніе. Съ прекращеніемъ вражды родовъ и ихъ начальники („главы“) потеряли то значеніе, которое они имѣли раньше. Утэшъ-гали богатый и умный киргизъ, который, какъ и всякій богатый киргизъ, пользуется „уваженіемъ“ со стороны своихъ собратьевъ.

„А у меня было горе“,—обратился Утэшъ-гали къ В. А.,—„помните, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, дождь былъ; страсть, что тутъ дѣлалось: крыша протекла, плотина прорвалась, а въ кибиткѣ вода на аршинъ стояла: думалъ, что совсѣмъ смоетъ, но ничего, она у меня крѣпкая“.

„Вамъ Утэшъ-гали можетъ многое рассказать: онъ свѣдущій и изъ образованныхъ киргизовъ“,—шепнулъ мнѣ В. А.—„Покажите имъ“,—обратился онъ къ хозяину, — „чтонибудь чисто киргизское, чтобы была работа совсѣмъ киргизская“.

„Да вѣдь у меня все въ кибиткѣ, а теперь темно, вотъ прїѣзжайте ко мнѣ днемъ, я вамъ все покажу: я ее уберу и фотографію тогда можете снять“.

Я обѣщался воспользоваться его приглашеніемъ въ самомъ скоромъ времени.

„Только пришлите киргиза напередъ, вѣдь здѣсь недалеко: 17 верстъ, — тогда я уже дома буду и буду васъ ждать. А теперь что я вамъ могу показать—такъ пустяки“.

Утэшъ-гали вышелъ. Это былъ типичный киргизъ. Человѣкъ средняго роста; лицо его безъ румянца, было однородно слегка желтоватаго цвѣта; легкая складка верхней вѣки придавала его глазамъ видъ немного приподнятыхъ; жидкіе, черные усы окаймляли углы рта и спускались внизъ; рѣдкая черная борода слегка раздваивалась. Онъ принадлежалъ къ богатымъ и цивилизованнымъ

киргизамъ. Онъ не носилъ киргизскаго (бухарскаго) халата, а надѣвалъ короткій татарскій полукафтанъ чернаго цвѣта, а на голову черную барашковую шапку; тебетейки онъ не носилъ.

Минуть черезъ пять онъ вернулся.

„Вотъ, господа“, — сказалъ онъ — „шапки наши: шапка богатой дѣвушки“ — сказалъ онъ, передавая намъ круглую шапку изъ мѣха выдры, съ зеленымъ бархатнымъ верхомъ и висѣвшимъ мѣшкомъ на боку, шитымъ золотомъ, украшеннымъ золотой кистью на концѣ.

„А вотъ наши колпакъ и малахай“, — добавилъ онъ, передавая шапки мужскіе: зимнюю (малахай) — на лисьемъ мѣху съ наушниками и назатыльникомъ — и лѣтнюю (колпакъ) изъ бѣлаго войлока.

Киргизъ подалъ на подносѣ чай съ вареньемъ и московскими „городскими“ сухарями.

„Прошу, господа, простите, не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ“.

„А вотъ работа чисто киргизская“, — сказалъ онъ немного погодя, подавая намъ маленькій коврикъ.

Работа была очень оригинальная: коврикъ былъ сшитъ изъ вырѣзанныхъ красныхъ и зеленыхъ флаanelевыхъ узоровъ; мѣсто шва было закрыто нашей тонкой желтой тесьмой.

„На что это употребляется?“ — спросили мы Утэшъ-гали.

„А мы сундуки обиваемъ — это красиво“.

„Да подарите этотъ коврикъ имъ, Утэшъ-гали“, сказалъ В. А.,—„они въ Москвѣ покажутъ“.

„Да это не стоитъ, онъ плохъ“,—сказалъ хозяинъ,—„но я съ удовольствіемъ“...

Мы, обрадованные приобрѣтеніемъ, поспѣшили поблагодарить его.

„Нѣтъ, вы меня не благодарите: я долженъ на-перво спросить позволенія моей жены — она мнѣ это въ подарокъ шила—у насъ обычай такой“.

Утэшъ-гали скоро вернулся съ позволеніемъ жены подарить намъ коврикъ.

„Возмите его, только мнѣ жалко - вѣдь,— это пустяки, не стоитъ и брать“,—сказалъ онъ.

„Много вы наохотились сегодня“? — обратился Утэшъ-гали послѣ нѣкоторой паузы къ моему товарищу, глядя на его ружье.

„Нѣтъ, такъ кое-что“,—отвѣтилъ онъ.

„А ружье у васъ хорошее“?—спросилъ Утэшъ-гали.

Товарищъ мой, у котораго было ружье центральнаго боя новѣйшей системы, рассказалъ достоинства своего ружья и показалъ способъ его разборки.

-- „И у меня есть хорошее ружье, да боюсь, что кунакъ отниметъ: у меня уже разъ его отняли, да тотъ не справился и отдалъ, а теперь боюсь, что еще кто нибудь возметъ“.

— „Какъ онъ у васъ отнялъ“?—спросилъ я.

— „Да у насъ обычай есть, если кто у кого въ

гостяхъ, то можеть у хозяина брать все, что ему понравится. Вотъ кто побѣднѣе и ходить къ богатому, а у него что возьмешь, если у него ничего нѣтъ“ *).

— „Вотъ у меня есть еще сабля—ее, кажется, никому не дамъ, старинная, настоящая“.

— „Покажите ее намъ“.

Утэшъ-гали принесъ намъ саблю—она, дѣйстви-тельно, представляла рѣдкость. Старинный клинокъ, казавшійся дамаскинскимъ, былъ вправленъ въ кавказскую рукоять. Клинокъ былъ источень и надпись изъ корана съ трудомъ можно было прочесть; немного выше надписи была гравированая фигура рыцаря съ латинской подписью „pro patria mor...“, остальнаго нельзя было разобрать.

Богъ знаетъ, какая судьба постигла этотъ клинокъ; Богъ вѣсть, въ какихъ рукахъ онъ не перебивалъ, очутившись наконецъ въ рукахъ Букеев-

*) Въ старину обычай состоялъ собственно въ томъ, что при враждѣ родовъ начальники куначились (тамырились), причемъ начальникъ, принимавшій другаго у себя въ кибиткѣ, предлагалъ своему гостю выбрать у него изъ оружія или изъ другихъ предметовъ, что онъ облюбуетъ—этимъ закрѣплялось куначество или дружба начальниковъ, которая всегда распространялась и на другихъ членовъ данныхъ родовъ. Но этотъ старинный обычай со временемъ (при прекращеніи вражды родовъ) утратилъ свое значеніе и наконецъ въ Букеевской ордѣ выродился (какъ и многое другое) въ эксплуатацію богатыхъ бѣдными.

скаго киргиза, который его никогда не надѣваетъ *).

Когда мы прощались съ Утэшъ-гали, то онъ сказалъ: „не забывайте меня, прїѣзжайте — я васъ ждать буду“.

— „Ночуйте у меня“,—прибавилъ онъ, выйдя на крыльцо и посмотрѣвъ на небо, — „дождь будетъ“.

.
Черныя тучи низко нависли; откуда то пробивался свѣтъ, освѣщавшій степь; одиночныя звѣзды то появлялись, то скрывались вновь за тучами. Блеснула молнія и раздался близко ударъ грома. На западѣ еле-еле розовѣла еще вечерняя заря—тамъ горизонтъ былъ чистъ. И хотя была уже ночь, но эта свѣтлая полоса на западѣ, въ сравненіи съ свинцовыми тучами, казалась какой то сіяющей. Она освѣщала слегка всю степь. Степь была бѣла, какъ снѣгъ, при такомъ освѣщеніи. Но вотъ затянулся и горизонтъ: все сразу потемнѣло, блеснула еще раза два молнія, и мы не успѣли отъѣхать и пяти верстъ, какъ полилъ дождь, какъ изъ ведра—безъ бури, безъ малѣйшаго дуновенія вѣтра—тихій степной ливень...

* * *

*) Букеевскіе киргизы оружія не носятъ. Обычай украшать кибитку оружіемъ, какъ это дѣлаютъ средне-азиатскіе киргизы, въ Букеевской ордѣ вывелся совсѣмъ. И только у богатыхъ можно среди немногихъ старинныхъ фамильныхъ вещей встрѣтить саблю или старинный пистолеть.

Моя вторичная поѣздка къ Утэшь-гали состоялась раньше, чѣмъ я предполагалъ. Наканунѣ я послалъ къ нему киргиза, чтобы извѣстить о своемъ прибытіи, а на слѣдующій день выѣхалъ съ киргизомъ, который хорошо зналъ дорогу—это былъ Джума-гали братъ Утебаева. Тутъ я въ первый разъ познакомился съ нимъ, не предвидя, что наибольшая часть моего путешествія будетъ связана съ нимъ.

Было прекрасное, тихое утро, когда мы выѣхали изъ Ставки. Не дожидаясь конца песковъ, я поѣхалъ рысью; Джума-гали въ зеленомъ полосатомъ халатѣ, съ бараньей шапкой на затылкѣ, былъ очень курьезенъ на лошади. Онъ то непрерывно трясся на сѣдлѣ, то подпрыгивалъ на немъ, вскидывая локтями, какъ наши деревенскіе мальчишки—но онъ былъ хорошій наѣздникъ. Торчавшая лопатой рыжая борода и красное съ веснушками лицо такъ мало вязалось съ понятіемъ о киргизѣ, что можно было-бы забыть объ этомъ, если бы не халатъ, если бы не манеры.—За песчаными буграми скрылась Ставка—открылась ровная „плоская“ степь. Кое-гдѣ показывались тучки, угрожая обдать краткимъ, но обильнымъ дождемъ: миражи были рѣдки. Неподкованныя копыта нашихъ лошадей дружно стучали объ твердую почву степи и лишь изрѣдка, попадая въ лужи, раздавался вязкій звукъ размоченой грязи. Мы ѣхали, не прерывая рыси и не разговаривая съ Джума-гали. Онъ все подпрыги-

валь и подскакиваль на сѣдлѣ, какъ будто не хотѣль сѣсть плотно, и глядѣль въ туманную даль, какъ будто разбираль что то.

— „Скоро ауль Утэшъ-гали?“—спросиль я.

— „Вонъ, баринъ, хуторъ русскій, а за нимъ, версты четыре будетъ, не больше, ауль“.

Мы поровнялись съ хуторомъ переселенцевъ малороссовъ. Домъ съ перекосившеюся крышей, заборъ или плетень, куча хвороста — вотъ и все. Выскочила собака, лая на насъ, за нею бѣлокурая дѣвочка: воротъ у ней былъ растегнуть, на загорѣлой шеѣ висѣль крестъ. Наклонивъ на бокъ голову, глядѣла она на насъ своими голубыми дѣтскими глазенками, не то съ любопытствомъ, не то съ радостію. Мы круто обогнули хуторъ справа, проскакали съ версту...

— „Вонъ, вонъ, баринъ, ауль!“—показаль рукою Джума-гали на чернѣющее вдали зданіе.

Мы ударили плетями лошадей и еще быстрѣй понеслись по степи, съ каждой минутой приближаясь къ цѣли....

— „Вамъ будетъ въ кибиткѣ лучше“,—сказаль любезный хозяинъ, встрѣтивъ меня у калитки и провожая по двору.

— „Кибитка у меня хорошая. Такъ, какъ дѣлають богатые киргизы—въ степи не много найдете такихъ“.

Кибитка, дѣйствительно, была хорошая—высокая

и просторная. Бѣлыя, еще совсѣмъ свѣжія кошмы, которыя покрывали ее, такъ и блестѣли на солнцѣ.

— „Прошу покорно“, — сказалъ Утэшъ-гали, давая мнѣ дорогу у двери.

Я вошелъ. На противоположномъ отъ двери мѣстѣ стоялъ столъ и по сторонамъ его два вѣнскихъ стула. На полу, вдоль всей кибитки, была растянута бѣлая кошма. Въ серединѣ былъ посланъ персидскій коверъ; на немъ растянута красная бумажная салфетка, а на ней была поставлена большая чашка съ кумысомъ. Справа и слѣва отъ нея на полу, другъ передъ другомъ, сидѣло двое мужчинъ, поджавши ноги.

— „Прошу покорно“, — повторялъ хозяинъ, снявши свои калоши у двери, и указывая на стулъ.

Я сѣлъ. Хозяинъ перекинулся нѣсколькими словами съ сидящими на полу мужчинами, и сѣлъ противъ меня.

— Это у насъ самое главное мѣсто—для важныхъ гостей, оно всегда противъ двери и всегда дѣлается выше: кладутъ тюфякъ шелковый. А вы непривычны сидѣть по нашему — я и поставилъ столъ и два стула“.

Я спросилъ Утэшъ-гали, — „какъ же сидятъ мнѣ почетные гости“?

— „По чину и уваженію, направо и налево отъ главнаго мѣста. А если мало гостей, двое или трое, то ихъ сажаютъ у насъ посреди кибитки, какъ

вотъ эти двое“,—добавилъ онъ, показавши на двоихъ сидящихъ у кумыса.

Вошелъ киргизъ и вызвалъ зачѣмъ-то Утэшъ-гали.

— „Я сейчасъ приду“,—сказалъ онъ мнѣ, надѣвъ калоши и выходя изъ кибитки.

Я оглянулъ кибитку—она была дѣйствительно богата. Богатство ея выражалось во первыхъ въ величинѣ, далѣе въ томъ, что по стѣнамъ и вдоль потолка, если можно такъ выразиться, были развѣшаны разноцвѣтныя ленты и пестрые ковры, преимущественно киргизской работы, на подобіе того коврика, который былъ мнѣ подаренъ хозяиномъ въ мое первое посѣщеніе.

Кибитка эта былая нежилая, а только для приѣма гостей, отъ того въ ней не было домашней утвари—она имѣла видъ гостинной своей чистотой и разноцвѣтнымъ убранствомъ. Сидящіе передъ чашею съ кумысомъ неустанно потягивали его изъ маленькихъ деревянныхъ чашечекъ, прикладывая послѣднія ко рту; они держали ихъ обѣими руками и глотали напитокъ медленно и съ видимымъ удовольствіемъ.

Уже при входѣ бросилась мнѣ въ глаза разница въ ихъ лицахъ — теперь я могъ разглядѣть ихъ внимательнѣе. Одинъ, сидѣвшій отъ меня налѣво, былъ несомнѣнно киргизъ: онъ былъ уже старикъ; его тучное, упитанное кумысомъ и бараньимъ курдюкомъ, тѣло ясно говорило объ его богатствѣ.

Жиденькіе, еле-видные сѣдые усики слегка окаймляли его ротъ; очень рѣдкая, также сѣдая, борода торчала клиномъ. На немъ былъ просторный бухарскій шелковый халатъ коричневаго цвѣта и на головѣ феска. Онъ, должно быть, былъ очень старъ, потому что на головѣ не было ни одного чернаго волоса—киргизы же поздно сѣдѣютъ. А между тѣмъ, свѣжее, лишенное морщинъ лицо, веселая улыбка говорили за молодость и свѣжесть его души. Онъ навѣрное не знавалъ горя никогда—выросшій въ богатой семьѣ, онъ жилъ припѣваючи и такъ дожилъ, сохранивъ свѣжесть и бодрость, до сѣдинъ.

Сидѣвшій противъ него, на видъ не казался киргизомъ:—легкая скуластость указывала на его монгольское происхожденіе, но прямые глаза, правильный костистый носъ показывали, что его предки неоднократно поновляли породу свѣжей не монгольской кровью; костюмъ былъ на немъ вполне татарскій. До верху аккуратно застегнутый халатъ, чистыя руки, смышленный, слегка хитрый взглядъ его прищуренныхъ глазъ заставляли думать, что онъ татаринъ.

Глядя на нихъ, мнѣ невольно вспомнился тотъ контрастъ, который бросается намъ въ глаза въ нашихъ деревняхъ при видѣ отставнаго смышленнаго солдата среди своихъ деревенскихъ собратьевъ.—„Городской“ и „деревенскій“—значить „бывалый“ и „простакъ“. „Бывалый“ всегда одержитъ

верхъ надъ „простакомъ“—дѣло „простака“ слушать столичные рассказы „бывалаго“—онъ авторитетъ: „онъ все знаетъ, онъ свѣтъ Божій видѣлъ“. А „бывалый“ ходитъ, поучаетъ „простака“,— „что отъ деревенщины проку—свѣта Божьяго не видалъ“.

Такъ и тутъ: татаринъ казался интеллигентнымъ, на ряду съ киргизомъ—онъ внушалъ уваженіе.

Было выпито уже много кумысу, и онъ оказалъ свое дѣйствіе: — лица сидящихъ раскраснѣлись, глаза блестѣли; они перебрасывались очевидно остротами, повидимому, безпричинно улыбались и хихикали—имъ было весело.

Вошелъ Утэшъ-гали и сейчасъ же внесли чай.

— „Должно быть, это татаринъ?“—спросилъ я Утэшъ-гали.

— „Да, татаринъ, огородникъ изъ Сарепты—проѣдомъ здѣсь, да,—рѣдкій гость“.

— „А вотъ это киргизъ“,—добавилъ онъ, немного погодя, указывая на другаго человѣка,— „настоящій киргизъ“.

Я замѣтилъ, что онъ очень толстъ.

— „Такіе ли у насъ бываютъ!—вотъ въ Таргунской части есть киргизъ такой толстый, что онъ сидѣть ни на чемъ не можетъ и для него вырыли яму, тамъ онъ и сидитъ; такъ тотъ два ведра кумысу заразъ можетъ выпить“ *).

*) Въ Киргизской степи дѣйствительно встрѣчаются обжоры, которые въ состояніи истребить заразъ громадное ко-

— „А откуда у него феска“.

— „Видите“,— сказала Утэшъ-гали,— „если кто у насъ въ Мекку ѣздитъ, тотъ привозитъ своимъ родственникамъ фески; вотъ и ему привезъ его братъ—это почетно носить“.

Въ кибитку вошелъ Джума-гали, онъ снялъ у дверей калоши, затѣмъ подсѣлъ къ кумысу. Со сѣдъ его зачерпнулъ ему чашкой кумысъ и подаль, дождался, пока онъ кончитъ,—и вотъ началась болтовня.

— „Какъ, Утэшъ-гали, живутъ у васъ: бываетъ-ли, что сынъ, женившись, остается при отцѣ“?—спросилъ я.

— „Прежде было такъ, а теперь мало—какъ сынъ женился, такъ и выдѣляетъ его отецъ, и онъ уже живетъ отдѣльно, а прежде бывало такъ, что и дѣдъ, и отецъ, и сынъ всѣ вмѣстѣ живутъ“.

— „А кто же тогда главный въ семьѣ“?

— „Всегда дѣдъ: онъ велѣтъ можетъ сыновьямъ, и наказать плетью, и невѣсту ему выбираетъ“.

— „Послѣ же его смерти главный—его старшій сынъ, а братья его младше и дядя подчиняются ему. Можетъ быть главой въ большой семьѣ и жена покойнаго — это по уваженію: если ее больше уважаютъ, чѣмъ сына, то она и главная“.

— „А если старшій сынъ малолѣтній“?

личество мяса и кумыса—ихъ охотно приглашаютъ на празднества, гдѣ они служатъ развлеченіемъ для гостей.

— „Такъ онъ все-таки глава, хотя дѣломъ распоряжается его мать“.

— „Ну, а скажите, Утэшь-гали,—жены въ большой семьѣ всѣ равныя—что жена отца, что жена сына“?

— „Нѣтъ, какъ можно, жена главы всегда выше всѣхъ, ей велѣтъ можетъ только ея мужъ, а то она дѣлаетъ, что хочетъ, и работаетъ, если хочетъ. Ну, а она можетъ приказать остальнымъ женамъ. Если теперь мать главная въ семьѣ, и сыновья хотятъ отдѣлиться, то младшій долженъ остаться съ ней и подчиняться ей“.

— „Главу семьи и послѣ смерти уважаютъ“?

— „Какъ же—о немъ никогда не говорятъ дурно, помнятъ его совѣты. — Тоже говорятъ, но говорятъ это необразованные киргизы, — что онъ посѣщаетъ семью въ пятницу“.

— „Вотъ вы, Утэшь-гали,—говорите: „киргизъ“, развѣ вы сами себя такъ называете“?

— „Нѣтъ, это называютъ насъ русскіе такъ, и откуда это пошло, мы не знаемъ, а сами себя мы называемъ кхазакъ“.

— „Казакъ“?

— „Да, кхазакъ“.

— „Какая же разница: вы казакъ и въ ставкѣ казакъ изъ Астрахани“.—Я имѣлъ въ виду Астраханскихъ казаковъ.

— „Нѣтъ, тотъ казакъ, а я кхазакъ“.

Я попросилъ повторить еще разъ.

— „Въ ставкѣ казакъ, а я кхазакъ“, — повторилъ онъ.

Тутъ мнѣ стало ясно „х“, выговариваемое лишь слегка послѣ „к“. Я десятки разъ въ послѣдствіи провѣрялъ это на другихъ киргизахъ, наконецъ просилъ постороннихъ прислушиваться внимательно къ выговору и пришелъ къ окончательному заключенію, что киргизы—Букеевцы называютъ себя „кхазакми“, а не казаками и еще менѣе кайсаками, какъ ихъ часто называютъ у насъ.

— „А что киргизы всѣ равны между собой“?

— „Всѣ равны, что богатый, что бѣдный“.

— „Нѣтъ, Утэшъ-гали, вѣдь у васъ есть султаны, такъ развѣ султаны не считаются выше“?

— „Нѣтъ, это все равно: прежде, когда ханъ былъ, то султаны ближе къ нему стояли, чѣмъ простые, ну, они и считались выше, а теперь все равно“.

Но въ послѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что слова Утэшъ-гали, въ данномъ случаѣ, лишь отчасти справедливы. Власть султановъ съ уничтоженіемъ ханства несомнѣнно пала, но въ народѣ все-таки сохранилось извѣстное уваженіе передъ султанами, такъ что они до сихъ поръ составляютъ до извѣстной степени аристократію, хотя тутъ и играетъ большую роль богатство. Объединеніе многихъ изъ султановъ повлекло за собой упадокъ ихъ вліянія, которое они имѣли раньше. Съ другой стороны дана теперь возможность возникновенію

денежной аристократіи, къ которой и принадлежалъ Утэшъ-гали. Само собою разумѣется, что такая новая аристократія старается умалить вліяніе султановъ. Но эти послѣдніе помнятъ и гордятся своимъ происхожденіемъ отъ хановъ *).

— „Мнѣ В. А. говорилъ“,—продолжалъ я,—„что ваша фамилія Атаньязовъ,—да развѣ у киргизовъ есть фамиліи“?

— „Это отъ русскихъ пошло и очень недавно: какъ у русскихъ по отцу говорятъ Николаевъ, такъ и у насъ. Вотъ мой отецъ Атаньязъ, а я Атаньязовъ. У вашего Джума-гали отецъ Бекмембетъ и его фамилія Бекмембетовъ, а отецъ его брата Утебай, его зовутъ Утебаевъ“ *).

*) Одинъ изъ арестантовъ, надъ которымъ я дѣлалъ въ тюрьмѣ антропологическія измѣренія, былъ султанъ. Не смотря на то, что онъ былъ бѣденъ и не смотря на свое положеніе, какъ арестанта, пользовался онъ благодаря своему происхожденію извѣстнымъ уваженіемъ со стороны другихъ киргизовъ, заключенныхъ вмѣстѣ съ нимъ.

*) Имя отца въ грамадномъ большинствѣ случаевъ сохраняется только какъ отчество, не переходя на внука: лишь въ самое послѣднее время начинаетъ оно получать значеніе фамиліи; это дѣлается у цивилизованныхъ киргизовъ. Такъ сынъ Утэшъ-гали не Утэшъ-галиевъ, но Атаньязовъ; сынъ султана Шигаева также Шигаевъ. У простыхъ же киргизовъ отчество не переходитъ на внука.—Такъ, какъ напр. Джума-гали, Бекмембетовыхъ можетъ быть нѣсколько въ степи, то узнавъ имя и отчество спрашиваютъ: „Кай ру?“ (какого рода?). (Сообщено мнѣ В. А. Плющевскимъ—Плющикомъ).

— „Скажите, Утэшъ-гали, вѣдь у киргизовъ есть роды, и каждый родъ носить свое названіе отъ родоначальника“?

— „Какже! Такъ, мой родъ Байбактынскій, — у насъ родоначальникъ Байбактэ. Мы здѣсь не всѣ, много изъ нашихъ есть за Ураломъ. Прежде имѣли роды у насъ значеніе, ну, а теперь уже не то, прежде, когда враждовали отдѣльные роды, тогда главы родовъ куначились. Приѣдетъ глава одного рода къ главѣ другаго и скажетъ: у меня есть сынъ малолѣтній, а у тебя дочь малолѣтняя, мой калымъ такой, — ну, сошлось если дѣло, то они и кунаки, и вражда прекращается“.

А то приѣдетъ глава одного рода къ другому, пьетъ у него кумысъ, даетъ ему подарки, самъ возьметъ—вотъ и кунаки“ **).

— „А кого избирали въ главы рода?“

— „Это по уваженію; къ нему ѣздили за совѣтомъ и такъ — на поклонъ, да и теперь это бываетъ, но мало“.

— „А можно было переходить изъ одного рода въ другой, или не бывало-ли, что исключали изъ своего рода за дурную жизнь“?

— „Переходить можно было, но родъ могъ перебѣжчика требовать назадъ, а исключать — у насъ никогда не исключали“.

**) Въ Средней Азіи, сколько мнѣ извѣстно, у киргизовъ слово „кунакъ“ не употребляется, а говорится „тамыръ“ — это слово я не встрѣчалъ въ Букеевской ордѣ.

Зная, что киргизы, какъ кочевой народъ, гостеприимны, я спросилъ Утэшъ-гали, желая узнать его мнѣніе, правда-ли это.

— „Да, но прежде больше было, чѣмъ теперь. Прежде вражда была, и то гостеприимства больше было. Если кто приходилъ къ враждебному роду, то и тогда принимали его, угощали и провожали до его рода, чтобы его никто не могъ тронуть, но уже тогда они дѣлались кунаками. У насъ въ прежнее время дѣлалось такъ: если кто послѣ баранты *) бѣжалъ отъ преслѣдователей и укрывался въ аулъ того рода, гдѣ онъ укралъ, то его всегда принимали. Если теперь преслѣдователи приходили къ хозяину и говорили: „мы знаемъ, что нашъ врагъ здѣсь, отдай намъ его“. „Нѣтъ, не отдамъ“—„но вѣдь онъ чужаго рода, а ты нашего“. „Все равно, онъ мой гость, и я его не отдамъ“. И если на аулъ нападали, то хозяинъ оружіемъ защищалъ своего гостя противъ своего же ро-

*) Набѣги на сосѣдей (принадлежащихъ другому роду) съ цѣлью грабежа—считались въ старину не разбоемъ, но молодецествомъ. Въ послѣдствіи въ Средней Азійи они приняли грандіозный размѣръ и производились съ цѣлью обогащенія. Эти баранты, а также вѣчные споры о престолонаслѣдіи въ прошломъ столѣтіи окончательно ослабили киргизскую орду и облегчили намъ распространеніе своего вліянія на киргизовъ. Баранта (по словамъ Ибрагимова — о киргизскомъ судѣ) служила также средствомъ заставить отвѣтчика, въ случаѣ его неявки, явиться на судъ, послѣ чего возвращалось ему отбитое у него во время баранты имущество.

да. Ну, а если преслѣдователи украдутъ лошадь гостя и уѣдутъ, тогда хозяинъ долженъ ему свою отдать, но лишь тогда, если гость отдавалъ свою лошадь самому хозяину и говорилъ: возьми мою лошадь, я тебѣ ее вѣрю“...

Я замѣтилъ, что Утэшъ-гали началъ утомляться моими вопросами, такъ какъ киргизъ неспособенъ вести продолжительный, серьезный разговоръ.

— „Вы устали, Утэшъ-гали, прогуляйтесь немного, да вы мнѣ еще не показали весь вашъ аулъ“.

— „Пойдемте я вамъ покажу свой огородъ и плотину“.

Утэшъ-гали гордился своей плотинной и огоро- домъ.

Что касается плотинъ, то эта мѣра введена правительствомъ въ степи (но къ сожалѣнію плохо поддерживается) для удержанія весенней воды на все лѣтнее время. Для этого пользуются рельефомъ самой степи. Плоская степь не представляетъ вполнѣ ровную поверхность, но изгибается могучими волнами; кромѣ того, по степи разбросаны балки, о которыхъ говорилось еще выше. Если провести плотину поперекъ такой балки, то весенняя вода, стекающая въ балку, будетъ удерживаться плотинной; этимъ достигается, что большое количество воды концентрируется на мѣстѣ, имѣющемъ малую поверхность испаренія, чѣмъ она и удерживается нерѣдко на цѣлое лѣто. Устройство такой плотины при полномъ отсутствіи камня

и дерева въ степи стоитъ не малыхъ хлопотъ и расходовъ—тѣмъ большей является заслуга Утэшъ-гали, что онъ, не жалѣя труда, не взирая на неоднократный неуспѣхъ, настоялъ на своемъ. Присутствіе воды дало возможность Утэшъ-гали завести у себя маленькій огородикъ. Явленіе крайне рѣдкое, почти единичное въ Букеевской степи. Киргизъ Букеевской орды, сдѣлавшись до извѣстной степени осѣдлымъ, не занялся ни хлѣбопашествомъ, ни огородничествомъ. Характеръ ли это его или неблагоприятность почвы и отсутствіе воды,—какъ бы то ни было, киргизъ не занялся хлѣбопашествомъ, а, оставшись, за исключеніемъ не многихъ, пастухомъ, бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше, и вотъ мы видимъ, что тысячи киргизовъ, потерявшихъ своего послѣдняго барана, идутъ въ отхожіи промыслы на Баскунчакское озеро, чтобы тамъ, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, живя въ землянкахъ, подвергаясь полной и безжалостной эксплуатаціи солепромышленниковъ, за грошевую плату исполнять, быть можетъ, одну изъ самыхъ трудныхъ работъ въ мірѣ.

.
Утэшъ-гали позвалъ съ собою татарина, сидѣвшаго въ кибиткѣ за кумысомъ. Мы вышли изъ кибитки на дворъ аула.

Между тѣмъ, какъ въ средней Азіи у киргизовъ подъ ауломъ подразумѣваютъ нѣсколько кибитокъ,—въ Букеевской степи уже двѣ, даже одна кибитка

можетъ называться ауломъ. Въ Букеевской ордѣ, гдѣ почва бѣдна и не даетъ достаточнаго количества сѣна, киргизы лишены возможности жить большими группами *). Кромѣ того, сдѣлавшись полуоседлыми, почти совсѣмъ не кочуя даже лѣтомъ, лишень киргизъ возможности жить большими аулами *).

Ауль Утэшъ-гали представлялъ нѣчто совершенно своеобразное. Онъ, какъ „цивилизованный“ киргизъ, въ кибиткѣ не жилъ, а выстроилъ себѣ глиняный домъ **), съ нѣсколькими пристройками, поставилъ тутъ же вышеописанную кибитку и обнесъ все это глинянымъ заборомъ—и все это также называлось ауломъ.

— „Мы сначала пойдѣмъ на плотину,—она здѣсь не далеко“,—сказалъ Утэшъ-гали.

*) Гёбель (бывшій въ Букеевской степи въ 1834 г.) засталъ еще киргизовъ, живущихъ большими обществами (аулами), хотя онъ же упоминаетъ, что многіе живутъ и небольшими группами: по двѣ и по одной кибиткѣ.

*) См. рисунокъ.

**) Изъ необожженаго кирпича, который называется „воздушнымъ“. Изъ этого „воздушнаго“ кирпича строятся не только дома въ Ставкѣ и, какъ мы увидимъ потомъ, въ Казанкѣ, но и всѣ киргизскія зимовки („кустау“); также и могильныя памятники выстроены изъ этого кирпича, который не обжигается, а просто сушится на солнцѣ. Въ Казанкѣ строятся дома также изъ камыша, т. е. кладутся связки сухаго камыша какъ бревны нашихъ избъ, затѣмъ снаружи и внутри обмазываются глиной—такіе дома (конечно, не высокіе) отличаются сухостью, а зимою тепломъ.

Дѣйствительно, мы прошли не болѣе двухсотъ саженой, какъ уже очутились на плотинѣ. Тутъ сталъ Утэшъ-гали рассказывать о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему приходилось пріодолѣвать при сооруженіи этой плотины и передавать свои планы на будущее время. Татаринъ, обладавшій, очевидно, веселымъ характеромъ, постоянно шутилъ и смѣялся.

— „Развѣ онъ говорить по киргизски“?—спросилъ я.

— „Нѣтъ, наши языки очень похожи—онъ говорить по татарски, и я его понимаю, хотя говорить самъ не могу, а отвѣчаю ему по киргизски, и онъ меня понимаетъ“.

Мы пошли на огородъ: передъ нами развернулась степь во всю ширь; серебристымъ блескомъ отсвѣчивала она; въ воздухѣ пахло полынью. Что-то могучее, что-то великое есть въ этой однообразной простотѣ.

— „Вотъ степь, что-то въ ней есть, или я киргизъ“,—сказалъ Утэшъ-гали, — „поѣдешь въ Ставку, у меня тамъ и домъ хорошій, а все не то, такъ и тянетъ, такъ и тянетъ въ степь, а пріѣдешь сюда: такъ легко, такъ хорошо—словно помолодѣешь“.

На огородѣ Утэшъ-гали оказался вполнѣ профаномъ: на каждомъ шагу дѣлалъ ему татаринъ, знатокъ огородничества, — замѣчанія и давалъ совѣты. Онъ показывалъ, что тутъ нужно подрѣзать, тамъ приподнять вѣтку, а здѣсь подрыть углубле-

не—все это вывело наконецъ Утэшъ-гали изъ терпѣнія.

— „Фу, Господи“,—воскликнулъ онъ уже по русски, обращаясь ко мнѣ,—„нѣтъ, видно намъ, киргизамъ, цѣлый вѣкъ у татаръ учиться—вотъ народъ: и съ татаринѡмъ смерть, и безъ татарина смерть“.

И дѣйствительно, татары, познакомившись съ цивилизаціею уже давно, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше стоятъ киргизовъ. Киргизъ для татарина, какъ я уже сказалъ, деревенщина. При томъ татаринъ человѣкъ торговый—уже давно раскинулъ онъ въ степныхъ центрахъ: въ Ставкѣ, Казанкѣ и Баскунчакѣ свои лавочки; уже давно мало по малу затягиваетъ онъ киргиза въ свои лапы. Татаринъ для киргиза авторитетъ; цивилизующійся киргизъ сбрасываетъ свой киргизскій (бухарскій) халатъ и надѣваетъ татарскій; цивилизованный киргизъ, надѣвъ чистый халатъ, идетъ вмѣстѣ съ татаринѡмъ на вечернюю молитву въ мечеть. И высшая мечта киргиза не обрусѣть, а отатариться....

Мы уже подходили къ кибиткѣ, когда въ полверстѣ отъ аула показались два всадника. Степной воздухъ, какъ было уже сказано нѣсколько выше, увеличиваетъ и искажаетъ всѣ предметы: оттого и всадники казались какими-то чудовищами, подвигающимися съ непреодолимой настойчивостью на насъ.

— „Это вашъ товарищъ съ киргизомъ“,—сказаль Утэшъ-гали.

Солнце уже садилось, когда Утэшъ-гали позваль насъ обѣдать.

— „Закусить прошу, господа, ко мнѣ въ домъ— безъ обѣда я васъ не пущу“,—сказаль онъ, любезно провожая насъ къ себѣ.

IV.

Муратсай. Малая Богдо.

Дорога.—Оазись.—Искусственный бассейнъ въ степи.—Балка.—Мнимая опасность.—Киргизъ-зоологъ. Молитва киргиза.—Ночь въ степи.—Тревога въ степи.—Горькая рѣчка.—„Овражекъ“. — Въ степи. — Наши проводники. — Встрѣча. — Скорпионъ и тарантуль.—Сказанія калмыковъ и киргизовъ о горѣ, большая Богдо. — Шайтанъ. — Ночь.—Утро.—Гора въ степи.—Большая змѣя.—Могила киргиза.—Отъѣздъ.

Уже давно нами было, въ принципѣ, рѣшено ѣхать на Муратсай.

— „Тамъ вы многое найдете“,—говорилъ неоднократно В. А.—„тамъ вода, тамъ и растительность богатая, а, впрочемъ, не знаю—я былъ тамъ весной, а вѣдь, знаете, у насъ лѣтомъ пересыхаетъ все—быть можетъ, и тамъ тоже самое. Можетъ быть, и я еще съ вами соберусь—дайте только управиться съ дѣлами“.

Я искренно желалъ, чтобы В. А. ѣхалъ съ нами: до того мы привыкли видѣть его участникомъ нашихъ поѣздокъ, что отсутствіе его было бы очень замѣтно.

Былъ прекрасный іюньскій день. Наканунѣ сто-

ворились мы касательно лошадей: должна была быть готова хорошая тройка рано утромъ.

Бубенцы уже позвякивали, когда мы утромъ вышли изъ своей комнаты.—Ямщикъ Алѣха, мальчикъ лѣтъ 16-ти, помахиваль кнутомъ и дразнилъ собравшихся татарскихъ и киргизскихъ мальчишекъ.

Пришелъ В. А.—онъ былъ въ дорожномъ костюмѣ: въ болотныхъ сапогахъ, въ легкомъ сюртукѣ, опоясанный ремнемъ, съ ружьемъ на спинѣ.

— „Готовы, господа“? — спросилъ онъ, — „такъ поѣдемте..... вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы ѣхаль съ нами Агедиль, сядетъ онъ съ ямщикомъ, мѣшать не будетъ, а все-таки лишнія двѣ руки, кстати онъ съ ружьемъ“.

— „Все ли ты взялъ, Агедиль?... ну, пошелъ, Алѣха“!

Тройка завернула за уголъ, и мы поѣхали по „главной“ улицѣ. Началась тяжелая дорога; повозка глубоко бороздила песокъ и тихо, какъ-бы переваливаясь изъ стороны въ сторону, двигалась впередъ.

Алѣха, заломивши картузь на затылокъ, сидѣлъ сгорбившись на облучкѣ и для ободренія лошадей помахиваль кнутикомъ. Рядомъ съ нимъ Агедиль -- его ровесникъ и старый знакомый—въ бараньей шапкѣ, надѣтой на бокъ, въ изорванной курткѣ. съ ружьемъ на спинѣ.

Мы поѣхали молча, лишь изрѣдка Агедиль и

Алеха подталкивали локтями другъ-друга въ бокъ и хихикали. Они, очевидно, неоднократно тузили другъ-друга въ Ставкѣ, и вотъ теперь суждено имъ сидѣть рядомъ, сохраняя серьезный и дѣловой видъ

Кончились пески—оставалось еще 35 верстъ: надо было беречь лошадей, и мы ѣхали умѣренной рысью. Тянулась однообразная степь; все казалось, какъ будто ей конца не будетъ, что намъ надо ѣхать неизмѣримо далеко. Глазъ, привыкшій къ миражамъ, не развлекался ихъ появленіемъ; вѣки закрывались невольно, чувствовалась непреодолимая дремота. Жестокое солнце уже давно безжалостно обжигало степь; и безъ того скудная растительность казалась еще скуднѣе:—казалась вполне отмершей; лишь низкорослая полынь, торча метелками, прикрывала голую почву. Тутъ и тамъ мелькали ящерицы, опрометью бросались въ свои норы суслики и носились орлы. Безмолвно, жарко, однообразно и мертво.

Быть можетъ, оставалось еще верстъ 15-ть, когда мы поравнялись съ лужайкой. Среди общаго однообразія она оживляла взоръ: темная зелень, желтые, красные и фіолетовые цвѣты придавали ей среди монотонной равнины видъ роскошнаго и сочнаго луга.

— „Стой, Алеха!“....

Мы слѣзли и стали бродить съ сачками по лугу. Цѣлые стаи кузнечиковъ бросались отъ насъ въ

сторону, обнаруживая при полетѣ то красныя, то малиновыя, то голубыя подкрылья. Жуки, бабочки и разноцвѣтные паучки приютились тутъ—цѣлый міръ маленькихъ существъ, живущихъ и умирающихъ на этомъ клочкѣ съ богатой растительностію. Быть можетъ, нѣкогда и даже не очень давно, растенія эти заполняли и всю степь, но засуха, палящее солнце неблагоприятствовали имъ; борьба была слишкомъ тяжела съ выносливой и неприхотливой полынью; цвѣты отцвѣтены и господствуетъ нынѣ полынь. Лишь клочекъ въ 10—15 квадратныхъ саженой, содержащихъ нужную влагу, удѣленъ имъ. Тутъ цвѣтятся все, тутъ каждый вершекъ дорогъ. Но, пройдутъ года, и тутъ источникъ изсякнетъ, пропадутъ цвѣты, погибнутъ травы, а за ними вымрутъ и жуки, и кузнечики и паучки—и лишь немногіе, крѣпкіе въ полетѣ, отыщутъ подходящее мѣсто для себя и своего потомства; надвинется полынь, и стерть будетъ съ лица земли крохотный, но чудный оазисъ

— „Баринъ надо“?—окликнулъ меня Агедиль.

Я оглянулся—онъ держалъ гадюку, крѣпко стиснувъ ей шею двумя пальцами—его лицо сіяло, глаза шурились, и онъ не могъ скрыть своего торжества, что съумѣлъ словить руками „черную джилянъ“ *).

Дѣйствительно, гадюкъ было много; онъ то и

*) Джилянъ значитъ змѣя.

дѣло показывались безъ звука въ травѣ, высматривая себѣ добычу.

Эта маленькая экскурсія на лугу оживила насъ всѣхъ, и, когда мы сѣли вновь въ повозку, начался разговоръ: дремоты словно не бывало—мы ждали Муратсая.

Но вотъ и онъ; уже издали синѣетъ вода, уже издали видны стаи птицъ и сочный камышъ....

— Полверсты не доходя до самаго бассейна, мы остановились у кибитки. Мы раздѣлились: В. А. съ моимъ товарищемъ должны были идти по одной сторонѣ бассейна, я съ киргизомъ по другой, а Агедиль пошелъ въ противоположную отъ плотины сторону. Черезъ 3 часа сговорились мы сойтись опять у кибитки пить чай.

Полдень уже минулъ. Наступило самое жаркое время дня. Я взялъ съ собою киргиза и подошелъ къ плотинѣ. Громадная масса воды—озеро съ многочисленными отрогами, все держалось плотинной.

Плотина эта казенная, ею достигнуто то въ большихъ размѣрахъ, что пытался устроить у себя Утэшъ-гали въ миниатюрѣ. Тутъ огромная балка; она довольно глубока, неоднократно вѣтвится. Плоскость степи наклоняется отлогими склонами къ этой балкѣ, и снѣговая и дождевая вода стекаетъ въ нее. Плотина, проведенная поперекъ оврага, удерживаетъ всю воду, уровень которой, не смотря на сильное испареніе, лѣтомъ, благо-

даря источникамъ, падаетъ лишь незначительно. Весь бассейнъ, образуемый такимъ образомъ, имѣетъ нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности, но лишь узкая полоса степи дѣйствительно пользуется влагой: только сажени на двѣ или на три отъ берегавстрѣчаешь богатую растительность; все остальное—все та-же сухая, бесплодная степь.

Вода не прозрачная, водяныхъ растений никакихъ; лишь темно-зеленая и синеватая водоросль плаваютъ пятнами. Я направился вдоль одного изъ отроговъ бассейна съ киргизомъ, которому я далъ также сѣтку.

Берега были не особенно высоки, но довольно круты. Я шелъ по обрыву; высокая трава, разнообразныя и разноцвѣтныя цвѣты и тутъ же большое количество прѣсной воды—были такъ оригинальны для Букеевской степи, что минутами невольно забывалось, гдѣ собственно находишься.

Идущій рядомъ со мною киргизъ искоса поглядывалъ на меня и старался подражать мнѣ, помахивая сачкомъ по травѣ, но дѣлалъ онъ это такъ неумѣло, что въ его сачекъ почти ничего не попадало. Коль скоро я останавливался, чтобы разобратъ ловъ, онъ считалъ своимъ долгомъ также остановиться, но при этомъ всегда садился на корточки.

Киргизъ, будучи хорошимъ наѣздникомъ, вообще плохой ходокъ. Особенно же трудно ему стоять. Онъ, если только возможно, даже если дѣло идетъ

о нѣсколькихъ минутахъ, присаживается на корточки — такъ и мой спутникъ. Мнѣ невольно дѣлалось смѣшно, и я съ трудомъ удерживалъ улыбку.

Время отъ времени останавливался я надъ водой, чтобы посмотрѣть на ея населеніе, но вода казалась безжизненной: лишь изрѣдка показывался плавунецъ *), но, завидя опасность, при видѣ сачка, онъ опускался стремглавъ въ глубь, пуская изо всѣхъ силъ въ ходъ свои веслообразныя ножки. Въ одномъ изъ заливчиковъ среди тиши нашель я массу рачковъ, ими такъ и кишала вода.....

Мы прошли уже нѣсколько верстъ, но все еще не было конца отрога. Было очень жарко. Наконецъ, отрогъ сталъ замѣтно для глаза суживаться, воды было не болѣе, какъ на полъаршина, и поверхность ея была покрыта сплошь бурыми и зелеными водорослями. Ежеминутно подымались разнообразныя кулики—изрѣдка показывались утки. Наконецъ, началось топкое болото съ характерными признаками солончаковой почвы—потянулась свободная отъ воды неглубокая балка. Показались двѣ, три коровы; увидавъ насъ, онѣ вытянули свои шеи и оглядывали насъ своимъ тупымъ взглядомъ.

Мы перешли балку и пошли по противоположной сторонѣ отрога бассейна, не спускаясь къ водѣ.

Началась пересохшая глинистая степь; я уже

*) Большой водяной жукъ.

потерялъ надежду встрѣтить что-нибудь новое, какъ подъ моими ногами съ быстротою молніи промчалась ящерица: маленькая, сѣраго цвѣта, съ бѣлыми пятнами: такой я еще ни разу не видалъ. Мой киргизъ также оживился, и мы принялись за преслѣдованіе; я уже накрылъ ее ладонью и былъ готовъ схватить ее пинцетомъ, какъ изъ подъ моей руки быстро выползла гадюка. Я инстинктивно отнялъ свою руку, но упустилъ ящерицу, которая, раза два вильнувъ хвостомъ, исчезла въ норкѣ. Свою злобу хотѣлъ я выместить на гадюкѣ, бросивъ ее въ воду; я уже схватилъ ее пинцетомъ, какъ замѣтилъ, что это не гадюка, а безвредный сѣрый ужъ, поразительно похожій при бѣгломъ взглядѣ на гадюку*).

Не мало обрадовался я своей находкѣ, — потому что это былъ первый (и между прочимъ, какъ оказалось впоследствии, мой единственный) экземпляръ этой змѣи.....

Я спросилъ своего киргиза, можно ли обойти весь бассейнъ. Онъ пояснилъ мнѣ ломаннымъ русскимъ языкомъ, что остается еще версть 25-ть, что лучше возвратиться старымъ путемъ.....

Когда я подошелъ къ нашей кибиткѣ, то мои спутники еще не возвращались, и Алеха сказалъ, что сначала слышались выстрѣлы, а теперь уже прекратились.

*) Степной ужъ—*Coluder quadrilineatus* Pall.

„Они, должно быть, далеко ушли, или скорѣе назадъ идутъ“.

Между тѣмъ, было уже поздно, и солнце, близкое отъ горизонта, теряло свою жгучесть.

Я спросилъ: не видалъ ли онъ Агедила, не возвращался ли онъ къ кибиткѣ?

„Во-вонъ онъ“,—сказалъ рядомъ стоящій киргизъ, указывая въ пространство.

Но я ничего не могъ различить. Киргизъ снялъ свою шапку и сталъ ею махать.

„Онъ назадъ идетъ“,—сказалъ онъ, немного погодя. Но я рѣшительно ничего не могъ разобрать.

Я направился къ плотинѣ и спустился въ балку. Тутъ было очень сыро: помимо воды, вытекающей изъ подъ плотины, была здѣсь еще масса источниковъ. Высокій, выше человѣческаго роста, камышь росъ повсюду и прикрывалъ топкую почву.

Наконецъ, вдали я увидалъ человѣческую фигуру—это былъ Агедиль. Съ ружьемъ за плечемъ побѣждалъ онъ ко мнѣ на встрѣчу. Въ правой и лѣвой рукѣ держалъ онъ по орлу—они были лишь подстрѣлены и бились крыльями.

„Вотъ баринъ, крѣпкая птица: два раза стрѣлялъ, а все жить хочетъ. Вотъ этотъ большой, а другой еще совсѣмъ цыпленокъ“,—сказалъ онъ, подавая мнѣ молодаго орла. Я ему замѣтилъ, что молодой орелъ не цыпленокъ, а орленокъ.

„Нѣтъ, баринъ“,—отвѣтилъ онъ мнѣ—„у насъ

такъ не говорятъ, это у васъ такъ, а у насъ всегда цыпленокъ“.

„А еще что у тебя есть?“—спросилъ я.

Агедиль сталъ мнѣ показывать насѣкомыхъ.

„Вотъ муха большой, а вотъ тарань; какое брюхо—съ иглами“,—сказалъ онъ, подавая мнѣ большаго и красиваго паука,“ а это хорошъ былъ бы жукъ, только defect—ноги нѣтъ“,—съ гордостію добавилъ онъ, желая показать свои знанія латинскихъ терминовъ по энтомологіи.

Агедиль направился съ орлами къ кибиткѣ, а я вернулся къ плотинѣ.....

Когда я поднялся изъ балки, то солнце было уже на закатѣ. У самой плотины стоялъ киргизъ—хозяинъ кибитки, въ которой мы остановились. Онъ вынулъ изъ кармана ситцевый платокъ, развернулъ его на землѣ и, сѣвши на немъ на пятки, сталъ молиться на заходящее солнце.

Набожно сложенные руки, опущенная голова, загорѣлое лицо, освѣщаемое послѣдними лучами заходящаго солнца, а вокругъ гладкая тихая степь, зеркальная поверхность воды, безъ малѣйшаго вѣтра, безъ малѣйшаго нарушенія тишины—все это просилось на картину, исполненную кистью талантливаго художника.

Киргизъ этотъ былъ изъ тѣхъ, которые подъ влияніемъ татаръ сдѣлались религіозными. Но какъ мало киргизъ—магометанинъ, видно изъ того, что даже этотъ, на половину отатарившійся, творилъ

свою молитву на западъ, а не на востокъ. Окончивъ молитву, подошелъ онъ ко мнѣ.

— „Теперь, пожалуй, скоро придутъ“, — сказалъ онъ про моихъ спутниковъ.

Я сдѣлалъ три быстрыхъ выстрѣла изъ револьвера и сейчасъ же получилъ такой же отвѣтъ, а минуты черезъ три показались изъ за бугра В. А. и мой товарищъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ мы уже сидѣли у кибитки и пили чай

Наступилъ уже вечеръ—загорѣлся на небѣ лучезарный Сатурнъ, блеснули еще двѣ, три звѣзды, а разставаться не хотѣлось съ мѣстомъ отдыха: кругомъ было такъ тихо, такъ хорошо, такъ мирно—такая ширь и такой просторъ! Ставка казалась далеко непривлекательной съ своими песками, съ узкими интересами жителей глухой провинціи.

.

Всѣмъ намъ было жалко покинуть кибитку; мы невольно нѣжились на кошмахъ, радуясь прохладѣ послѣ жгучаго дня.

Загорѣлое лицо хозяина кибитки казалось при тускломъ свѣтѣ костра почти чернымъ. Онъ былъ уже старикъ, но отсутствіе сѣдыхъ волосъ, его здоровое и свѣжее лицо придавали ему видъ 40-лѣтняго мужчины.

— „Сколько тебѣ лѣтъ?“—спросилъ я его.

— „Пять Итъ“ (собака), — отвѣтилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

Я невольно переспросилъ его, думая, что онъ меня не понялъ, хотя онъ не дурно говорилъ по русски, но получилъ тотъ же отвѣтъ.

— „У насъ, баринъ“,—продолжалъ онъ—„каждый годъ имѣеть свое названіе и такихъ годовъ 12-ть. Теперешній годъ у насъ называется Донгузъ (сова), будущій годъ будетъ Тшканъ (мышь), а прошлый былъ Итъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ былъ также Итъ (въ 1862 г.), еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ былъ также Итъ (въ 1840). Такъ вотъ мнѣ пять Итъ *).

— „А какой первый мѣсяць въ году у киргизовъ“?

— „Наурузъ“ **)—отвѣтилъ хозяинъ

Наступила ночь; узкій серпъ первой четверти мѣсяца клонился къ горизонту, проливая слабый, но пріятный и равномерный свѣтъ на всю степь. Нашъ киргизъ замолчалъ. Не смотря на поздній часъ, его не клонило ко сну—онъ былъ радъ, что можетъ поболтать часочекъ—другой о томъ и о семь. Въ сторонѣ сидѣла его жена—она старалась унять проснувшася и расплакавшася груднаго ребенка—ея внука. Въ сторонѣ ворочались подъ одѣяломъ двое дѣтей.

* * *

*) Ему, слѣдовательно, былъ 62-й годъ.

**) Мартъ.

...Хотя гора Малая Богдо и лежитъ отъ Ставки не далѣе 50-ти верстъ, но собраться туда было не легко. Киргизскихъ кибитокъ непосредственно у горы нѣтъ, слѣдовательно, надо было напередъ послать киргиза къ мѣстному старшинѣ, чтобы дать знать о прїѣздѣ. Старшина долженъ созвать киргизовъ, объяснить имъ, что, дескать, прїѣдутъ, сговориться, кому везти кибитку, гдѣ ее поставить, кому привести лошадей и т. д.—цѣлый рядъ вопросовъ возникалъ среди степи, однимъ словомъ, какъ говорится у насъ, „цѣлая коммиссія“.

Дѣлать все-таки было нечего—на Богдо мы должны были быть въ виду оригинальности мѣстности, въ виду того интереса, который она представляетъ въ геологическомъ, а слѣдовательно и въ зоологическомъ отношеніи.

Намъ, натуралистамъ, бѣда—какъ чуть подальше: пошли стклянки, банки, спиртъ, сѣтки—цѣлый возъ. Ъхать верхомъ было нельзя; надо было невольно примириться съ тройкой.

Наконецъ, все готово: вещи уложены, тройка побрякиваетъ бубенцами, на козлахъ лихо сидитъ нашъ ямщикъ Алеха.

— „Садись, Джума-гали!“ — Джума-гали сѣлъ, слегка конфузясь и подбирая халатъ, рядомъ съ ямщикомъ; сидимъ и мы съ товарищемъ.

— „Счастливаго пути, желаю хорошаго успѣха“, — крикнулъ на прощанье В. А.

Шесть утомительныхъ и для лошадей и для пу-

тешественниковъ версть черезъ пески уже кончились, и вотъ — вскачь по ровной гладкой степи.

25-ть версть должны мы были проѣхать до станціи „Горькая рѣчка“ по Владимірскому тракту, а затѣмъ еще 25-ть въ сторону на малую Богдо. Станція названа именемъ той горько-соленой рѣчки, которая протекаетъ верстахъ въ трехъ отъ нея.

— „Алѣха, у рѣчки остановись“!

— „Остановимся, остановимся“.

Горькая рѣчка не шире двухъ саженой, но ея яристые берега и тихое плавное теченіе придають ей видъ многоводной. Ея темно-синій цвѣтъ какъ то особенно бросается въ глаза. По ея поверхности бѣгала масса вертячекъ и водомѣровъ *), а съ теченіемъ неслись, помахивая хвостикомъ, личинки мухъ. Вода сильно горько-соленая.

— „А что, Алѣха, лошади воду эту пьютъ“?

— „Зачѣмъ имъ пить, въ трехъ верстахъ станція; тамъ колодецъ съ хорошей водой есть“.

На станціи лошадей не задержали: мигомъ была готова новая тройка, и Алѣха смѣнился ямщикомъ Иваномъ.

— „Ты, Иванъ, дорогу знаешь“?

— „Бывать не доводилось на горѣ; — знаю, что влѣво надо, да гору то мы авось не проглядимъ“.

*) Клопы съ удлиненнымъ тѣломъ и длинными тонкими ногами, (бѣгающіе по поверхности) воды называемые у насъ обыкновенно водяными пауками.

— „А ты, Джума-Гали, бывалъ на Богдо“?

— „Нѣтъ, братъ мой бывалъ; онъ и на большой Богдо бывалъ; надо ѣхать налѣво“.

Итакъ, мы поѣхали на авось, надѣясь встрѣтить скоро кибитку, откуда и взять, проводника.

Проѣхавши съ версту, намъ пришлось спуститься въ пологій овражекъ (балку), на днѣ котораго были топкія грязи. Такія мѣста встрѣчаются часто въ киргизской степи. Горько-соленая грязь обладаетъ цѣлительнымъ свойствомъ.

— „Вѣрно ли ты ѣдешь, Иванъ“?

— „Нѣтъ, вѣрно, такъ овражекъ и долженъ быть, — говорили мнѣ, — а черезъ версту будетъ еще оврагъ, поглубже этого — какъ бы чего не сломать“. Дѣйствительно, черезъ версту намъ вторично пересѣкла дорогу балка. Спускъ былъ довольно крутъ — опять та-же грязь, опять соленая вода, поросшая камышемъ.

„Трр... трр... трр...“, — приговаривалъ Иванъ, придерживая тройку. Но свѣжія, еще не уставшія лошади, слушались плохо, — онѣ рванули въ бокъ, — повозка перекосилась. Иванъ, чувствуя на себѣ всю важность этого критическаго момента, ударилъ кнутомъ лошадей; онѣ рванули впередъ, насъ обдало съ ногъ до головы черною грязью, и мигомъ мы уже были на противоположной сторонѣ балки.

— „Теперь дорога пойдетъ гладкая“, — сказалъ Иванъ

Прошло, быть можетъ, часа три — совершенно стемнѣло, а кибитки, какъ на зло, не встрѣчалось. Дороги не было никакой; усталость давала себя сильно знать; между прочимъ горы не было видно, и мы, несомнѣнно, взяли не въ ту сторону. — Мы продолжали путь.

Вдругъ слышались конскій топотъ и голоса, а вслѣдъ затѣмъ показались двѣ фигуры киргизовъ на лошадахъ. Джума-гали перекинулся съ ними нѣсколькими словами, помолчалъ, спросилъ еще что то и, повернувшись къ намъ, сказалъ:

— „Баринъ, они говорятъ, что мы поѣхали не туда, что надо взять вправо, — тамъ будетъ кибитка, гдѣ насъ знаютъ и ждутъ, чтобы проводить на Богдо“.

Мы поѣхали въ указанномъ направленіи. Верховые киргизы — вдругъ закричали, зашумѣли и поскакали впередъ. Они были очень рады, что, пріѣхавши нѣсколькими минутами раньше насъ, имъ удастся поболтать съ своими братьями о нашемъ пріѣздѣ: это будетъ поводомъ долгаго чаепитія и бодрствованія ночью. Киргизъ, любящій болтать, охотникъ до новостей — готовъ просидѣть всю ночь, только чтобы прослушать или поразсказать новости.

Проѣхавши съ версту, мы увидали огонь костра и еле-освѣщаемую имъ кибитку.

Въ ней, дѣйствительно, насъ ждали; мы еще не успѣли подъѣхать къ ней, какъ навстрѣчу намъ подскакали киргизы, стали кричать и болтать, что

то съ жаромъ объясняя и, какъ будто, поторапливая нашего ямщика и Джума-гали.

Киргизъ всегда таковъ: тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ, тамъ, гдѣ есть новости, онъ всегда готовъ: шумъ, гамъ, какъ будто имѣются нетерпящія отлагательства дѣла. Коль скоро же есть дѣло, то у всѣхъ лица вытягиваются, принимаютъ апатичный видъ. Если эти черты можно считать характерными чертами восточнаго человѣка, то у киргиза онѣ проявляются, быть можетъ, съ большей рѣзкостью, чѣмъ гдѣ либо.

Мы остановились у кибитки, чтобы киргизамъ дать напитокъ кумысу.

Кибитка была не изъ богатыхъ: закоптѣвшія кошмы, освѣщенные костромъ, отсвѣчивали пурпуровымъ цвѣтомъ. У самага костра сидѣла киргизка съ груднымъ ребенкомъ; она широко раскрыла глаза и, какъ будто на время забывъ о своемъ ребенкѣ, смотрѣла съ удивленіемъ на насъ.....

Мы двинулись дальше: справа и слѣва скакали киргизы; ихъ разорванные халаты, смуглыя лица, плотно надвинутыя шапки, — все это придавало имъ какой то разбойническій видъ — тѣмъ страннѣе казались ихъ проводы, тѣмъ оригинальнѣе нашъ поѣздъ.

Но вотъ и гора Богдо. Усѣченнымъ конусомъ подымалась она среди общей глади, и силуэтъ ея казался своеобразнымъ. На вершинѣ горы можно

было различить кибитку, освѣщенную рядомъ горящимъ костромъ.

У входа кибитки встрѣтилъ насъ старшина: онъ, молча, низко поклонился и подаль руку; рядомъ съ нимъ стоящій киргизъ послѣдовалъ его примѣру и добавилъ:

— „Тоже старшина—недалеко отсюда“.

Въ сторонѣ стояла кучка киргизовъ; всѣ въ нѣмомъ недоумѣннн широко раскрыли рты и съ видимымъ любопытствомъ оглядывали насъ съ ногъ до головы.

Мы вошли въ кибитку и сѣли на переднее мѣсто (противъ двери);— тутъ лежалъ шелковый тюфякъ и двѣ бархатныхъ подушки съ сѣделъ.

Какъ хорошо было послѣ нѣсколькихъ-часовой ѣзды протянуть свои затекшія ноги; какъ пріятно было отдаться полному отдыху!

Самоваръ, никогда не отсутствующій въ кибиткѣ букеевского киргиза, уже кипѣлъ.

Поодаль отъ насъ, вдоль стѣнъ кибитки, сѣли старшины, Джума-гали, еще нѣсколькихъ киргизовъ и ямщикъ Иванъ.

Кибитка освѣщалась двумя фонарями. Всѣ сидѣли безмолвно и пили чай. Я любовался картиной: шелковыя подушки бухарской работы, бѣлыя войлочные кошмы, загорѣлыя лица киргизовъ, ихъ чинныя манеры, тихая важность — востокъ...

— „Мы васъ ждали“, — сказалъ наконецъ старши-

на, умѣвший говорить по русски, какъ бы исполняя свой долгъ—и снова воцарилось молчаніе.

Вдругъ пробѣжалъ по кошмѣ скорпіонъ; онъ сію же минуту былъ схваченъ и брошенъ нами въ банку со спиртомъ.

Это неожиданное появленіе ядовитаго животнаго, и также неожиданно постигшая его участь до того поразили киргизовъ, что они всѣ разинули рты и, спустя нѣсколько мгновений, разсмѣялись дружнымъ хохотомъ; этотъ же эпизодъ уничтожилъ въ мигъ церемонность и важность,—всѣ стали весело болтать и, перебивая другъ-друга, рассказывать различные случаи укушенія.

— „У насъ ихъ здѣсь подъ камнями много“, — закончилъ одинъ.

Дѣйствительно, Малая Богдо было одно изъ немногочисленныхъ мѣстъ въ степи, гдѣ встрѣчались скорпіоны.

— „А вотъ, баринъ, былъ случай съ пастухомъ“, — началъ рассказывать старшина. — „Ихъ было два брата: младшій очень боялся тарановъ (тарантуловъ), и когда разъ они ложились спать въ степи, младшій говоритъ старшему: я спать на землю не лягу, а буду спать на лошади, а то меня таранъ укуситъ. Старшій сталъ смѣяться надъ нимъ и легъ на землю, а младшій остался на лошади и облокотился на длинную палку, чтобы не упасть во снѣ. Таранъ старшаго не тронулъ, а полѣзъ

по палкѣ и укусилъ въ лицо младшаго—онъ и умеръ“.*).

Желая узнать, какое сказаніе связываютъ киргизы съ горой, я спросилъ ихъ, не знаютъ ли они, какъ произошла гора Малая Богдо.

— „Не знаемъ, баринъ, а вотъ Большой Богдо, такъ тамъ, киргизы рассказываютъ, калмыкъ лежитъ“.

— „Какъ лежитъ“?

— „Жилъ здѣсь большой калмыкъ съ народомъ“, — сталъ рассказывать старшина, — „пришелъ большой и сильный киргизъ и говоритъ: отдай мнѣ землю, а самъ уходи.—А калмыкъ бросилъ въ него камень, тогда киргизъ разсердился и взялъ большой камень съ землей, бросилъ и завалилъ его; калмыкъ и умеръ—тамъ онъ и теперь лежитъ, а слезы его озеромъ стали“.

— „А вотъ калмыки другое рассказываютъ про Большое Богдо“, — замѣтилъ ямщикъ Иванъ.

Киргизы, удивленные, повернулись къ нему и ждали рассказа.

— „Что же они говорятъ“.

— „Они говорятъ, что ихъ богъ — онъ далеко жи-

*) Подобные рассказы приходилось мнѣ неоднократно слышать: частью касающіеся тарантуловъ, скорпіоновъ и тысяче-ножекъ, частью касающіеся змѣй, какъ въ губерніяхъ нашихъ, такъ и въ различныхъ мѣстахъ Закавказья. І. И. Желѣзновъ въ своихъ „Очеркахъ Уральскихъ Казаковъ—Уральцы“. (1888 г.) Т. I, стр. 106—сообщаетъ почти буквально тотъ же рассказъ.

веть—прислалъ имъ святую гору, но калмыки въ то время плохо жили: все ругались; богъ и велѣлъ тремъ старцамъ, которые были святые, унести гору назадъ. Вотъ понесли они гору, а чортъ—по ихнему-то онъ шайтанъ—послалъ за ними трехъ красавицъ; красавицы за ними идутъ и зовутъ, чтобы старцы оглянулись. Задніе два взяли, да оглянулись: ихъ гора и пришибла; а передній все идетъ и тащитъ гору, да и чувствуетъ: „что, дескать, такъ тяжело“?—взялъ да оглянулся: увидалъ красавицъ, и его гора пришибла—оттого гора такъ и растянулась: задній-то конецъ сразу рухнулъ, а передній-то вытянулся. Ну, а шайтану-то это на радость“. *)

*) Дѣйствительно, гора Большая Богдо падаетъ круто къ Баскунчакскому озеру и вытягивается въ противоположную сторону. Но это сказаніе не объясняетъ происхожденія Баскунчакскаго озера, близость котораго отъ горы должна бростаться въ глаза юному народу. Калмыки считаютъ гору Большую Богдо священной и называютъ ее Богдо-Ола (святая, великая гора), а также Арсланъ-Ола (львиная гора). По однимъ преданіямъ калмыковъ, создалъ ее Далай-Лама во время своего путешествія и завѣщалъ почитать ее. Въ ея ущельяхъ собираются калмыки, молятся и приносятъ жертвы. Восходить же на вершину горы считаютъ калмыки грѣхомъ. Такъ Гёбель (1834 г.) рассказываетъ, что никакіе доводы съ его стороны не могли побудить сопровождающаго его калмыка взойти съ нимъ на вершину. Калмыкъ говорилъ ему, что онъ ни за что не совершитъ этого грѣха и прибавилъ: „какъ можно, чтобы я ступилъ на своего бога“.

Гмелинь, посѣтившій гору Большую Богдо въ 1772 году,

При словѣ шайтанъ киргизы оживились.

— „Да, баринь, шайтанъ и теперь тамъ живеть— тамъ пещера есть; онъ тамъ и воеть, и никто не можетъ войти въ нее“.

Одинъ изъ немногихъ киргизовъ, которые были въ пещерѣ, былъ Агедиль во время поѣздки В. А. на Большую Богдо. Не малымъ уваженіемъ пользовался онъ за это свое посѣщеніе со стороны своихъ собратьевъ. Ему стоило большой борьбы спуститься въ пещеру: лишь неоднократныя убѣжденія В. А. побудили его сдѣлать это.

разсказываетъ слѣдующее преданіе калмыковъ про гору. Гора эта, по словамъ калмыковъ, находилась сначала за Ураломъ и была принесена двумя святыми калмыками; но одинъ изъ нихъ, тая дурныя мысли, былъ задавленъ горой, потерявъ силу нести ее, а другой, будучи не въ состояніи снести тяжесть одинъ, оставилъ ее на мѣстѣ. Раздавивъ одного изъ святыхъ, гора обогрилась кровью, отчего и глина на ея крутой сторонѣ краснаго цвѣта. Про озеро Баскунчакъ, лежащее у подошвы горы Большой Богдо, по словамъ Гмелина, калмыки разсказываютъ, что Далай-Лама, во время своего путешествія, обѣдая на горѣ, пролилъ разсоль—образовалось небольшое соленое озеро, которое уже впослѣдствіи разрослось. Гмелинъ передаетъ также, что на вершинѣ горы находится калмычій храмъ (Цаца)—въ немъ приносятъ жертвы. Тутъ является противорѣчіе между показаніями Гмелина и Гёбеля, который передаетъ, что ни одинъ калмыкъ не рѣшается взойти на вершину—впрочемъ, послѣднее передавали и мнѣ мѣстные жители. Гмелинъ разсказываетъ также, что и на горѣ Малой Богдо калмыки приносятъ жертву.

Палась, бывшій на горѣ въ 1773 году, также передаетъ,

Среди другихъ киргизовъ сидѣлъ въ кибиткѣ Джума-гали: онъ внималъ разсказу о шайтанѣ въ пещерѣ съ интересомъ и трепетомъ — и не вѣдалъ онъ, что не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ будетъ ему суждено вмѣстѣ съ нами спускаться туда же къ шайтану.....

Всѣ стихли; наступило опять молчаніе:— всѣ были подѣ вліяніемъ страшнаго разсказа.

Мы кончили чай; самоваръ уже потухъ, и киргизы стали подыматься съ пола, чтобы лечь спать на вольномъ воздухѣ.

Быль уже 12-й часъ. Я вышелъ изъ кибитки, чтобы полюбоваться ночью. Дѣйствительно, ночь была дивная—такихъ ночей нигдѣ нѣтъ:—только степь, только она одна создаетъ подобныя ночи. Темный небесный сводъ усѣянъ мириадами звѣздъ, воздухъ нѣжный, ароматный, колеблется еле-замѣтными волнами легкаго вѣтра; онъ обволакиваетъ, нѣжитъ и лелѣетъ лицо. Кругомъ далеко, далеко, до горизонта, за горизонтъ, на сотни верстъ—все

что калмыки ее „почитаютъ“ священной. Далѣе говорить онъ, что „на высочайшей части горы поставлены для примѣты четыреугольные столбы изъ каменныхъ плитъ, вышиною въ сажень; они видны издали“. Въ настоящее время вершина Большой Богдо пуста и не имѣетъ никакихъ построекъ. На вершинѣ горы Богдо былъ очевидно нѣкогда храмъ, который вслѣдствіе ветхости или другихъ причинъ разрушился. Новый храмъ выстроенъ не былъ, а между тѣмъ мѣсто стараго храма стало почитаться святымъ.

та же тихая степь. У кибитки горѣлъ костеръ, вокругъ него сидѣли киргизы: кто доѣдалъ баранину, кто пилъ чай, а кто курилъ; въ нѣсколькихъ саженьяхъ стояли лошади—все было лишено дневныхъ тревогъ, все тихо и сонно до утра.

Я вошелъ въ кибитку; еще чуднѣе, еще сказочнѣе показалась она—въ узорахъ, коврахъ и подушкахъ. Часъ желаннаго покоя наступилъ, часъ полного покоя послѣ полного утомленія дня . . .

Не было и 5-ти часовъ утра, когда мы, съ товарищемъ, наскоро пили утренній чай. Мы предполагали сдѣлать экскурсію въ окрестностяхъ горы верхомъ. Лошади были уже осѣдланы, ждать намъ не приходилось. Я вышелъ изъ кибитки и невольно остановился у ея дверей, любуясь тѣмъ, что представилось моимъ глазамъ. Безконечно далеко тянулась гладкая, ровная степь; легкій утренній туманъ парилъ надъ нею. Отъ подножья горы, на которой я стоялъ, тянулась цѣлая цѣпь небольшихъ холмовъ, разграниченная разнообразными долинами, оврагами, впадинами. Тутъ и тамъ находились колодцы, окруженные островками сочной зелени—вся же степь была зеленовато-голубого цвѣта. Тутъ и тамъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, были разбросаны кибитки—большею частью по одной, рѣже по двѣ.

Степь уже проснулась — виднѣлись всадники; бѣжали мальчики, погоняя стада барановъ на водопой; медленно выступали верблюды, слѣдуя другъ

за другомъ гускомъ. Верстахъ въ пяти виднѣлось соляное озерцо, свѣтясь ослѣпительнымъ блескомъ въ лучахъ утренняго солнца,—а тамъ въ туманной дали, какъ бы на воздухѣ, виднѣлась гора Большая Богдо.

Гора, на которой стоялъ я, рѣзко выдѣлялась среди цѣпи низкихъ холмовъ и величиной своей и формой. Усѣченнымъ конусомъ подымалась она непосредственно изъ степи. Тутъ и тамъ торчали одиночныя скалы, получившія, вслѣдствіе обвѣтриванія, причудливыя формы.

Тутъ было нѣкогда море: сплошная масса воды покрывала все, нынѣ сухое, пространство, и горы Малая и Большая Богдо возвышались одинокими островами среди бездны воды. Прошли тысячелѣтія—и на мѣстѣ воды легло море степное. „Степной корабль“—верблюды—противостоятъ невгодамъ степи и переносятъ путника десятки и сотни верстъ въ любомъ направленіи:—а горы Богдо все также одиноко, подобно островамъ, покоятся на своихъ мѣстахъ—свидѣтели многихъ столѣтій.....

....Мы сѣли на лошадей и стали медленно спускаться по склону горы. Степныя лошади, непривыкшія къ горамъ, неумѣло, какъ бы подскакивая и бокомъ, сходили внизъ, волоча за собою цѣлый градъ мелкихъ и крупныхъ камней

....Мы уже возвращались съ утренней экскурсіи въ кибитку, какъ подбѣжалъ къ намъ весь запыхавшійся киргизъ.

— „Джилянъ, джилянъ, большой джилянъ — въ дыра сидить“.

Я уже раньше слыхалъ, что будто здѣсь встрѣчаются громадныя змѣи, но, зная, насколько именно этихъ животныхъ преувеличиваютъ, я мало повѣрилъ словамъ киргиза.

Оживились всѣ. Киргизъ, увидавшій змѣю первый, шелъ впереди. Прошедши саженой сто, онъ остановился и предупредилъ насъ идти тише, указывая на узкую, но глубокую лощину (проваль). Мы медленно и тихо подошли къ ней. Дѣйствительно, изъ за камней выползла длинная змѣя (около сажени, при значительной толщинѣ): она на мгновение остановилась и затѣмъ бросилась въ лощину. Ея появленіе и исчезновеніе было столь неожиданно, что никто не успѣлъ ударить по ней. Пока мы стояли, пораженные случившеюся неудачею, прибѣжалъ киргизъ и сказалъ, что недалеко лежитъ такая же змѣя. Мы послѣдовали за нимъ. Тутъ намъ посчастливилось. Змѣя, дѣйствительно, укрылась въ лощину, но мы съ киргизомъ опустили туда и, схвативъ ее руками, выбросили на поверхность. Она еще не успѣла опомниться отъ паденія, какъ два, три удара плетью ошеломили ее: затѣмъ она была схвачена и положена въ сачекъ *).

Киргизы, притихшіе во время нападенія, вдругъ разразились неистовымъ торжествомъ и смѣхомъ.

*) Это была—*Zamenis viridiflavus*.

Всѣ мы направились побѣдоносно къ кибиткѣ, гдѣ насъ ждалъ чай и баранина.

— „Баринь, тарань“ (паукъ), закричалъ шедшій въ сторонѣ киргизъ.

Мы подошли къ нему, но увидали только норку, окруженную воронкообразно паутиной.

— „Гдѣ же“?—спросили мы.

— „Въ своя кибитка ушла“, —отвѣтилъ намъ киргизъ сконфуженно

Минуло уже 12-ть часовъ. Жара была страшная. Температура доходила до 50° R. Отъ палящихъ лучей искали мы убѣжища въ кибиткѣ. Только 10 стакановъ чаю—лучшее средство противъ жары—могли принести нѣкоторое облегченіе. Кибитку закрыли наглухо и лишь снизу подняли кошмы для тока воздуха. Нѣкоторые изъ киргизовъ задремали, другіе сонно повѣсили голову.

Когда немного спала жара, мы выѣхали вновь въ степь.

Проѣзжая мимо двухъ рядомъ стоящихъ могилъ, мы остановились.

— „Какъ у васъ кладутъ мертваго“,—спросилъ я Джума-гали.

Онъ объяснилъ мнѣ, что ноги на востокѣ, а голова на западѣ; голова положена на правую щеку, слѣдовательно лицо обращено на югъ. Могила была окружена стѣной, вышиною аршина въ два. Сдѣлана была она изъ кирпичей изъ необожженной глины; по угламъ стѣны возвышались тре-

угольные выступы вверхъ, какъ бы башенки . . .

Когда мы собирались домой, пріѣхали двѣ киргизки, чтобы разобрать кибитку и увезти ее, такъ какъ это дѣло исключительно женское. Сняли кошмы, и остовъ кибитки обнажился. Изъ взаимно-перекрещивающихся палокъ стояла рѣшетка кругомъ; къ ней были привязаны веревкой изъ верблюжьяго волоса согнутыя палки (не прямыя, какъ у калмыковъ), на концахъ которыхъ покоилось деревянное же кольцо, поперекъ котораго шли согнутыя палки. Все было окрашено суриковой красной краской, не исключая и маленькой двери токарной работы.

Простившись со старшинами и поблагодаривъ ихъ за гостепріимство, мы сѣли въ повозку. Медленно и винтообразно спускаясь, достигли мы подошвы горы и поѣхали доброй рысью.

Отѣхавши съ версту, я оглянулся, чтобы бросить послѣдній взглядъ на гору. Кибитка была уже снята и навьючена на верблюда, который медленно спускался съ горы—спускались и киргизы. Вершина была пустынна;—гора, оживившись лишь на сутки, замерла вновь, быть можетъ, на долгое, очень долгое время—впредь до пріѣзда чиновника, или туриста, или инженера.....

— На станціи „Горькой рѣчкѣ“ намъ пришлось обождать съ полчаса лошадей. Хозяйка предложила намъ чай. Сидя на далеко непривлекательной

террасѣ, мы съ сожалѣніемъ вспоминали о Богдо. Передъ нами былъ неопрятный дворъ станціи—лошади, навозъ, мухи, овода.... Хозяйка намъ сообщила, что пріѣхалъ какой то чиновникъ въ Ставку, что у татарина Ахмета умерла молодая жена, что чума рогатаго скота продолжается съ особенной силой, что рѣжутъ коровъ больныхъ и здоровыхъ и т. д....

Но вотъ мы уже въ повозкѣ и мчимся по степи, готовые забыть неприятное впечатлѣніе. Но увы—20-ть верстъ по степи на хорошихъ лошадяхъ проѣхали мы скоро: начались пески, а вотъ показалась и Ставка. Не будучи привлекательной никогда, она теперь имѣла особенно унылый видъ, благодаря чернымъ флагамъ на воротахъ—мѣсто свирѣпствующей чумы!

V.

Степь Нарынъ и степь Акирма.

Ѕзда въ степи.—Отъѳздъ.—Станція въ степи Нарынъ.—Дождь и Джума-гали.—Перекликается степь.—Дорога и прїѳздъ въ Казанку.—Татаринъ.—Ново-Казанка.—Вода въ степи.—Страхъ Джума-гали.—Лодка въ степи.—Заброшенный поселокъ и кладбище.—Степь Акирма.—Русь среди орды.—Бородинскїй постъ.—Прїемъ у Султана.—Яковъ.—Дѳйствиѳ кумыса.—Скачка у киргизовъ.—Верховая ѳзда.—Послѳднїя версты.

Мы стали собираться съ товарищемъ въ Ново-Казанку. Она лежитъ въ 200 верстахъ отъ Ставки на востокъ. Нужно было отыскать повозку — она должна была быть легкой въ виду того, что всѳ 200 верстъ идутъ черезъ пески. Но повозка должна была быть и крѳпкой, потому что, сломайся она въ степи, починить ее не было бы возможности. Наконецъ, нашелся киргизъ, готовый уступить свою телѳжку; ее привезли къ намъ на дворъ; она дѳйствительно была хороша: крѳпкая и легкая и въ добавокъ съ кибиткой противъ дождя, пыли и солнца; она была слишкомъ узка, но что же было дѳлать? другой не было.

Отъ Ставки до Казанки идетъ, такъ называемый,

земскій трактъ. На картахъ обозначенъ онъ чѣмъ то въ родѣ большой дороги или шоссе. Въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Земскій трактъ имѣетъ въ Букеевской степи особое значеніе: киргизы носятъ между прочимъ повинность лошадами; тамъ, гдѣ движеніе чаще, какъ на примѣръ, между Ставкой и Казанкой, поставлены на разстояніи 40—50-ти верстъ кибитки; живущіе тутъ киргизы поставляютъ проѣзжающимъ лошадей, взятыхъ изъ окрестныхъ мѣстъ степи. Берутъ обыкновенно трехъ лошадей, за нихъ же и платятъ по 3 копѣйки за каждую съ версты, но киргизы отъ себя припрягаютъ еще двѣ, три и больше лошадей безъ платы за нихъ, чтобы облегчить ѣзду. Дѣйствительно, при извѣстной тяжести экипажа проѣзжать дистанцію въ 50 верстъ въ страшную жару черезъ пески на тройкѣ было бы слишкомъ обременительно для лошадей. Дороги нѣтъ никакой, т. е. не только она не устроена, но даже и колеи нѣтъ, да ея и быть не можетъ, во первыхъ, проѣзжихъ въ экипажахъ почти совсѣмъ нѣтъ: вѣдь всѣ киргизы ѣздятъ верхомъ, а во вторыхъ, если бы оныя и проѣзжали, то песокъ заносилъ бы ихъ слѣды уже на слѣдующій день. Сопровождающіе киргизы, Богъ вѣсть, какимъ образомъ, узнаютъ направленіе, въ которомъ надо ѣхать, чтобы пріѣхать къ кибиткѣ-станціи,—и вотъ обыкновенно вскачь несется повозка съ бархана на

барханъ при дружномъ крикѣ сопровождающихъ васъ киргизовъ.

Но вотъ лошади уже готовы: тройка, а впереди еще пара съ верховымъ киргизомъ. Уложивъ всѣ вещи, которыя намъ надо было взять, сѣли мы сами — было очень тѣсно: нельзя было протянуть ноги, нельзя было прислониться, нельзя было сѣсть прямо, такъ какъ навѣсъ былъ низокъ. Мы невольно призадумывались при мыслѣ, что надо проѣхать въ такомъ положеніи безъ остановки 200-ти верстъ. Но, какъ бы то ни было, мы рѣшились терпѣть. Джума-гали сѣлъ на лошадь съ арканомъ *), ямщикъ-киргизъ на козлахъ. Вышелъ изъ воротъ хозяинъ нашъ Хассанъ съ двумя татарами, сбѣжались киргизы, киргизскіе мальчишки, два лавочника, кабатчикъ, еще нѣсколько зрителей — но, мы уже готовы... еще секунда, другая — и мы ѣдемъ по базарной улицѣ; — высовываются головы татаръ изъ лавочекъ, выглядываютъ киргизы, стоятъ на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ татарки. Кончилась Ставка

*) Арканъ киргиза состоитъ изъ длинной палки (сажени $1\frac{1}{2}$ длиной), на концѣ которой прикрѣплена простая, но большая петля. Когда киргизъ хочетъ поймать лошадь, онъ беретъ палку въ правую руку и набрасываетъ петлю на шею лошади, затѣмъ быстро вращаетъ палку вокругъ ея оси и тѣмъ самымъ, закручивая веревку, затягиваетъ петлю. Вдущій верхомъ киргизъ съ арканомъ продѣваетъ лѣвую руку въ петлю, такъ что палка волочится за нимъ по землѣ, въ лѣвой же рукѣ держитъ онъ поводья своей лошади, а въ правой ногойку.

и мы очутились среди песковъ. Теперь, то вскачь, то рысью, мимо Уштерэка все дальше и дальше.

Сидѣть было чрезвычайно неудобно: при каждомъ скачкѣ экипажа стучались мы то головами о навѣсъ, то спинами, то ногами объ тележку. Ноги затекали, бокъ нѣмѣлъ. И уже на четвертой верстѣ убѣдились мы, что ѣхать такъ невозможно: мы велѣли остановиться, чтобы снять навѣсъ, который все дѣло портилъ, но навѣсъ былъ припаянъ желѣзными прутьями къ повозкѣ; тогда мы стали выбирать вещи изъ повозки, и что можно было, привязали на задокъ; послѣ этого умѣстились мы довольно удобно....

Приближалась первая станція; зная, что киргизы рады будутъ проболтать и прокейфовать цѣлые сутки по поводу новостей изъ Ставки, мы заявили уже заранѣе, что останавливаться на этой станціи не будемъ, а обождемъ только, пока будутъ пойманы лошади, и затѣмъ поѣдемъ всю ночь на пролетъ. Это огорчило нашихъ киргизовъ; — Джума-гали поскакалъ впередъ съ арканомъ...

Когда мы приѣхали на станцію, то нашли киргизовъ уже въ волненіи: они бѣгали, суетились, кричали — нѣкоторые ускакали за лошадьми. Солнце только что закатилось и степь покрылась полумракомъ. Мы помѣстились съ товарищемъ на землѣ, чтобы закусить; передъ нами стояли двѣ кибитки — онѣ были очень бѣдныя; старыя кошмы мѣстами висѣли черными лоскутами; въ грязи и

золѣ ползали нагія дѣти; изъ одной кибитки въ другую ходили женщины, очевидно, по хозяйству. Кругомъ была степь: песчаные бугры, здѣсь уже укрѣпленные растительностью и прочные, подымались отлогими невысокими холмами: въ воздухѣ пахло пересохшей травой. Мы были среди степи Нарынъ *).

Не успѣли мы отѣхать и пяти верстѣ отъ станціи, какъ начался дождь; сначала онъ падалъ крупными каплями, потомъ на нѣсколько минутъ пріостановился и вдругъ полилъ со всей силой степнаго дождя.

Кругомъ было все тихо; притихли и наши киргизы: уткнувъ головы въ халаты, погоняли они немилосердно лошадей;—раздавался дружный топотъ копытъ и шумъ колесъ. Джума-гали вымокъ до костей; халатъ его повисъ на мокромъ тѣлѣ, какъ мѣшокъ; лошадь его измучилась.

Дождь скоро прошелъ; въ сторонѣ засверкалъ костеръ въ сосѣдствѣ съ кибиткой; была уже ночь, но до станціи было еще далеко: это самый большой переѣздъ—слишкомъ 50 верстѣ.

Мы замѣтили, что Джума-гали скрылся—куда и когда, неизвѣстно. Ямщикъ объяснилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, что онъ вѣроятно отѣхалъ въ сторону, чтобы перемѣнить лошадь. Мы подожд-

*) Къ степи Нарынъ относится вся область, покрытая песчаными буграми, такъ что и Ставка лежитъ въ этой степи.

дали, но Джума-гали не являлся; между тѣмъ онъ былъ для насъ, какъ проводникъ, необходимъ. Джума-гали, невзрачный по своей наружности, былъ неоцѣнимъ въ степи—расторопный и находчивый; кромѣ того, его знала вся степь—куда бы мы ни являлись съ нимъ, повсюду находились его кунаки, и многое дѣлалось и спускалось ему по знакомству. Немалую услугу оказывалъ онъ намъ при нашихъ поѣздкахъ — и вдругъ его нѣтъ. Мы еще подождали, затѣмъ выстрѣлили изъ револьвера три раза, немного погодя еще три раза — отвѣта никакого.

Одинъ изъ сопровождавшихъ насъ киргизовъ приподнял шапку и пронзительнымъ голосомъ закричалъ:

„Хе-хе-Дму-ма-гали... и... и... и“...

Прошло съ минутой. Киргизъ закричалъ вторично, опять же приподнявъ шапку; наступило молчаніе. Вдругъ какъ бы эхо гдѣ-то вдали раздавалось:

„Джума-гали-и-и. Джума-га-ли... и... и...“

Тоже самое послышалось въ другой сторонѣ, затѣмъ въ третьей—это откликались живущіе здѣсь и проѣзжающіе киргизы: уже спящая степь оживилась. И вотъ послышалось со всѣхъ сторонъ, то ближе, то дальше, то еле слышно:

„Джума-гали-и-хе-хе-Джу-ма-гали-и... и... и“...

Перекликалась степь. Такъ степной человѣкъ осиливаетъ пространство подавляющаго простора.

Джума-гали не являлся и не откликался. Мы велѣли ѣхать дальше; защелкали плети, и мы помчались вновь. Проѣхавши версты три, раздался позади насъ крикъ:

„Ху-ху-хэ... э... э... э“.

И къ повозкѣ подскочилъ Джума-гали; онъ пересѣлъ на свѣжую лошадь и перемѣнилъ мокрое платье на сухое у кунака....

Была уже поздняя ночь, когда мы подѣхали къ станціи. Кибитка, еще кибитка, еле-тлѣющей костеръ, темныя фигуры киргизовъ.... Джума гали, переговоривъ съ ними, объявилъ, что лошадей теперь будетъ достать трудно, такъ какъ темно, и попросилъ обождать до разсвѣта...

Еле-заблѣлось утро, какъ киргизы, вооруженные арканами, выѣхали въ степь на ловлю лошадей

Прошло уже много часовъ; передъ нами все время тянулись барханы Нарынской степи; они-то цѣпями пересѣкали намъ дорогу, то могучими волнами окаймляли нашъ путь; тутъ и тамъ виднѣлись пересохшія соляныя лужи—ихъ поверхность, покрытая коркою соли, блестѣла на солнцѣ—вѣчно одна и та-же картина передъ глазами утомляла взоръ....

Солнце клонилось уже сильно къ западу, когда барханы стали видимо понижаться, и вдругъ какъ-то сразу развернулась передъ нашими глазами степь Акирма: — въ дали блестѣли озера, кругомъ все

зеленѣло, видны были группы домовъ; ну, живѣе, теперь еще лишь нѣсколько верстъ — и мы у нашей цѣли, послѣ утомительной ѣзды по барханамъ....

*

Одинъ изъ мѣстныхъ богатыхъ татаръ согласился уступить намъ комнату. Онъ встрѣтилъ насъ самъ на дворѣ:

„Милости прошу“,—сказалъ онъ, улыбаясь, довольно чистымъ русскимъ языкомъ.

Онъ насъ ввелъ въ большую и чистую горницу глинянаго дома. На окнахъ, украшенныхъ чистыми занавѣсками, стояли фуксія и герань; вдоль стѣны два дивана, столъ съ чистой скатертью, нѣсколько стульевъ; на стѣнѣ, между окнами, висѣло зеркало, на другой стѣнѣ лубочныя картины Стамбула, Мекки, Медины, а рядомъ съ ними кинжалъ.

— „Кушать будете“?—улыбаясь, спросилъ насъ хозяинъ.

Онъ былъ хорошаго роста, слегка упитанъ;—черный кафтанъ былъ застегнутъ до верху; на головѣ плотно надѣта шапка мѣхомъ внутри; жиденькіе усы и борода, — выразительное и энергичное лицо. Онъ былъ изъ Казанской губерніи, переселенецъ, какъ бѣольшая часть здѣшнихъ татаръ. Сюда они переселились, какъ мнѣ рассказывали, уже давно; у нихъ были неоднократные споры съ жив-

шими здѣсь нѣкогда уральскими казаками; кончилось это тѣмъ, что татары уступили поселокъ казакамъ и основали въ нѣсколькихъ верстахъ новый поселокъ, который и названъ, въ отличіе отъ стараго, Ново-Казанкой *).

Итакъ Ново-Казанка—татарскій поселокъ. Достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ этомъ. Двѣ-три другъ-друга пересѣкающія улицы прямы и чисты. Невысокіе дома съ плоской крышей аккуратно вымазаны глиной. Ново-Казанка лежитъ между двумя озерами—Тушукулакъ и Раимъ-Айденъ. Здѣсь нѣкогда, еще во времена Палласа, который былъ тутъ въ 1772 году, было одно большое озеро, но, пересыхая изъ года въ годъ, раздробилось оно на многочисленныя маленькія озера, соединенныя другъ съ другомъ ручьями и болотами**). Въ озера впадаютъ двѣ рѣчки—Малый Узень

*) Развалины Старо-Казанки лежатъ по ту (на лѣвой сторонѣ), а Ново-Казанка по сю сторону (на правой сторонѣ) Малаго Узеня. Гёбель (1834 г.) ничего не говоритъ о Казанкѣ, между тѣмъ описываетъ форпостъ Глиненскій. Сколько можно понять изъ описанія Гёбеля, то форпостъ Глиненскій и есть Старо-Казанка. Мнѣ же не приходилось слышать ни отъ татаръ, ни отъ киргизовъ, чтобы развалины ея когда-либо назывались Глиненскимъ форпостомъ.

***) Тутъ собственно двѣ группы озеръ: группа Малаго Узеня и группа Большаго Узеня. Озеро Тушукулакъ лежитъ внѣ этихъ группъ, но, какъ говорятъ, весною сообщается съ группою Малаго Узеня. Каждое изъ озеръ имѣетъ свое названіе—но всѣ вмѣстѣ называются онѣ Камышь-Самарскимп.

и Большой Узень съ Мухромъ. Вода въ озеряхъ слегка солоноватая, такъ что жители пользуются водой изъ колодцевъ. Если разливъ въ Узеняхъ весною былъ большой, то въ озеряхъ соленость уменьшается, воды становится больше; тогда и рыбы много. И на оборотъ, если въ Узеняхъ весною воды меньше, то и озера мельче, соли больше и рыбы мало. Берега озера, а частью и сами озера покрыты густымъ и высокимъ камышемъ—птиць здѣсь много—утки, гуси, кулики, баба-птица, красный гусь (фламинго) и различные хищники. Вслѣдствіе обилія воды здѣсь и сѣнокосъ хорошій, такой, какого не знаютъ остальные части Букеевской степи. Это обиліе травъ привлекло большое количество кочующихъ киргизовъ—тутъ и тамъ виднѣются зимовки и разбросаны кибитки, обыкновенно по двѣ вмѣстѣ. Киргизъ здѣсь несравненно богаче.

На другое утро послѣ приѣзда отправились мы съ своимъ хозяиномъ верхомъ вдоль берега озера Тушукулакъ.

Трава была уже вся скошена; тутъ и тамъ стояли стога сѣна. Мы ѣхали вдоль самаго берега; изъ воды торчалъ высокій камышъ; еле-колеблемый вѣтромъ, онъ качался, слегка шурша листьями и пожелтѣвшими метелками. Проѣхавши нѣсколько верстъ, свернули мы направо и, переправившись черезъ болотце, направились по ровной глинистой степи къ Малому Узеню. Тутъ мы

остановились у парома. Изъ кибитки вышелъ старикъ киргизъ; онъ помогъ намъ перевести лошадей на паромъ; задвинувъ за нами шесть, онъ сталъ тянуть канатъ. Рядомъ съ нимъ работалъ его сынъ, лѣтъ 18-ти—стройный и красивый, пластично перегибаясь всѣмъ тѣломъ; онъ дѣлалъ это такъ изящно, что какъ-то не вѣрилось, что онъ былъ киргизъ, такъ какъ изящество вообще не типично для киркиза. Перебравшись на другую сторону, мы поѣхали вдоль Узеня. Рѣка эта не широка, 5-ть саженой не больше, но довольно глубока; тутъ и тамъ растутъ группами камышъ. На одномъ мѣстѣ встрѣтили мы киргизовъ, собиравшихся закидывать сѣть-волокушу для ловли рыбы. Поперекъ рѣки была протянута сѣть и прикрѣплена своими концами къ берегамъ, другую же волокли по направленію привязанной нѣсколько киргизовъ; дошедши до прикрѣпленной сѣти, они связали ихъ вмѣстѣ и стали вытягивать ихъ сразу на берегъ. Добыча, повидимому, не радовала рыбаковъ—ловъ былъ не хорошъ, хотя рыбы было много. Нашъ Джума-гали, какъ настоящій сынъ степи, гдѣ рыбныхъ озеръ нѣтъ, никогда не видалъ живой рыбы. Онъ присѣлъ на корточкахъ и съ напряженіемъ слѣдилъ за сѣтью, которая была отчасти уже на берегу,—въ водѣ ежеминутно плескалась пойманная рыба.

Когда почти вся сѣть была уже на берегу и оставался лишь одинъ конецъ въ водѣ, образуя

мѣшокъ,—сазань, ударивъ хвостомъ, перебросился черезъ сѣть въ рѣку.

— „Ай“!—вскрикнулъ испуганный Джума-гали.

Но его удивленіе и изумленіе возросли, когда рыба, выброшенная на берегъ, начала биться и прыгать: съ изумленіемъ въ лицѣ и приложивъ руку къ щекѣ, онъ, медленно пятясь назадъ, удалялся отъ мѣста катастрофы—всѣ расхохотались.

Пойманы были сазаны, щуки, караси, нѣсколько окуней и плотва. Киргизы стали собирать ловъ—мелкихъ рыбъ выбрасывали они назадъ въ рѣку. Одинъ киргизъ, взявши довольно крупнаго, еще живаго сазана, бросилъ его рядомъ стоящей собакѣ—она поймала на лету рыбу и, перекусивъ ее поперекъ, съѣла съ хвостомъ и головой. . .

Чтобы устроить удачную охоту на озерѣ Рамъ-Айденъ, гдѣ птицы больше, чѣмъ на Тушукулакъ, такъ какъ послѣднее лежитъ у самой Казанки, стали мы съ товарищемъ разыскивать лодку. Но лодки на озерѣ не было. Тогда нашъ хозяинъ предложилъ намъ перевезти лодку на арбѣ *) съ озера Тушукулакъ; всего было версть пять ѣзды. Но, Боже мой, что это была за лодка—хуже всякой „душегубки“: не то корыто, не то ящикъ, не то выдолбленная колода. Но лодка была спущена въ воду; мы съѣли съ товари-

*) Двухколесная телѣга.

щемъ на дно, такъ какъ была только одна лавочка для гребца, и при этомъ очень примитивная: просто, поперекъ лодки положено гнилое бревно. За весла, или вѣрнѣе за лопаты, взялся татаринъ, уже старикъ, съ чрезвычайно мягкимъ выраженіемъ лица и глубокими добрыми глазами. Джумагали сначала не соглашался сѣсть, но послѣ неоднократныхъ убѣжденій съ нашей стороны помѣстился на кормѣ. Лодка сильно сѣла въ воду и стала течь—намъ пришлось встать со дна и переправляться, стоя. Забравши довольно много воды, которая натекала съ каждой минутой все больше и больше, лодка стала сильно качаться изъ стороны въ сторону, и мы скоро убѣдились, что охотиться съ этой лодкой нельзя, и что мы могли съ трудомъ перебраться лишь на другой берегъ. На лицѣ Джумагали выражались страданія; онъ обѣими руками держался за бортъ лодки и при каждомъ ея движеніи въ бокъ вскрикивалъ съ отчаяніемъ въ глазахъ. Человѣкъ этотъ никогда не видалъ такой массы воды, и никогда не ѣзжалъ на лодкѣ. Его нельзя было узнать: на сколько онъ былъ проворенъ и ловокъ на лошади въ степи, на столько же неуклюжъ и растерянъ среди незнакомой ему обстановки. Когда наконецъ онъ почувствовалъ твердую почву подъ ногами, то спросилъ, будемъ ли мы возвращаться тѣмъ же путемъ назадъ въ Казанку,—я его успокоилъ и сказалъ,

что на возвратномъ пути мы обойдемъ озеро. Онъ просіялъ отъ радости.

Товарищъ мой и татаринъ пошли вдоль озера на охоту, а я съ Джума-гали къ Узеню, чтобы снять нѣсколько видовъ.

Не далеко отъ насъ была Старо-Казанка. Мы направились туда. Нѣкогда живой и даже богатый поселокъ—Старо-Казанканынѣ заброшенъ совсѣмъ. Крыши домовъ уже давно рухнули, и теперь стоятъ только голыя глиняныя стѣны; улицы поросли травой. При видѣ этихъ оригинальныхъ развалинъ, этихъ заброшенныхъ стѣнъ, при видѣ пустыхъ оконъ могло бы овладѣть грустное чувство,—чувство, которое овладѣваетъ нами при видѣ нѣкогда цвѣтущей, но затѣмъ заброшенной и опустѣвшей мѣстности, если бы не Ново-Казанка, аккуратная и чистая, съ блестящими при солнечномъ свѣтѣ стеклами оконъ, еслибъ не она, смотрящая привѣтливо и гостеприимно, стояла тутъ же, почти рядомъ.

Въ двухъ верстахъ отъ развалинъ Казанки находится заброшенное кладбище Уральскихъ казаковъ. Казаки больше не живутъ здѣсь: они отодвинулись верстъ за 25-ть къ Мухру. На кладбищѣ, окруженномъ уже размытымъ дождемъ рвомъ, разбросаны могильныя плиты; надписи съ нихъ стерты; покосился памятникъ въ видѣ гробницы; другой памятникъ, выстроенный изъ кирпича, въ видѣ башенки, либо былъ не достроенъ, либо разру-

шился и представляет нечто неопредѣленное—и только два деревянныхъ черныхъ креста уцѣлѣли вполне. Позднѣйшаго ли они происхожденія, или до нихъ не дотрогивалась хищническая рука человѣка, хватающая для своихъ нуждъ камни другихъ могилъ—сказать трудно, но они, эти два креста, стоятъ и до сихъ поръ одинокіе среди мусульманской стѣли

Вечеромъ того же дня зашелъ къ намъ Султанъ Ш., человѣкъ невысокаго роста, съ довольно типичнымъ монгольскимъ лицомъ. Онъ былъ богатый и вліятельный въ степи киргизъ, потомокъ хана Шигая. Разговоръ не клеился.

„Хотите, я вамъ устрою поѣздку на большой Узень и Мухоръ“,—сказалъ онъ подъ конецъ, —„веду поставить вамъ кибитку; тамъ вы можете ночевать и жить, сколько вамъ угодно—а мѣсто тамъ интересное“.

Мы съ радостію согласились. Поѣздка эта представляла много интереса, благодаря богатой растительности и оригинальности степи Акирма.

„Тамъ мѣста хорошія, богатая и птицъ много—пострѣляете всласть“,—добавилъ, прощаясь, султанъ
.
.

*

Мы выѣхали изъ Казанки; потянулась сухая и

плоская глинистая степь, напоминающая ту „плоскую“ степь, которая расположена за песками на западъ отъ Ставки; лишь мѣстами встрѣчалась болѣе богатая растительность, а то сплошь пересохшая равнина, покрытая побурѣвшею полынью и ковылемъ.

Приближаясь къ большому Узеню, мы встрѣчали болота и озерцы; тутъ была сочная трава и стоги сѣна указывали на обиліе сѣнокоса. Тутъ же были расположены многочисленныя кибитки. Первое, что намъ здѣсь бросилось въ глаза, это разнообразная форма кибитокъ, то онѣ были чисто киргизскаго, то калмыцкаго типа съ конусообразнымъ верхомъ, — нѣкоторыя были большія, другія маленькія *).

*) Калмыцкія и киргизскія кибитки построены, собственно говоря, по одному шаблону. Онѣ состоятъ изъ рѣшетки вышиною аршина 1¹/₂; къ ней прикрѣплены палки, которыя прямы у калмыцкихъ и изогнуты внутрь у киргизскихъ кибитокъ, отчего происходитъ, что калмыцкія кибитки съ конусообразнымъ, а киргизскія съ куполообразнымъ верхомъ. Между тѣмъ какъ въ западной части Букеевской орды встрѣчаются почти исключительно кибитки киргизскаго типа, на востокъ орды встрѣчаются наряду съ ними и кибитки калмыцкаго типа. Кромѣ того, во всей ордѣ можно встрѣтить еще легкія удобопереносимыя кибитки, построенныя по калмыцкому типу, но рѣшетка состоитъ изъ далеко другъ отъ друга отстоящихъ и взаимно перекрещивающихся палокъ. Всякая кибитка обложена войлочными кошмами; ихъ то поднимаютъ, то спускаютъ, смотря по желанію, наверху, сбоку или снизу, такъ что отъ хозяина кибитки зависитъ устроить себѣ вентиляцію любой силы и въ любомъ направленіи.

Наконецъ, мы прибыли къ кибиткѣ, предназначенной намъ. Она была очень обширна; покрывавшія ее кошмы еще не успѣли утратить свой бѣлый цвѣтъ. Рѣшетка кибитки была обложена циновками — онѣ были изъ камыша, обернутаго красной, бѣлой и синей шерстью, что придавало снаружи парадный видъ кибиткѣ, а внутрь проливалось пріятный для глазъ свѣтъ *). Намъ встрѣтили тутъ киргизы и попросили войти въ кибитку. И по внутреннему своему устройству бросалась она въ глаза своимъ богатствомъ: положенныя вдоль стѣны шелковыя подушки, разостланныя на полу персидскіе и туркменскіе ковры пестрѣли яркими цвѣтами; покрывавшія кибитку кошмы и остовъ кибитки сдерживались широкими, разноцвѣтными лентами ручной работы. Намъ подали на тарелкѣ бишбармакъ **), а затѣмъ чай. Среди киргизовъ сидѣлъ случайно въ кибитку зашедшій русскій. На немъ былъ надѣтъ длинный бѣлый кафтанъ казацкаго покроя, перехваченный богатымъ серебрянымъ поясомъ и съ серебряными застежками, онъ рассказывалъ о богатомъ сѣнокосѣ, который имѣется въ этихъ мѣстахъ.

— „Да впрочемъ, это вѣдь поближе къ водѣ“, — добавилъ онъ, — „а чуть версты двѣ отъ озера или отъ болота, такъ тамъ опять уже сухая степь“.

*) См. прилож. рисунокъ.

***) На мелкіе куски нарѣзанная баранина.

Дѣйствительно, мѣстами еще нескошенная трава была сочна и свѣжа; въ воздухѣ чувствовалось много влаги, которой нѣтъ въ остальныхъ частяхъ киргизской степи.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, сѣли мы на лошадей и направились къ большому Узеню. Дорога почти все время шла среди хорошихъ—сочныхъ луговъ, покрытыхъ высокой травой; по временамъ попадались небольшія озерки съ заросшими камышемъ берегами. Проѣзжая мимо нихъ, мы невольно пугали утокъ и куликовъ, которые то и дѣло взлетали и укрывались отъ насъ въ укромныя мѣста. Но вотъ и большой Узень.

Неширокая рѣка, берега крутые, яристые.

Онъ въ этомъ мѣстѣ лишень всякой растительности и словно стоитъ на одномъ мѣстѣ, такъ гладка и тиха его серебристая поверхность.

Несравненно лучшее впечатлѣніе производитъ Мухоръ, впадающій въ большой Узень, въ двухъ верстахъ отъ этого мѣста.

Онъ не шире большаго Узеня, но кажется гораздо многоводнѣе; его крутые берега покрыты сочными растеніями; плакучія ивы опустили свои вѣтви въ тихія воды рѣки. Десятки и сотни пташекъ щебетали среди веселой зелени.

Это была для насъ новая картина въ степи, напоминающая коренную Русь; тутъ дѣйствительно конецъ киргизской степи; вплоть до рѣки Урала, на востокъ, легла земля войска Уральскаго.

Недалеко отъ мѣста слиянія Мухра съ большимъ Узенемъ находится Мухорскій казачій постъ. Среди зелени стоятъ частью деревянные, частью глиняные дома. Весело бѣгали по улицамъ, подымая пыль, мальчики; у домовъ стояли или сидѣли казаки и казачки. Все вѣяло свѣжестью, здоровьемъ и довольствомъ....

Верстахъ въ десяти отъ Мухорскаго поста, передавали намъ, находится фруктовый садъ и вѣтряная мельница. Конечно, ни то, ни другое, при иныхъ условіяхъ, не могутъ представлять чтонибудь особенно привлекательное. Но послѣ двухъ мѣсяцевъ, прожитыхъ въ жгучихъ пескахъ степи, насъ невольно тянуло туда, къ зелени, къ жизни, послѣ мертвой равнины и песчаныхъ бугровъ Нарына;—мы не задумались и направились туда.

Садъ обнесенъ заборомъ; подлѣ сада стояло нѣсколько домовъ: изъ двери одного вышелъ старикъ—казакъ, высокаго роста, съ открытымъ выраженіемъ лица. Онъ просилъ зайти къ нему напиться чаю, но мы, къ сожалѣнію, спѣшили и должны были отказаться. У мельницы стояла телѣга; въ ней сидѣла казачка.

— „Прощай, родименькая“,—говорила она другой, вышедшей ее провожать и стоявшей у входа въ мельницу.

— „Прощай, родименькая, — заѣзжай къ намъ, вѣдь тутъ неподалече“—продолжала она...

....Солнце уже одной своей половиной скрылось за

горизонтомъ. Кругомъ была гладкая, ровная степь, залитая алымъ блескомъ заходящаго солнца;—на небѣ ни облачка. Послѣдніе лучи солнца ярко озаряли мельницу, ярко освѣщая прощавшихся казачекъ:—и мельница, и садъ, и домики рѣзко выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба. На минуту, при видѣ этой мирной, прекрасной вечерней картины, можно было забыть лежащую за спиною киргизскую (степь)

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сада находится Бородинскій постъ. Онъ казачій, въ немъ живутъ два, три семейства татаръ, а по близости кочуютъ киргизы.

Уже сильно стемнѣло, и казачій постъ засыпалъ, когда мы подѣхали къ нему. Узнавъ о нашемъ приѣздѣ, выѣхалъ къ намъ навстрѣчу старшина кочующихъ у поста киргизовъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ изъ нихъ.

Улицы поста были уже пусты, когда мы проѣхали по нимъ—лишь изрѣдка попадалась казачка съ коромысломъ на плечахъ.

Мы остановились у татарина. Было темно, когда мы въѣхали во дворъ—залаяли собаки, зашумѣли и затолпились киргизы. Ихъ оказалась большая толпа: часть приѣхала съ нами съ Узеня, часть сопровождала старшину, а часть съѣхалась такъ, услыхавши, что есть киргизы съ новостями изъ Казанки—всѣ были верхомъ, и нашъ приѣздъ былъ

болѣе похожъ на нашествіе враждебной конницы, чѣмъ на мирныхъ гостей торговца-татарина.

Хозяинъ попросилъ насъ въ свой домъ; домъ былъ маленькій, глиняный, съ узкимъ и низкимъ входомъ, съ узкими корридорами и низкими горницами. Комната, которую онъ намъ отвелъ, была увѣшана полотенцами, коврами и устлана подушками. Хозяинъ, невысокаго роста и одноглазый татаринъ, предложилъ намъ сѣсть на полу на тюфяки и подушки. Намъ подали чай. Мы думали сначала, что нашъ хозяинъ будетъ удивляться при видѣ, какъ мы выпиваемъ одинъ стаканъ за другимъ, но нѣтъ,—онъ, казалось, былъ любителемъ чая самъ: глотая быстро горячій чай, онъ не оставалъ отъ насъ: стаканъ за стаканомъ исчезали, и киргизъ, распорядившійся чаемъ, еле успѣвалъ наливать стаканы.

*

Въ Казанкѣ къ султану Ш. пріѣхали на поклонъ изъ отдаленныхъ мѣстъ киргизы. Хотя султанъ самъ и живетъ въ домѣ, но гостей киргизовъ принимаетъ въ кибиткѣ, которая стоитъ постоянно у его дома. Но на этотъ разъ гостей было слишкомъ много—оттого была поставлена особая кибитка. Она была очень велика. Слишкомъ 40 человекъ помѣстились въ ней совершенно свободно вдоль стѣнъ. Кибитка была богато убрана: большіе персидскіе и туркменскіе ковры лежали на землѣ поверхъ бѣлыхъ кошмъ; на стѣнахъ развѣ-

шаны были также ковры, ленты и платки. Одинъ изъ прїѣхавшихъ киргизовъ, высокій, плотный съ окладистой черной бородой, въ красномъ полосатомъ бухарскомъ халатѣ и въ круглой бараньей шапкѣ, сѣлъ на переднемъ мѣстѣ противъ двери, у стѣны. Онъ сидѣлъ, какъ наиболѣе почетный гость, на шелковой подушкѣ, и слѣдовательно выше всѣхъ; справа и слѣва отъ него сидѣли киргизы „по достоинству“; у дверей помѣстились наименѣе „влиятельные“: бѣдные, простые киргизы. Всѣ сидѣли молча, сложивъ руки на поджатыхъ ногахъ, опустивъ глаза внизъ. Лица ихъ глядѣли апатично, лишь изрѣдка перекидывались они односложными словами, чтобы затѣмъ замолчать вновь—тутъ были старики, молодые и киргизы среднихъ лѣтъ: всѣ сошлись въ одну кибитку, какъ гости одного хозяина, чтобы напиться кумысу, поболтать, отблагодарить султана и развѣхаться по домамъ. Одинъ изъ прислужниковъ-киргизовъ принесъ нѣсколько длинныхъ полотенецъ для рукъ; они были разостланы вдоль ряда сидящихъ на полу. Другой принесъ деревянныя чашки. Затѣмъ внесли большую деревянную чашу и, поставивъ ее въ серединѣ кибитки, стали вливать въ нее ведрами кумысъ—помѣстилось свободно пять ведеръ. Прислуживающіе разносили сидѣвшимъ кумысъ по старшинству и „достоинству“ въ маленькихъ чашкахъ. Всѣ принялись пить, медленно, держа свои чашки обѣими руками, потягивая напитокъ не переводя духъ.

Первая чашка была скоро осушена, — слѣдующія пились медленнѣе.....

Мнѣ нужно было съѣздить къ малому Узеню и я торопился, чтобы, вернувшись назадъ, застать киргизовъ еще за пиршествомъ. Султанъ далъ мнѣ свою лошадь — молодого и сильнаго жеребца; со мною, на этотъ разъ, поѣхалъ кучеръ султана — русскій, по имени Яковъ. По дорогѣ онъ мнѣ разсказалъ, что онъ собственно хохоль, хотя это по его внѣшности нельзя было видѣть, но что родители его уже давно переселились изъ Малороссіи въ Воронежскую губернію, а затѣмъ во Владиміровку на Волгѣ, гдѣ онъ и выросъ.

— „Здѣсь плохо,“ — говорилъ онъ, — „все татарва да киргизы; русскаго совсѣмъ не видать, а все-таки лучше, чѣмъ въ Ставкѣ: все-таки вода есть; она, положимъ, и поганая — соленая, а все-таки отъ нея влага, да и зелень то лучше идетъ“.

Я спросилъ его, — любить ли онъ Волгу?

— „Да какже ее не любить: она мать, сколькихъ теперъ питаетъ, страсть. Изсохни Волга, всѣмъ намъ помирать пришлось бы, что и говорить. А ужъ скучно то какъ безъ нея, такъ скучно, что иной разъ слеза прошибетъ. Теперъ еще что — все-таки обжился — а первое время такъ я думалъ, что помру съ тоски по Волгѣ. Да тамъ теперича и народъ то русскій, ну хохловъ много — все родное“.

Я спросилъ его, водить ли онъ хлѣбъ-соль съ казаками.

— „Да нѣтъ, они вѣдь и не живутъ по близости, да и казакъ казаку рознь. Вѣдь, Уральцы то не всѣ русскіе, а вѣдь и татаръ среди нихъ много. Иной ѣдетъ—совсѣмъ казакъ, а взглянешь на рожу то, ну и видишь, что нехристь-татарва, а между собою они все-таки, что русскій, что татаринъ, все свой братъ казакъ, хотя и вѣраи языкъ разные“.

Мы приостановили лошадей и поѣхали шагомъ.

— „Вотъ, баринъ“,—продолжалъ Яковъ,—„самъ я и здоровъ и силенъ, а, что хочешь, не могу верхомъ ѣздить, такъ вотъ грудь всю и беретъ. Глянешь на инаго киргиза—въ чемъ душа держится, а лупить себѣ безъ оглядки и ничего, да еще скучаетъ безъ лошади“.

— „А Уральцы народъ богатый“,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—„всѣ хлѣбопашествомъ занимаются.—Донцы—такъ тѣ безпутный народъ: жена работаетъ, работаетъ, а казакъ знай себѣ валяется. Ну, а Уральцы не то—даже киргизовъ прирастили къ хлѣбопашеству, только у этихъ мало путнаго выходитъ: поработаетъ, поработаетъ, а глядь. Неурожай года два—онъ и наплюетъ на все, давай опять за барановъ—терпѣнья нѣтъ“

Когда мы назадъ вернулись къ кибиткѣ султана, то пиршество еще не кончилось, но уже на всѣхъ кумысъ успѣлъ подѣйствовать. Киргизовъ, часъ

тому назадъ чинно сидѣвшихъ, узнать нельзя было—они смѣялись, перебрасывались остротами, побуждали другъ-друга пить. Если кто нибудь отставалъ, то его сосѣди брали его за уши и заставляли пить насильно, грозя въ противномъ случаѣ вылить кумысъ ему за воротъ. Все это сопровождалось веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ— всѣ были настроены радостно, беззаботно, не задумываясь о слѣдующемъ днѣ

Этотъ же день былъ днемъ нашего отъѣзда изъ Казанки.

Солнце было уже низко и мы торопились. Наша повозка подѣхала; мы простились съ султаномъ и съ киргизами, но и султанъ и всѣ пившіе у него кумысъ киргизы выѣхали провожать насъ. Отъѣхавши версты двѣ отъ Казанки, мы остановились:—должна была быть скачка.

— „Это у насъ дѣлаютъ для любимыхъ гостей, когда ихъ провожаютъ“,—сказалъ султанъ,—„что въ честь нихъ устраиваютъ скачку“.

Но принять участіе въ скачкѣ согласились не всѣ:—нѣкоторые, сами по себѣ довольно тучные, нагрузившись кумысомъ, ѣхать безъ риска для лошадей и себя не могли; оттого отдѣлилось человѣкъ 15-ть, которые должны были скакать. Они отъѣхали версты на полторы и затѣмъ пустили лошадей во весь духъ. Сѣдла были у всѣхъ сняты и оставлены только подушки безъ стремянъ. Стоявшіе съ нами киргизы и не принимавшіе участія

съ напряженіемъ слѣдили за лошадьми и сѣдоками и громко привѣтствовали пріѣхавшаго первымъ къ цѣли.

Прощаніе длилось еще долго; подкутившіе киргизы не отпускали насъ.

Наконецъ тронулись мы въ путь по той же дорогѣ и отчасти въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, которыя пріѣхали съ нами изъ Ставки.

Джума-гали сидѣлъ на козлахъ и исполнялъ должность ямщика. Среди сопровождавшихъ насъ киргизовъ былъ одинъ мальчикъ лѣтъ 16-ти. Онъ проѣхалъ всю ночь на пролетъ, слѣдуя за нами верхомъ, и затѣмъ добрую часть дня:—всего сдѣлано было имъ 110 верстъ почти безъ отдыха и остановки. Наконецъ, сталъ онъ сильно уставать, и мы его посадили рядомъ съ Джума-гали на козлы. Но онъ такъ ослабъ, до того клонило его ко сну, что онъ еле держался на козлахъ. Товарищъ мой пересѣлъ между тѣмъ на лошадь, мѣсто въ повозкѣ освободилось и мы помѣстили сюда мальчика, который, еле успѣвъ сѣсть, тутъ же упалъ и заснулъ глубокимъ сномъ

Солнце уже перешло полдень, а все еще до Ставки было довольно далеко. Не смотря на семь запряженныхъ лошадей, которыя везли нашу повозку, двигались мы, благодаря пескамъ, сравнительно медленно. Наконецъ, ѣзда сильно надоѣла

намъ,—надоѣла она и нашимъ киргизамъ: послѣ послѣдней станціи они немилосердно гнали лошадей.

..... — Намъ наконецъ оставался послѣдній десятокъ верстъ черезъ голые пески—наиболѣе тяжелый путь; встрѣчавшіеся по дорогѣ или ѣхавшіе намъ навстрѣчу киргизы присоединялись къ намъ. Частью привязывали они своихъ лошадей веревкой къ повозкѣ, частью скакали рядомъ съ нами, и вотъ наконецъ со страшнымъ крикомъ, въ отчаяннѣйшей скачкѣ въѣхали мы на базарную улицу Ставки....

VI.

Баскунчакъ. Чапчачи.

Тяжелый день для Джума-гали.—Выѣздъ изъ Ставки.—Несчастье Джума-гали.—Баскунчакскій поселекъ.—Новый мѣръ для киргиза.—Соляное озеро.—Опять степь.—Гроза.—Чапчачи.—Каменная соль.—Ущелье въ степи.—Пещера.—Волга.

Быль уже августъ, когда мы, пробывши въ киргизской степи почти два съ половиной мѣсяца, рѣшились покинуть ее. Оставались еще два пункта, которые представляли большой интересъ и которыхъ мы не хотѣли упустить изъ виду—это Баскунчакское соляное озеро съ горой Большой Богдо и соляные холмы Чапчачи. Затѣмъ, нашъ путь лежалъ по Волгѣ черезъ Астрахань, по дельтѣ Волги и Каспійскому морю въ Приморскій округъ киргизской степи.

Мы рѣшились выѣхать изъ Ставки вечеромъ, чтобы, проѣхавъ ночь, быть рано утромъ на Баскунчакѣ. Джума-гали долженъ былъ сопровождать насъ—онъ отпросился домой въ кибитку, чтобы проститься съ семействомъ: женой, братомъ, и дѣтьми. Какъ я узналъ впоследствии,—жена и

дѣти оплакивали его, какъ человѣка погибшаго, — они знали, что онъ долженъ былъ сопровождать насъ до Астрахани и затѣмъ ѣхать на Каспійское море, на острова. Они знали, что онъ покинетъ степь, покинетъ свой родной край, и имъ казалось, что среди чужихъ людей, среди иныхъ условий онъ не останется живъ. Да и самъ Джума-гали упалъ духомъ — онъ суетился, волновался и вообще вышелъ изъ обычнаго спокойнаго настроенія.

— „Вотъ дуракъ“, — говорилъ Агедиль, шуря свои черные глаза, подбоченившись и улыбаясь, глядя на Джума-гали, — „я бы съ вами сейчасъ поѣхалъ не только въ Астрахань, но и въ Москву, — а онъ боится“.

Наконецъ, наступилъ роковой для Джума-гали часъ — тройка была уже готова и ждала насъ. Пришло много киргизовъ, нѣкоторые изъ татаръ, чтобы проститься съ нами — нѣкоторые сѣли на лошадей, чтобы проводить насъ за пески.

Ставка на моментъ оживилась — нарушилась ея тишина — пробряцали колокольчики нашей тройки, раздались крики провожавшихъ насъ, зашумѣла расходящаяся толпа любопытныхъ. Затѣмъ Ставка задремала, отдавшись снова своей лѣнивой мертвящей жизни.

Мы покидали Ставку, покидали ее, быть можетъ, навсегда — безъ сожалѣнія, безъ тѣни горести. Минутой рисовались привлекательныя степныя картины, степныя сцены — но мы уже давно успѣли свык-

нутья съ ними—онѣ имѣли для насъ смыслъ обыденнаго. И эти минутныя, свѣтлыя воспоминанія заглушались и подавлялись тяжелымъ кошмаромъ жгучихъ песковъ, однообразныхъ бархановъ, бесплодіемъ почвы, неуютностью Ставки—и среди этихъ гнетущихъ картинъ, какъ свѣтлый оазисъ, сохранялась въ воображеніи Казанка съ веселыми лугами и Мухоръ съ казачьимъ населеніемъ.

Нѣкоторые изъ служащихъ провожали насъ съ завистью.

— „Счастливыцы“, — говорили они, — „вы увидите свѣтъ Божій, а мы обречены на долгое сидѣнье здѣсь....“

Въ этихъ словахъ слышалась неподдѣльная грусть. Словно узникамъ суждено имъ и среди простора быть въ тѣсныхъ оковахъ, въ столицѣ песковъ, въ провинціальной Ставкѣ....

....Но прочь грустныя мысли! Мы уже среди простора—миновали пески и ѣдемъ по ровной степи. Прохладный ночной вѣтерокъ дуетъ въ лицо, освѣжая голову. Прочь, тяжелыя воспоминанія, и впередъ съ новыми надеждами, на новыя мѣста!....

Мы проѣхали уже Горькую рѣчку, миновали и вторую станцію,—была глубокая ночь. Отяжелѣвшія вѣки невольно смыкались, и усталость, не смотря на сильную тряску, заставляла дремать....

Начало разсвѣтать, когда я, случайно открывши глаза, замѣтилъ, что Джума-гали, сидѣвшій рядомъ

съ ямщикомъ, былъ безъ шапки. Онъ спалъ безмятежнымъ сномъ.

Я его разбудилъ:

— „Гдѣ твоя шапка“?

Джума-гали разинулъ ротъ, схватился за голову, затѣмъ посмотрѣлъ на меня и не безъ ужаса промолвилъ:

— „Потерялъ, баринъ“!

Онъ хотѣлъ съ просонковъ прыгнуть и бѣжать отыскивать шапку въ степи. Но ямщикъ, широкоплечій русскій дѣтина, успокоилъ его:

— „Да ты, братъ, уже версть 15-ть безъ шапки-то ѣдешь. Я все нѣтъ-нѣтъ, да и посмотрю на тебя—зачѣмъ дескать ему было шапку снять, коли и такъ свѣжо, - а ты вонъ что—потерялъ“.

Джума-гали растерялся, но вдругъ смущеніе его удвоилось и онъ, обратившись къ намъ, сказалъ, показывая на ноги:

— „И тутъ нѣтъ...“

Оказалось, что онъ во снѣ потерялъ и калоши и остался, слѣдовательно, въ кожаныхъ чулкахъ:

Ямщикъ усмѣхнулся. И нельзя было не разсмѣяться при видѣ растерявшагося Джума-гали:—онъ былъ такъ комиченъ въ своемъ смущеніи...

— „Э-эхъ“, — замѣтилъ ямщикъ, — „какъ это ты себя-то не уронилъ—вонъ, все растерялъ—ну, и будутъ вороны гнѣзда вить въ твоихъ калошахъ“.

Затѣмъ слѣдовали шутки со стороны ямщика.

— „Да ты какъ, все сразу потерялъ? или сначала съ правой ноги калошу“ и т. д.

Джума-гали, не понимая, что надъ нимъ смѣются, старался отвѣчать на всѣ вопросы и этимъ еще болѣе становился смѣшонъ.

Солнце еще не взошло, но востокъ уже алѣлъ; было совершенно свѣтло, легкая утренняя дрожь пробѣгала по тѣлу. Вдали показалась гора Богдо. Какъ-то странно виднѣлась она на блѣдномъ утреннемъ небѣ. Ея контуры еще не обрисовались достаточно рѣзко и она казалась безформенной кучею.

Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Баскунчака, наше вниманіе обратилъ на себя огромный провалъ. Одна его сторона падала крутой стѣной, остальные же спускались болѣе отлого и воронкообразно внизъ. На крутой сторонѣ было видно обнаженіе почвы—остальные же склоны поросли травой. Такіе провалы встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ довольно часто, и зависятъ отъ гипсовой почвы.

Не смотря на ранній часъ, Баскунчакскій поселокъ уже оживился. На базарѣ были открыты лавочки; торговцы - татары, пользуясь прохладой, стояли въ тѣни навѣсовъ и болтали о наживѣ прошедшаго дня, о предстоящей торговлѣ. Кучки празднующихъ киргизовъ - рабочихъ виднѣлись тутъ и тамъ.

Проѣзжая по берегу озера, увидали мы тутъ и тамъ стоящія дряхлыя кибитки и разбросанныя землянки киргизовъ, работающихъ на соляномъ промыслѣ; грязно-одѣтыя женщины готовили на кострахъ, передъ своимъ жилищемъ, обѣдъ для мужей; грязныя дѣти стояли тутъ же рядомъ, съ обнаженными плечами—все имѣло видъ неуютнаго, грязнаго промысловаго поселка. Мы подъѣхали къ вокзалу желѣзной дороги, чтобы напиться чаю и нанять лошадей на Чапчачи.

Вокзалъ малъ, но опрятенъ. Про уютность рѣчи быть, конечно, не можетъ.

Первыя минуты Джума-гали озирался робко—его пугали столы, высокія окна, лавочки и зеркала—не мало страха наводили на него также служащіе на желѣзной дорогѣ. Всѣ въ одинаковыхъ синихъ блузахъ, въ круглыхъ шапкахъ, съ выдержкой, несвойственной степному человѣку, они походили на солдатъ. Джума-гали смотрѣлъ на нихъ съ уваженіемъ и старался держаться въ сторонѣ.

Маневрирующій локомотивъ привлекалъ нашего степняка всего больше. Выходящіе клубы дыма заставляли его широко раскрывать глаза, а свистъ локомотива наводилъ на него страхъ.

Мы не замедлили сообщить ему, что черезъ нѣсколько дней и онъ поѣдетъ на такой же машинѣ. Сначала онъ не хотѣлъ этому вѣрить, но, убѣдившись, что это не шутка, онъ покачалъ головой и сказалъ:

— „Охъ, баринъ, страшно!“

Мы его успокоили, что страшно это только съ перваго взгляда, а проѣдешь разъ, два,—такъ всегда захочется ѣздить такъ.

Мы сговорились съ содержателемъ вольной почты, киргизомъ, на счетъ лошадей. Черезъ часъ должна была быть готова хорошая тройка лошадей.

Киргизъ не обманулъ насъ—лошади были поданы во время. Чтобы нѣсколько сократить путь, рѣшили мы пересѣчь озеро съ краю—тамъ, гдѣ соль, свободная отъ воды, лежала плотнымъ и твердымъ слоемъ.

Словно нарочно залили берега теперь уже остывшею бѣлою жидкостью,—до того была она ровна. Наша повозка еле оставляла послѣ себя слѣдъ,—такъ тверда была соль. Само озеро блестѣло мириадами искръ—свѣтъ его былъ ослѣпительнень, и глазамъ становилось больно смотрѣть на него. Берега не носили и слѣдовъ растительности и лишь тутъ и тамъ валялась вѣтка кустарника, быть можетъ вѣтромъ, а можетъ и рукой человѣка занесенная сюда—она сплошь была залита кристаллами соли и казалась покрытой густымъ инеемъ. Да и все-то озеро представлялось покрытымъ льдомъ и снѣгомъ и лишь палившее солнце не позволяло забывать, что не снѣгъ, не зима, а соляныя глыбы передъ глазами.

Справа отъ насъ возвышалась гора. Большая Богдо. Стороной, обращенной къ озеру, падала

она круто и позволяла видѣть послѣдовательный рядъ слоевъ различныхъ глинъ.

Но вотъ кончилась соль, мы миновали Богдо—уже силуэтомъ возвышается она у насъ за спиной, и мы снова въ степи. Все также однообразно тянется она вправо и влѣво—признаковъ жилья никакихъ, только изрѣдка виднѣются вдали табуны лошадей или одинокій верблюдъ.

Не смотря на жару, рѣдкій по своей силѣ коренникъ шель, не прерывая рыси, бодро и безъ усталости; но пристяжные не могли равняться съ нимъ, и скоро силы ихъ стали ослабѣвать. Ямщикъ-киргизъ, завидя вдали нѣсколько всадниковъ, сталъ окликать ихъ, махая руками. Киргизы подѣхали. Ямщикъ попросилъ ихъ помочь Джума-гали словить лошадей и поставить ихъ на смѣну пристяжнымъ. На это они охотно согласились—вѣдь не трудное, не головоломное дѣло предлагали имъ. Одинъ изъ нихъ уступилъ свою лошадь Джума-гали, который помѣстился на ней съ арканомъ. Скоро они исчезли изъ нашихъ глазъ—мы же продолжали свой путь.

Быть можетъ черезъ полчаса увидали мы ѣдущихъ къ намъ всадниковъ — мы узнали въ нихъ нашихъ киргизовъ и Джума-гали —они пригнали двухъ лошадей. Тотчасъ же мы остановились и перепрягли пристяжныхъ, а своихъ пустили въ степь. Это мы повторяли нѣсколько разъ впродолженіи нашего пути: коль скоро уставали лошади, ихъ смѣняли новыми, пойманными въ степи.

Дѣлая это, киргизы не боятся потерять лошадей— каждая балка, каждая кибитка, каждое возвышеніе, какъ бы оно ни было мало для насъ, знаютъ киргизы—они знаютъ и лошадей своихъ и хозяевъ чужихъ лошадей.

Начинало вечерѣть, а мы еще не сдѣлали и полпути— еще не достигли „станціи“. Станцій на этомъ пути собственно нѣтъ, но на 40-й верстѣ (именно на полдорогѣ) находится малороссійскій хуторъ— тутъ обыкновенно останавливаются кормить лошадей, оттого его и называютъ станціею.

Солнце было на закатѣ, небо заволокли тяжелыя, фіолетовыя тучи; горизонтъ терялся въ туманной дали. Молніи ежеминутно сверкали, раздавались сильные раскаты грома. Солнце словно пылало— весь западъ былъ залитъ огнемъ. По степи проносились сильные порывы вѣтра и мы спѣшили еще до дождя подѣхать къ хутору.

Съ неба уже падали рѣдкія, но крупныя капли дождя, когда мы наконецъ остановились. Тучи какъ-то еще ниже нависли—могучими клубнями быстро неслись онѣ надъ головой; на западѣ виднѣлась узкая, алая полоса свѣта—солнце только что зашло, а между тѣмъ наступила уже темнота; безмолвно ждала пересохшая, покрытая отмершими растеніями, степь дождя.

Громадными зигзагами пробѣжала молнія по небу, на мгновеніе озаривъ степь, грянулъ громъ и полилъ страшный дождь. Молніи слѣдовали одна за

другой, быстрые удары грома слились въ непрерывный гулъ — сильные порывы вѣтра, казалось, срывали все, что поддавалось ихъ силѣ....

....Черезъ часъ можно было ѣхать дальше. Степь вся стихла, грозы какъ не бывало: тучи виднѣлись гдѣ то вдали, звѣзды блестѣли яркимъ свѣтомъ, вѣтеръ стихъ и лишь свѣжесть воздуха и сырая почва напоминали о дождѣ. Свѣжія, только что смѣненныя лошади везли насъ хорошей рысью; среди ночной прохлады вторую часть пути сдѣлали мы вдвое быстрѣй.

Была уже ночь, когда мы подъѣхали къ дому „обѣзчика“ *).

Не смотря на поздній часъ, виднѣнъ былъ въ окнахъ огонь, и къ намъ вышли навстрѣчу съ фонаремъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Чапчачинскій **) соляной промыселъ палъ, поселокъ опустѣлъ — дома стоятъ заколоченные, ставни закрыты — въ ожиданіи прилива новыхъ силъ, возникновенія новыхъ проектовъ.

Живущій здѣсь „обѣзчикъ“ — принялъ у себя насъ и поставилъ самоваръ. Онъ сталъ рассказывать про упавшій промыселъ, про достоин-

*) Должность на соляныхъ промыслахъ.

**) Говорятъ также Чипчичи и Чипчачи; Ауэрбахъ называетъ Чапчачи также Арзагаромъ, между тѣмъ какъ Гебель Арзагаромъ называетъ гору Бисчокъ (Бисчохо Ауэрбаха), лежащую въ 80-ти верстахъ отъ Чипчачи на юго-востокъ.

ство Чапчачинской соли, про преимущество ея передъ солью Баскучака и Эльтона и т. д.—Въ концѣ-концовъ оказалось, что онъ нѣмецъ. Этому мы совсѣмъ не ожидали—встрѣтить среди Киргизской степи представителя этой столь далеко за нами оставшейся Европы.

На слѣдующее утро направились мы въ сопровожденіи объѣзчика осматривать соляную шахту и остатки соляныхъ копей.

Чапчачи уже нѣсколько столѣтій тому назадъ были извѣстны своей солью высокаго качества; уже давно калмыки употребляли ея, уже въ XVI столѣтіи смѣлые русскіе купцы скупали и вывозили ея. Наконецъ, наступилъ для Чапчачи моментъ торжества—соль ея была признана экспертами за соль высокаго качества; далѣе было обнаружено, что залежи каменной соли гигантскіе. Явились предприниматели, начались раскопки, были построены шахты; слава про Чапчачинскую соль пронеслась съ быстротой молнии по всей Руси. Но все это было не на долго—Баскунчакъ, естественный соперникъ Чапчачи, одержалъ верхъ. Близкое разстояніе отъ Волги и, наконецъ, построенная желѣзная дорога убили окончательно Чапчачи; предприниматели должны были отступить—шахта была закрыта до болѣе благопріятнаго времени.

Шахта сохранилась еще вполнѣ хорошо, какъ относительно ея внутренняго вида, такъ и относительно внѣшней постройки. Разбросанныя до-

ски, цѣлая гора наваленной изъ шахты каменной соли имѣли видъ только нѣсколько дней тому назадъ брошенной работы.

Спускаясь въ шахту, мы шли по лѣстницѣ—ея ступеньки были сплошь покрыты натеками соли; тутъ и тамъ виднѣлись соляные сталактиты недавняго происхожденія. Галлерей шахты очень высоки и широки, полъ большею частію довольно ровень, но почти повсюду стоитъ вода выше колѣнъ. При тускломъ свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей было какъ-то странно глядѣть на возвышающіяся справа и слѣва соляныя стѣны. Когда мы наконецъ поднялись на верхъ, то дневной свѣтъ казался ослѣпительно яркимъ.

Дрожь пробѣгала по тѣлу и мы невольно съ удовольствіемъ обогрѣвались подъ лучами солнца послѣ холодной и сырой атмосферы шахты.

Далѣе сохранился „разносъ“, изъ котораго также добывалась каменная соль. Этотъ „разносъ“ имѣетъ видъ каменоломни. На днѣ его накопилось воды (какъ мнѣ передавали) на три сажени; въ нее то и падаетъ 3-хъ саженная соляная стѣна *) совершенно отвѣсно. Стѣна эта благодаря прослойкамъ сѣрымъ и бѣлымъ, которыя не горизонтальны, а изогнуты въ различныхъ направленіяхъ, имѣетъ видъ жилистаго сѣраго мрамора. Вода, находящаяся на днѣ, насыщена солью (23%) и до того плотна, что человѣкъ при плаваніи почти не то-

*) См. рисунокъ.

нетъ—по краямъ этого бассейна отлагаются изящныя кристаллы соли. При видѣ всего этого нашъ Джума-гали пришелъ въ нѣмое удивленіе.

„И это все соль, баринъ?“—спрашивалъ онъ,—
„та самая, что продаютъ въ Ставкѣ?“.....

Нѣмецъ юбъѣзчикъ все время сопровождалъ насъ—онъ успѣлъ научиться верховой ѣздѣ, даже усвоилъ отчасти киргизскую посадку и приобрѣлъ себѣ хорошую лошадь. Чувствовалъ ли онъ здѣсь по временамъ тоску по родинѣ, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онъ примирился съ окружающею его обстановкой и ни мало не горевалъ среди степняковъ

На возвратномъ пути къ Баскунчаку остановились мы не надолго на хуторѣ. Пока наши лошади кормились, малороссіянка поставила намъ самоваръ

На Баскунчакѣ любезно принялъ насъ начальникъ солянаго промысла. На слѣдующій же день нашего приѣзда отправились мы верхомъ, чтобы осмотрѣть гору Богдо и поэкскурсировать на ней. Лошади были у насъ прекрасныя. Мы скоро достигли подножья горы и стали медленно подыматься по отлогому склону. Скоро въѣхали мы въ ущелье—справа и слѣва возвышались высокія стѣны песчанника, тутъ и тамъ виднѣлись обнаженныя глины разныхъ цвѣтовъ. Среди этого ущелья можно было

забыть, что находимся въ степи. Тутъ мы оставили своихъ лошадей и Джума-гали и стали подыматься на вершину.

Тутъ и тамъ выходили изъ массы горы отдѣльные утесы—мы оглянулись: позади насъ было ущелье, наши лошади стояли смирно и рядомъ съ ними виднѣлась фигура Джума-гали—все это до того было далеко отъ степныхъ картинъ, что и Джума-гали нашъ не казался похожимъ на киргиза, а походилъ на татарина Крыма или Кавказа. Съ вершины горы открылся видъ на степь и на Баскунчакское озеро—последнее свѣтилось въ лучахъ солнца ослѣпительно-свѣтло.....

Въ тотъ же день къ вечеру отправились мы за нѣсколько верстъ отъ Баскунчака въ пещеру—тутъ долженъ былъ Джума-гали совершить подвигъ--„спуститься къ Шайтану“. Долго онъ не соглашался сойти „подъ землю“, и нѣсколько разъ порывался на полдорогѣ вернуться, но въ концѣ концовъ, когда весь путь былъ пройденъ, то не мало онъ радовался этой прогулкѣ.

На возвратномъ пути отъ пещеры засталъ насъ ураганъ. Страшный вѣтеръ подымалъ цѣлыя стѣны горячаго песку, который падалъ на насъ. Только добрые кони помогли намъ скоро добраться домой—мы же вполне положились на нихъ: почти совсѣмъ закрывши глаза и по возможности повертываясь спиной къ вѣтру, не видя ничего далѣе

5-ти шаговъ—побуждали ихъ къ еще болѣе сильной рыси

— Покидая съ нами Баскунчакъ, Джума-гали долженъ былъ въ первый разъ въ жизни испытать ѣзду по желѣзной дорогѣ; но человѣкъ свыкается со всѣмъ, такъ и онъ скоро свикся со своимъ положеніемъ, сидя въ вагонѣ

Въ ожиданіи отхода поѣзда разговорились мы съ однимъ изъ мѣстныхъ жителей — человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ. Онъ жаловался на неудобства, которыя приходится переносить на Баскунчакскомъ поселкѣ, на безпорядокъ

— „Да что и говорить..... Богу негдѣ помолиться, не то, что жить“.

Я замѣтилъ, что вѣдь въ поселкѣ есть церковь: „она дѣйствительно мала и деревянная, но все таки храмъ Божій“.

— „Ну, ужъ и церковь“,—отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ,—„съ голыми стѣнами, безъ иконъ, крыша протекаетъ“.....

— „Что она, старая“?

— „Это бы еще ничего, а то вѣдь недавно построили,—только и хватило ее, что на освященіе; а какъ архіерей то уѣхалъ, да пошелъ дождь, такъ вся живопись съ иконъ слѣзла..... просто срамта..... а купцы, наши промышленники, подписку собираютъ, чтобы выстроить каменную мечеть для рабочихъ киргизовъ, а то дескать всѣ разбѣгут-

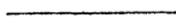
ся..... о нехристяхъ то заботятся, а Бога то своего забываютъ..... а все вѣдь корысть“.....

Старикъ махнулъ рукой и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой.

Во Владиміровку пріѣхали мы уже вечеромъ. Привѣтливой влагой пахнуло на насъ со стороны Волги—все тутъ казалось намъ роднымъ. Мы съ жадностью вдыхали запахъ тополей, мы радостно смотрѣли на нависшія вѣтки ивъ. Тутъ вѣяло просторомъ тоже, но инымъ просторомъ, чѣмъ въ степи, чѣмъ то роднымъ. Мы подошли къ пристани—массы темной воды ровно катились мимо насъ, тутъ и тамъ шныряли лодки, вдали блестѣли огоньки костровъ—мы радостно, послѣ долгаго пути среди песковъ степи, среди мертвенной плоскости, привѣтствовали родную Волгу.....

Но вотъ показались огни: красный, голубой и бѣлый — обрисовалась мачта, труба; сильнѣе и сильнѣе зашумѣли колеса — наконецъ, пароходъ сталъ.

Джума-гали, который уже при видѣ Волги, этой массы воды, стоялъ въ недоумѣніи, окончательно потерялся при видѣ многочисленныхъ пассажировъ парохода—въ полузабытѣи вошелъ онъ на палубу, въ полузабытѣи сѣлъ и тутъ же отдался дремотѣ и сну, подавленный впечатлѣніями послѣднихъ дней.

VII.

На дельтѣ Волги.

Низовья Волги.—Астрахань.—Жизнь въ Астрахани.—Нравы и типы Астрахани.—Отплытіе къ морю.—Маленькая непріятность.—Ночлегъ на рѣкѣ.—Черепаша.—Дальнѣйшій путь.—Каспій.—На берегу у Киргизовъ.—Охота на пеликановъ.—Кочевье калмыковъ.—Тинакскія лечебныя грязи.—Домой.

.
.

....Унылые, песчаные берега провожаютъ насъ уже нѣсколько часовъ—скоро и Астрахань.

Разливъ уже кончился въ низовьяхъ Волги: тутъ и тамъ виднѣются выступающія песчанья косы, желтѣютъ мели, но все еще велика масса воды, все еще съ могучею силою перекачивается она и срываетъ глыбы песку, увлекая ихъ съ собою со всею своею неопредодолимою силою.

Но вотъ, зачернѣли мачты судовъ, запестрѣли дома и церкви, видны сотни лодокъ; нашъ пароходъ далъ свистокъ, раздались крики на палубѣ, они повторились на пристани—мы стали.

Все пестро на берегу—бѣгутъ и кричатъ носильщики—персіяне, извощикъ—татаринъ, торговецъ—

армянинъ, колонистъ—нѣмецъ, праздностоящій—калмыкъ. Среди этой разнородной толпы можно было бы подумать, что находишься въ землѣ чужой, еслибы не русскій человѣкъ, который виденъ тутъ и тамъ; онъ здѣсь уже давно, онъ одинъ господинъ: уже давно водруженъ имъ восьмиконечный крестъ, уже давно красуется соборъ среди кремля.

Астрахань, какъ всѣ русскіе города, раскинулась широко; мало каменныхъ и высокихъ домовъ, все больше одноэтажные деревянные; длинные сѣрые заборы, много кривыхъ немощеныхъ улицъ—пыль стоитъ столбомъ. Зимой Астрахань спитъ, и ничто иное, какъ глухая провинція. Она отрѣзана отъ остальныхъ городовъ ледяными покровами Волги и большими снѣжными заносами. Спокойно сидитъ мѣстный житель, обреченный на узкіе интересы забытаго міромъ провинціала. Лѣтомъ не то. Волга освобождается отъ льдовъ и этимъ открывается путь ко всѣмъ городамъ, усиливается и пароходство на Каспій; тысячи купцовъ пріѣзжаютъ въ Астрахань: кто проѣздомъ передъ Нижегородской ярмаркой, кто для того, чтобы сдѣлать кой-какіе обороты въ самой Астрахани—армяне, персіяне, туркмены, киргизы, калмыки, татары, нѣмцы и другіе инородцы мелькаютъ на улицахъ, толпятся на биржѣ, суетятся на пристаняхъ. Сотни судовъ большихъ и малыхъ, рѣчныхъ

и морскихъ тѣснятся на Болдѣ: *) пристають, отходятъ, маневрируютъ, нагружаются и выгружаются; громадныя склады товаровъ стоятъ на берегу. Тутъ Астрахань превращается въ большой портовый городъ—все оживлено, все горюпится покончить дѣла до ноября, до прекращенія судоходства. Безпорядокъ, пыль, сутолка; повсюду носильщики и ломовые, крикъ и брань—оживленіе.

Но все это относится къ торговой части города: къ пристанямъ, биржѣ и т. п. Кромѣ этого въ Астрахани есть еще центральная часть города и слободы. Послѣднія построены раскидисто; деревянные дома, мосты, деревянные мечети.— Самая лучшая часть города центральная. Тутъ улицы вымощены камнемъ, сдѣланы недурные тротуары, построены каменные дома, большія церкви. Но эта центральная часть по отношенію къ остальному городу такъ мала и такъ мало цѣльна, что ее не сразу замѣчаешь и нужно сначала свыкнуться съ городомъ, чтобы отчлениить ее отъ остальныхъ частей. Къ центральной части города примыкаетъ и кремль.

Въ кремлѣ же находится соборъ—гордость Астраханцевъ.—Дѣйствительно, соборъ большой, съ большимъ богатымъ иконостасомъ; но зато

*) Главная часть Астрахани лежитъ на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ, образуемыхъ дельтою Волги. Одинъ изъ рукавовъ Волги и есть Болда.

внѣшность его заставляетъ желать большаго: ка-кого-нибудь стилия усмотрѣть положительно нельзя—даже главы, которыя у насъ на Руси успѣли выработать свою физиономію и представляютъ нѣчто опредѣленное, даже онѣ имѣютъ какую-то особенную форму.

Достопримѣчательностью города, пожалуй, можно считать, хотя сами Астраханцы и не замѣчаютъ ее, ворота, находящіяся въ двухъ шагахъ отъ почты и телеграфа. Эти ворота имѣютъ чрезвычайно оригинальный видъ. Представьте себѣ—высокія ворота, съ боковыми колоннами, на верху два раскрашенныхъ льва, а между ними сидитъ большая фигура китаецца подъ зонтикомъ. Мнѣ рассказывали, будто, тутъ нѣкогда былъ складъ индѣйской компаніи—но къ чему же китаецъ?... О другихъ достопримѣчательностяхъ, пожалуй, упоминать не нужно.

— Жизнь въ Астрахани вполне провинціальна. Народъ большею частью торговый—днемъ при дѣлѣ: на биржѣ, на пристани, на судахъ; вечеромъ въ саду „Аркадія“. Тамъ музыка, гулянье, оперетка и т. п. Это любимое мѣстопробываніе Астраханцевъ, и садъ этотъ никогда не бываетъ пустъ. Далѣе собирается публика въ садахъ: губернаторскомъ и полицейскомъ—(они малы, почти безъ тѣни) и на бульварахъ. Наконецъ, помимо садовъ, собирается публика вечеромъ на мостахъ. Какъ это ни покажется страннымъ, но это дѣй-

ствительно такъ. На мостахъ стоять скамейки, а на скамейкахъ помѣщается публика, бесѣдуетъ о происшествіяхъ минувшаго дня, о текущихъ вопросахъ и т. д.

Нравы въ Астрахани нѣсколько странны для насъ — мы привыкли называть такіе нравы дикими. Типы „Китъ Китычей“, которыхъ описываютъ у насъ въ юмористическихъ журналахъ, не выродились тамъ нисколько. Купецъ играетъ первую роль въ Астрахани: если онъ богатъ, то онъ сила — онъ царь. Въ Астрахани всѣ помѣшались на быстрыхъ оборотахъ, имъ способствуетъ матеріаль торговли, какъ-то нефть, соль и т. д.; многіе скоро богатыютъ, но и быстро теряютъ свое состояніе, благодаря какой-нибудь оплошности. Чтобы поставить дѣло на солидную ногу, чтобы стать конкурентомъ такихъ иностранныхъ фирмъ, какъ Нибель — объ этомъ думаютъ очень немногіе. Средній купецъ Астраханскій производитъ очень непріятное впечатлѣніе: онъ грубъ, онъ рутиненъ, не образованъ — онъ не культуренъ. Всѣ эти качества выражаются во всей своей непривлекательной наготѣ, когда „Китъ Китычъ“ разгуляется; хотя нерѣдко свою грубость онъ выказываетъ и въ совершенно трезвомъ состояніи. Такъ одинъ купецъ, обладающій паровой шхуной съ паровой помпой большой силы, пробуя ея достоинство и разѣзжая по Болдѣ, утѣшалъ себя тѣмъ, что обрызгивалъ водой вышедшихъ на палубу другихъ судовъ

полюбопытствовать на зрѣлище и проѣзжавшихъ тутъ же на лодкахъ. Всего лучше—то, что онъ этимъ не вызывалъ ни малѣйшаго негодованія со стороны пострадавшихъ—настолько привыкли всѣ въ Астрахани къ купеческой „забавѣ“.

Другой купецъ отличился на моихъ же глазахъ еще лучше. Онъ за свое богатство пользовался общимъ „уваженіемъ“. Къ нему на дачѣ, Богъ вѣсть за какія заслуги, приставлены двое стражниковъ, т. е. верховыхъ полицейскихъ. Какъ то разъ, выѣзжая со своей дачи кутить, онъ только крикнулъ у воротъ стражнику.

— „Стражникъ, поѣзжай впередъ, оберегай своего господина, потому что я буду сегодня кутить, буду пьянствовать“,—онъ уже былъ выпивши. Въѣхавши въ городъ, велѣлъ онъ стражнику скакать впередъ, чтобы „дескать знали, кто ѣдетъ“.

— „Да по мостамъ то свищи“!

Стражникъ поѣхалъ впередъ и, въѣзжая на мостъ, каждый разъ свистѣлъ, чтобы всѣ сидящіе на мосту знали, что ѣдетъ дескать вотъ кто. Но этимъ дѣло не кончилось: встрѣтивъ по дорогѣ случайно проѣзжавшаго верховаго полицейскаго, онъ и ему, бросивъ денегъ, велѣлъ впереди скакать и свистѣть. Такъ и ѣхалъ Астраханскій купецъ-богачъ по улицамъ роднаго города со „свистомъ на мостахъ“. Прибыли въ садъ „Аркадію“; тутъ хотѣлъ богачъ себя показать во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей силѣ. Шла опера; во время увертюры, си-

дѣвшій въ директорской ложѣ, „Китъ Китычъ“ закричалъ на оркестръ „стой!“ — выбросилъ имъ пачку денегъ и крикнулъ: „камаринскаго валяй!“ — и, о удивленіе! при полномъ театрѣ, въ присутствіи мѣстной полиціи, оркестръ, прервавъ увертюру, начинаетъ играть „камаринскаго“. Ни одного звука негодованія, ни малѣйшаго протеста не было заявлено со стороны присутствовавшихъ въ театрѣ.

— „Зови ко мнѣ артиста Ш.!“ — крикнулъ лакею богачъ, успѣвшій въ своей ложѣ, изъ которой велъ ходъ за кулисы, устроиться съ виномъ. Является артистъ, загримированный, въ костюмѣ.

— „Пей!“ — велитъ ему „Китъ“.

— „Помилуйте, мнѣ надо сейчасъ выходить“.

— „Кто тебѣ велѣлъ“?

— „Да режиссеръ“.

— „А я тебѣ велю — пей!“ — и артистъ долженъ былъ повиноваться.

Сначала можетъ все это показаться смѣшнымъ и забавнымъ; но если взглянуть на это дѣло серьезно, то нельзя не погоревать о той рутинѣ, которая еще въ такой силѣ царитъ у насъ, и въ такомъ именно мѣстѣ, гдѣ при умѣ и культурности можно было бы держать знамя русскаго имени высоко. Вѣдь Астрахань у воротъ Азіи!

Многое изъ нравовъ Астрахани поражаетъ насъ странностью своей. Вотъ, при открытыхъ дверяхъ сидитъ упитанный армянинъ — онъ нотаріусъ.

— „Что, душа мой, хочешь“? — обращается но-

тариусъ. Пришедшій купецъ объясняетъ свое желаніе.

„А сколько тебѣ слѣдуетъ за это“?—спрашиваетъ онъ.

„Пять рублей безъ лишняго съ печатью и подписью—все, душа мой, будетъ“,—отвѣчаетъ нотариусъ.

Бумага написана и печать приложена.

„Ну, съ тебя и трешницы довольно“,—замѣчаетъ купецъ, выбрасывая бумажку на столъ.

Восточные люди съ своей стороны способствуютъ немало оригинальности города: торгующіе фруктами персіяне, а также персіяне-носильщики, туркмены въ своихъ халатахъ, киргизы на арбахъ, калмыки въ синихъ зипунахъ—все это даетъ городу свою физиономію.

Между прѣѣжимъ, который рѣдко ускользаетъ отъ глаза мѣстнаго жителя, и армяниномъ торговцемъ завязывается такой разговоръ.

„Откуда будэшъ“?

„Изъ Москвы“.

„О!... А куда ѣдэшъ“?

„Въ Персію“.

„О!... дорогу строить станэшъ“?.....

Въ персидской лавочкѣ персіанинъ съ восточной любезностью предлагалъ намъ купить мундштукъ изъ чернаго янтаря. Видя, что мы не склоняемся купить его, онъ рѣшительно и съ серьезнымъ выраженіемъ лица сказалъ:

„Купишь—счастливь будэшъ; нэ купышь -- умрешъ“.

И когда мы согласились, уступая его просьбамъ, взять мундштукъ, онъ добавилъ съ мягкой улыбкой и наклонивъ голову на бокъ: „курить будэшъ—счастливь будэшъ“.

Астрахань не имѣетъ красивыхъ и привлекательныхъ окрестностей—кругомъ или степь или песокъ. Единственнымъ развлеченіемъ среди природы представляются для Астраханцевъ поѣздки на острова, лежащіе на дельтѣ Волги. Эти острова покрыты привлекательной растительностію: деревья, душистые луга позволяютъ забыть на время близкой лежащей городъ. Но Астраханскія окрестности имѣютъ для пріѣзжаго другой интересъ. Такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ Астрахани кочуютъ калмыки, кундровскіе и юртовые татары и недалеко находятся Тинакскія лѣчебныя грязи, которыя также могутъ представлять извѣстный интересъ. На сколько богаты окрестности Астрахани и вся Астраханская губернія мѣстами, интересными въ геологическомъ, зоологическомъ, антропологическомъ, археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, на столько же сама Астрахань бѣдна просвѣщеніемъ. Для Астраханцевъ не существуетъ инаго интереса, кромѣ денежнаго, хоть тутъ все погибай—и то маленькое ученое общество, которое дѣлаетъ попытки противостоятъ общему движенію, лишено для своихъ цѣлей всякихъ

средствъ, не находя никакой поддержки со стороны „влиятельныхъ“ лицъ города. Но среди рутинныхъ типовъ обитателей Астрахани находятся и свѣтлыя головы; онѣ не „изъ ученыхъ“, но, обладая трезвымъ русскимъ умомъ, онѣ занимаютъ видное мѣсто среди иностранныхъ фирмъ. Настойчивой энергіею, систематичнымъ дѣйстви-емъ ими сдѣлано много, и русское сердце радостно бьется при ихъ имени. Къ нимъ принадлежитъ изобрѣтатель системы наливныхъ судовъ для перевозки нефти Н. Ар... въ; онъ же и составитель разумныхъ и трезвыхъ проектовъ по устройенію портовъ; онъ же и въ думѣ во время скажетъ свое разумное слово

* * *

..... Всѣ наши дѣла были уже покончены въ Астрахани, оставаться было уже незачѣмъ и мы торопились выѣхать въ приморскій округъ Киргизской степи. Эта наша поѣздка должна была быть совершена на лодкѣ и продлиться не болѣе двухъ недѣль. Лодка наша большая, просторная, есть мачта и хорошій, крѣпкій парусъ. Проводники наши, дядя Никифоръ, мужикъ пожилыхъ лѣтъ съ взерошенной длинной бородой, — онъ знаетъ хорошо всѣ рукава дельты — онъ „морякъ“; далѣе, отставной солдатъ Андрей, служившій долго на Кавказѣ — высокій и сильный дѣтина съ окладистой черной бородой — и отставной солдатъ Николай, служив-

шій въ арміи, человекъ невысокаго роста, съ черной бородой и съ измятымъ солдатскимъ картузомъ на головѣ.

Все было уложено: кое что изъ нашихъ вещей, самоваръ, съѣстные припасы—мы были готовы къ отплытію

— „Взяли ли съ собою водку?“ — спросилъ я гребцовъ.

— „Какъ же можно безъ водки—слишкомъ десять дней на водѣ, да безъ водки“, —отвѣчали въ одинъ голосъ гребцы.

Мы сѣли, сѣлъ и Джума-гали, гребцы сняли шапки и, повернувшись лицомъ къ кремлю и собору, перекрестились.

— „Дай то Богъ благополучно доплыть и воротиться“, —произнесъ набожно Андрей.

— „Отваливай!“—скомандовалъ дядя Никофоръ, исправлявшій должность рулеваго

Солнце закатилось, быстро надвигалась тьма, вѣтеръ стихъ, парусъ былъ снятъ и мы, медленно двигаясь на веслахъ—стали поговаривать о ночлегѣ.

— „Вотъ тутъ недалеча яръ есть“, —сказалъ дядя Никифоръ—„тамъ и привалить удобно и костеръ развести хорошо“.

Но, не доѣзжая еще до мѣста ночлега, случилась съ нами маленькая неприятность.

Наши гребцы уже въ Астрахани значительно выпили, далѣе по пути они неоднократно прикла-

дывались къ бутылкѣ съ водкой. Вино оказало свое дѣйствіе: между гребцами началась перебранка и приказанія дяди Никифора (главнаго среди нихъ) исполнялись съ неудовольствіемъ и неряшливо. Но и дядя Никифоръ былъ далеко не трезвъ и намъ пришлось возвысить свой голосъ, чтобы прекратить беспорядокъ въ самомъ началѣ и водворить дисциплину, безъ которой мы не могли бы прожить на лодкѣ около двухъ недѣль.

Мы были уже недалеко отъ мѣста предполагаемаго ночлега, какъ вдругъ показался пароходъ; онъ ѣхалъ прямо на насъ. Полагаясь на знаніе гребцовъ и рулеваго, оставались мы совершенно спокойны; но пароходъ приближался, все двигаясь на насъ. Онъ былъ уже совсѣмъ близко. Я сказалъ Никифору: чтобы онъ держалъ правѣй, но онъ замѣтилъ, что пароходъ долженъ самъ сейчасъ свернуть, такъ какъ тутъ мѣсто мелкое и онъ проѣхать не можетъ. Но пароходъ не сворачивалъ и мы съ каждой минутой приближались къ нему. Наконецъ и Николай, увидя опасность, закричалъ на Никифора:

— „Что-жь ты не держишь правѣй, вѣдь видишь, что пароходъ идетъ на насъ“.

— „Да говорятъ тебѣ, что ему здѣсь ѣхать не слѣдуетъ, что тутъ мелко“,—злбно проговорилъ Никифоръ съ настойчивостью пьянаго.

— „Однако онъ ѣдетъ на насъ“,—замѣтилъ Николай.

— „Ну, и сядетъ онъ на мель“,— отвѣтили Никифоръ.

Намъ уже грозила опасность быть раздавленными пароходомъ, такъ какъ нашу лодку, которая была значительной величины, нельзя было въ нѣсколько минутъ отгрести въ сторону. Намъ уже серьезно грозила опасность быть разбитыми въ дребезги, какъ вдругъ раздался глухой трескъ, послышались голоса на пароходѣ, шумъ, бѣготня. Пароходъ дѣйствительно сѣлъ на мель. . . .

— „Ну, что, вѣдь говорилъ я тебѣ, что ему здѣсь ѣхать не слѣдъ“, — сказала самодовольно дядя Никифоръ, — „такъ ты не спорь, если не знаешь“.

Мы впоследствии имѣли неоднократно случай убѣдиться въ опытности дяди Никифора: онъ зналъ каждую бухту, каждую косу и мель, онъ родился на дельтѣ Волги и уже 45-ть лѣтъ ѣздилъ по ней.

Гребцы смолкли и опустили весла; всѣ были подъ впечатлѣніемъ случившагося, хмѣль однако сошелъ. Сидѣлъ за рулемъ молча и угрюмо дядя Никифоръ, наша лодка качалась въ волнахъ отъ колесъ парохода. Дядя Никифоръ первый пришелъ въ себя.

— „Ну, что же“,— крикнулъ онъ на гребцовъ, — „бери весла“.

Дружно ударили весла объ воду, лодка медленно повернулась и затѣмъ, плавно, еле-качаясь,

поплыла по темной водѣ,—минуть черезъ Ю-ть пристали мы къ яру

Наступила уже ночь, заснула рѣка—не было видно ни лодокъ, ни судовъ, только вдали, на берегу, свѣтились костры и доносились отрывисто голоса расположившихся на ночлегъ рыбаковъ. Нашъ костеръ ярко пылалъ, озаряя темныя лица нашихъ гребцовъ. Мы сидѣли вокругъ костра, тутъ же рядомъ и Джума-гали—онъ еще не свyksя съ новымъ положеніемъ и былъ радъ, что наконецъ оставилъ лодку и сидитъ на твердой землѣ.

На костеръ налетали тысячи насѣкомыхъ, казалось, они хотѣли своей массой потушить огонь, но погибали сами. Наша уха уже сварилась, котель былъ снятъ съ костра, и мы всѣ поочередно опускали деревянные ложки въ котель.

Но вотъ конченъ ужинъ и выпить чай, потушенъ костеръ, и лишь фонарь, привязанный къ мачтѣ, тускло горитъ.

Наши гребцы творятъ молитву, затѣмъ отправляются на покой—кто ложится на дно лодки, кто на корму.

Потухли дальніе и ближніе костры; замолкло все; съ берега доносится запахъ сѣна; вдали чернѣется противоположный берегъ. Мириады звѣздъ необыкновенно ярко свѣтятъ на небѣ—все старыя знакомыя: Большая Медвѣдица, Драконъ, Кассіопея—всѣ свершаютъ свой путь, и лишь Полярная звѣзда, этотъ стражъ сѣвернаго полушарія, описываетъ

незамѣтный для глазъ кругъ, служа какъ бы центромъ вращенія для всѣхъ остальныхъ

Солнце взошло, но былъ еще ранній часъ, когда мы, напившись чаю, продолжали нашъ путь.

Вѣтеръ не былъ попутный, и мы медленно, то на веслахъ, то на бичевѣ подвигались дальше. Мы въѣхали въ Черепаху *); справа и слѣва тянулись веселые берега. Высокая и сочная трава подымалась на берегу, разнообразныя душистыя растенія наполняли воздухъ нѣжнымъ ароматомъ, повисшія вѣтки ивъ купались въ тихихъ водахъ Черепахи. Ежеминутно встрѣчались намъ лодки; плавно двигались онѣ съ поднятымъ парусомъ противъ теченія. Въ лодкахъ сидѣли то калмыки, то русскіе, то киргизы; при видѣ послѣднихъ радовался Джума-гали. Въ этихъ мѣстахъ киргизъ пересталъ быть степнякомъ и, свыкнувшись съ окружающей его средой, занялся рыболовствомъ, завелъ себѣ лодки, забывъ открытую знойную степь, верблюда и быструю лошадь.

Такъ продолжали мы нашъ путь: то на веслахъ, то на бичевѣ, то, когда дулъ попутный вѣтеръ, на парусахъ. Прошло уже нѣсколько дней. Населенные острова остались далеко за нами; не встрѣчались уже больше и лодки—все кругомъ было пустынно. Потянулись маленькіе голые острова,

*. Одинъ изъ рукавовъ дельты.

болѣе молодые по происхожденію, ихъ берега поросли камышемъ. У насъ вышли всѣ сѣстные припасы, и мы должны были заботиться о нашемъ питаніи сами. Вставая съ восходомъ солнца, начинали мы охоту на чаекъ и баклановъ. Послѣдніе стрѣлялись трудно, но за то чаекъ били мы много, дѣлая, такимъ образомъ, запасъ пищи для всѣхъ на весь день.

Какъ то разъ, къ вечеру, встрѣтили мы ловившихъ рыбу калмыковъ—это были рабочіе одной ватаги. На вечеръ у насъ ничего не оставалось ѣсть, и мы обрадовались, увидя ихъ, въ надеждѣ купить у нихъ рыбу. Мы облюбовали большаго осетра, но калмыки отказались продать его, ссылаясь на то, что по близости объѣзчикъ, который можетъ увидать и взыскать съ нихъ штрафъ. Наши гребцы продолжали уговаривать ихъ, но наконецъ одинъ изъ калмыковъ обратился къ намъ и сказалъ:

— „Нѣтъ, баринъ, не покупай рыбу, и тебѣ, и намъ грѣхъ будетъ, а возьми лучше на котель“ *).

Пустынные острова смѣнились камышевыми, новѣйшаго происхожденія; устья становились все

*) Работающимъ на ватагахъ строго запрещено (подъ страхомъ большаго штрафа) продавать пойманную ими рыбу, но имъ дано право, проѣзжающимъ и спрашивающимъ у нихъ рыбу, давать „на котель“, т. е. не много и при томъ больше мелкой рыбы.

шире и шире—острова все меньше и рѣже. Вода уже не тихо лилась, окаймленная ярыстыми берегами, но расплылась въ ширь; могучими, не рѣчными волнами, подымалась она и незамѣтно переходила въ Каспійское море. Мы завернули, островъ остался въ сторонѣ, и передъ нами открылся Каспій. Его грязныя, мутно-зеленыя волны сильно били о бортъ нашей лодки; она же, съ поднятымъ парусомъ, нагнувшись на бокъ, съ силою бороздила морскую воду. Далеко, вплоть до горизонта, виднѣлась вода и какъ то чувствовалось, что она протянулась еще дальше, на 1000 верстъ, до береговъ Перси

*

Наконецъ, мы достигли конечной цѣли нашего пути—Приморскаго округа Киргизской степи. Было послано за помощникомъ правителя округа. Киргизы взволновались: такого посѣщенія и приѣзда съ моря они не ждали—сотни догадокъ были ими сдѣланы касательно цѣли нашей поѣздки и они были очень рады, что Джума-гали вывелъ ихъ изъ недоумѣнія. Но скоро вопросъ о нашемъ приѣздѣ былъ откинутъ въ сторону—киргизы осадили Джума-гали, требуя новостей. Среди киргизовъ и здѣсь нашелся кунакъ Джума-гали: его затащили

туда, стали отпаивать кумысомъ и кормить бараниной.

Наконецъ, явился помощникъ правителя, Ирали, толстый — упитанный киргизъ. На немъ былъ надѣтъ бѣлый лѣтній кафтанъ татарскаго покроя и широкой цвѣтной бухарскій поясъ. Онъ заявилъ, что есть осѣдланныя лошади и что мы можемъ ѣхать, если желаемъ. Насъ кромѣ Ирали и нѣсколькихъ киргизовъ сопровождалъ Джума-гали. Онъ вошелъ въ свою роль, какъ только сѣлъ на лошадь. Смущенія и страха, которые онъ обнаруживалъ въ лодкѣ, не осталось и слѣда. Онъ весело ѣхалъ то рысью, то пускалъ лошадь вскачь.

Плоская вымершая степь прерывалась мѣстами песчаными холмами. Ирали объяснилъ, что эти песчаные холмы распространяются съ каждымъ годомъ все дальше, и когда мы его спросили, отчего это происходитъ, онъ отвѣчалъ:

„Да, видите, мѣстами лежатъ холмы и на нихъ трава растетъ — внизу то песокъ, а его не видать; онъ крѣпкій отъ травы, а придетъ скотъ поѣсть и истопчетъ всю траву, тогда и песокъ свободный становится, а вѣтеръ подуетъ и потечетъ песокъ дальше“.

Какъ то во время экскурсіи въ степи къ намъ подскакалъ киргизъ и сказалъ, что недалеко въ сторонѣ сидитъ на болотѣ стая бабы-птицы. Мы направились туда. Дѣйствительно, на болотѣ сидѣ-

ла стая, состоящая, быть можетъ, изъ 500 пеликановъ. Намъ очень хотѣлось поохотиться на нихъ. Зная, что баба-птица сидитъ всегда съ бакланами, птицею чрезвычайно чуткою, мы спѣшили и оставили лошадей за холмомъ. Затѣмъ послали двухъ киргизовъ, что бы они далеко кругомъ объѣхали болото и гнали стаю на насъ. Сначала дѣло пошло какъ нельзя лучше. Встревоженная стая поднялась въ воздухъ и медленно и низко двигалась на насъ; но одинъ изъ киргизовъ, завернувшій въ сторону слишкомъ рано, былъ замѣченъ бакланами и пеликанами и вся стая, круто повернувъ, полетѣла отъ насъ

*

Окончивъ здѣсь свою зоологическую и антропологическую работу, рѣшили мы наконецъ ѣхать обратно въ Астрахань. Наши гребцы вымыли и вычистили лодку, вещи были уложены, и мы, простившись съ Ирали и другими киргизами, отчалили отъ берега

Послѣдующіе дни была сильная моряна *), и мы могли ѣхать все время съ парусомъ. Наша лодка летѣла стрѣлой, загибая то въ тотъ, то въ другой рукавъ. Не мало страха натерпѣлся при этой поѣздкѣ Джума-гали; ему все казалось, что вѣтеръ насъ опрокинетъ—но мы вполне благополучно совершили обратный путь

*) Вѣтеръ съ моря.

Не доѣзжая деревни Солянки, лежащей противъ Астрахани, мы остановились. Тутъ стояли кибитки калмыцкія и татарскія (юртовыхъ татаръ); не смотря на разную религію, эти два народа уживаются вполнѣ. Не рѣдко видишь, какъ дѣвушка татарка съ калмычкой идутъ за водой и можно бы было принять ихъ за одноплеменницъ, если бы не черты лица, если бы не костюмъ такъ рѣзко отличали ихъ другъ отъ друга. Кибитки бѣдны—ихъ закоптѣвшія кошмы были совсѣмъ черны, внутри частью сидѣли, частью лежали калмычки и калмыки. Загорѣлыя, безбородыя лица мужчинъ, черные какъ смоль волосы, черные глаза, широкій плоскій носъ—все это придавало имъ дикій видъ, невольно забывалось о почти рядомъ лежащемъ городѣ. Ни калмыки, ни татары не препятствуютъ вхожденію посторонняго въ кибитку, даже если однѣ женщины находятся тамъ.

Мы вошли въ хуруль *); въ немъ были разставлены пестро-окрашенные моленные барабаны, раскрашенныя платки, рядъ маленькихъ вещицъ на столѣ, изображеніе Ламы—вотъ все убранство небогатаго хурула: четыре мальчика (служители) сидѣли на пяткахъ, пятый стоялъ. Они ни мало не тронулись нашимъ приходомъ: они привыкли къ посѣщеніямъ. Продолжая весело болтать, они переглядывались, смѣялись и оглядывались на насъ—

*) Калмыцкій храмъ.

привыкнувъ видѣть частыхъ посѣтителей, относящихся безъ уваженія къ ихъ святыни, утратили и они благоговѣніе.

Неподалеку отъ этого кочевья находится русская деревня, у которой обыкновенно пристають, чтобы ѣхать на Тинакскія лѣчебныя грязи. Мы не хотѣли пропустить удобнаго случая повидать ихъ. Въ деревнѣ лошадей не оказалось—онѣ были всѣ разобраны. Намъ предложили подождать, но мы, узнавъ, что до „Грязей“ всего только семь верстъ, рѣшились идти туда пѣшкомъ. Не прошли мы и версты, какъ насъ догналъ мальчишка, ѣхавшій на арбѣ (двухколесной телѣгѣ).

— „Я васъ подвезу, лошадь то у меня бойкая“, — крикнулъ онъ намъ.

Мы согласились и, усѣвшись на арбѣ, поджавши ноги, поѣхали по степи. Дорога была гладкая, ровная, но все-таки насъ, благодаря нашему экипажу, сильно вскидывало и потряхивало. На „Грязяхъ“ мы застали всѣхъ больныхъ въ полномъ сборѣ;—быль пушень шаръ и всѣ собрались посмотреть это рѣдкое развлеченіе. Окрестности лѣчебнаго заведенія имѣютъ унылый видъ—цѣлый рядъ деревянныхъ домовъ—помѣщенія для ваннъ, помѣщенія для больныхъ и наконецъ для прислуги; въ сторонѣ расположено нѣсколько кибитокъ, принадлежащихъ киргизамъ, торгующимъ кумысомъ. Ванны устроены чисто, не богато и безъ затѣй, но добросовѣстно. Насъ водилъ по всему

заведенію смотритель, объясняя все. „У насъ садъ есть“, — добавилъ онъ подь конецъ.

Мы полюбопытствовали, гдѣ онъ собственно находится, такъ какъ кругомъ не было видно ни одного деревца.

— „А вотъ заѣдете за этотъ бугоръ“, — показалъ онъ рукой, — „тамъ и садъ будетъ“.

Мы сѣли опять на арбу и велѣли ѣхать въ указанномъ направленіи. Дѣйствительно, за бугромъ показалось нѣсколько рядовъ очень молодыхъ деревьевъ. Это были первая попытка развести садъ, достигнутая съ громаднымъ усиліемъ. Быть можетъ, со временемъ и выйдетъ изъ этого сада что-нибудь, но пока онъ представляетъ жалкій видъ. Эта пародія на лѣсъ или садъ дѣлала мѣсто еще скуднѣе.

Мы направились въ обратный путь.

— „Э-э милая“ — постоянно постегивая, погонялъ лошадь мальчишка, и она — то рысью, а больше вскачь, мчалась все впередъ довольно быстро. Но зато каждый ея скачекъ давалъ себя сильно знать, и мы были рады, когда сѣли въ нашу лодку.

Солнце уже закатилось, наступилъ вечеръ, на небѣ виднѣлся узкій серпъ луны. Вѣтра не было никакого, парусъ былъ снятъ и намъ пришлось по неволѣ положиться на весла. Мы двигались тихо и съ завистью глядѣли на маленькій пароходъ, который, съ большой силою разгребая колесами воду, перегналъ насъ и скоро скрылся въ туманъ.

ной дали.

Прошло нѣсколько дней, и мы стали собираться въ Москву. Наступилъ уже сентябрь и мы торопились. Былъ прекрасный вечеръ, когда мы, простившись съ Астраханью, сѣли на пароходъ....

Раздался третій свистокъ, пароходъ грузно покачнулся, сильно забилъ колесами—и мы поплыли вверхъ по Волгѣ. Скоро скрылись огни Астрахани, наступила чудная, тихая ночь

Мы проѣхали уже давно Черный Яръ, проѣхали и Владиміровку и подъѣзжали къ Царицыну....

— Съ дѣтской радостью привѣтствовали мы родныя мѣста, коренную Русь, забывъ всѣ невзгоды и лишенія оконченнаго путешествія. Ежеминутно смѣняли другъ-друга равнины, луга и лѣса, жадно вдыхали мы нашъ родной осенній, сѣверный воздухъ....

Съ радостію глядѣли мы изъ оконъ вагона на мелькающія пашни и огороды и съ нетерпѣніемъ ждали, когда передъ нашими глазами развернется сама золотоголовая Москва.

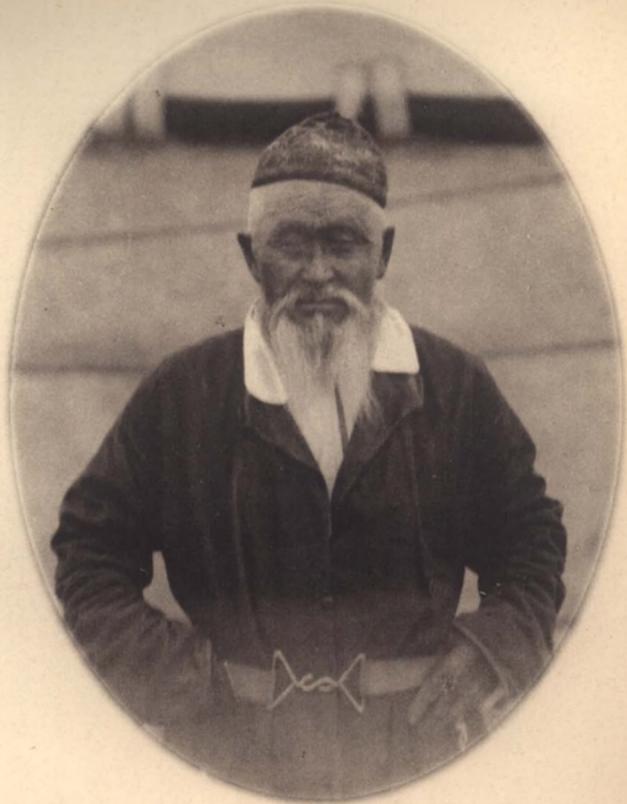
К О Н Е Ц Ъ .

О П Е Ч А Т К И:

Стр.	12	строк.	7	св.—	вмѣсто:	на нѣсколько вереть — читать:	
						на нѣсколько <i>сотъ</i> вереть.	
”	17	”	9	св.—	”	: я не помню—я не <i>знаю</i>	
”	25	”	1	сн.—	”	: видѣль—видя	
”	34	”	3	сн.—	”	: называется—называю я	
”	38	”	11	св.—	”	: Clonus—Cleonus	
”	45	”	2	сн.—	”	: Solicornia—Salicornia	
”	61	”	2	сн.—	”	: откладываетъ свои—отложены его	
”	146	”	9	св.—	”	: (степь)—степь	

МОЛОДАЯ КИРГИЗКА.

КИРГИЗЪ-СТАРИКЪ.

ДВѢ КИРГИЗКИ НА ВЕРБЛЮДѢ ВЪ ПЛОСКОЙ СТЕПИ.

КИРГИЗСКАЯ ЗИМОВКА (КУСТАУ).

БАЛКА ВЪ ПЛОСКОЙ СТЕПИ.

ПРОСТАЯ КИРГИЗКА.

БОГАТАЯ КИРГИЗСКАЯ ДЪВУШКА.

КИРГИЗСКІЙ АУЛЪ.

КИБИТКА БЪДНАГО КИРГИЗА.

ПОЖИЛОЙ КИРГИЗЪ.

КИРГИЗЪ СРЕДНИХЪ ЛѢТЪ.

ПЕРЕЎЗДЪ ЧЕРЕЗЪ СТЕПЬ НАРЫНЪ.

КИРГИЗЪ СТАРИКЪ и ПОЖИЛОЙ КИРГИЗЪ.

КИБИТКА БОГАТАГО КИРГИЗА.

СОЛЯНАЯ СТѢНА НА ЧАПЧАЧИ ОБНАЖЕННАЯ РАЗНОСОМЪ.

НА ДЕЛТЪ ВОЛГИ.